

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 20. № 1

Volume 20. No. 1

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2021

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

LOGOS ET PRAXIS

**2021
Том 20. № 1**

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

LOGOS ET PRAXIS

**2021
Volume 20. No. 1**

LOGOS ET PRAXIS

2021. Vol. 20. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Cand. Sc. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.N. Lebedeva* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.R. Lychkovskaya* (Odessa, Ukraine); Dr. Sc., Prof. *A.I. Pigalev* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Tereshchenko* (Minsk, Belarus); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editor of English texts *E.A. Eltanskaya*

Making up *E.S. Reshetnikova*

Technical editing *A.S. Astakhova, N.M. Vishnyakova, E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Mar. 1, 2021.

Date of publication: 2021.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 12.0. Published pages 12.9.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–49).

Order . «C» 2.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2021. Т. 20. № 1

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69699 от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com

Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. социол. наук *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р социол. наук *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р экон. наук, проф. *Н.Н. Лебедева* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.Р. Лычковская* (г. Одесса, Украина);
д-р филос. наук, проф. *А.И. Пигалев* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.В. Терещенко* (г. Минск, Беларусь); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редактор английских текстов *Е.А. Елтанская*
Верстка *Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *А.С. Астаховой*,
Н.М. Вишняковой, *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 01.03.2021 г.
Дата выхода в свет: 2021 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 12,9.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–49 экз.).
Заказ . «С» 2.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

- Баева Л.В.* Социальные аспекты цифровизации образования в условиях пандемии: философский анализ 5
- Плужникова Н.Н.* Цифровизация образования в период пандемии: социальные вызовы и риски 15
- Сорокин С.Э.* Российские университеты после пандемии: пути трансформации 23
- Макаров А.И.* Массовое дистанционное обучение как глобальный социальный эксперимент по разобщению людей 31

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Токарева С.Б.* Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий 36
- Скряникова И.В.* Конструирование образа России методом метафорического фрейминга [На англ. яз.] ... 49
- Горина Т.С.* Формирование культур-центричного образа России методом метафорического фрейминга 58

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Очирова Г.Н., Плетнева Ю.Э.* Государственные стипендиальные и грантовые программы на обучение за рубежом как фактор развития человеческого капитала: российский и зарубежный опыт 65
- Великая Н.М., Белова Н.И.* Социально-экономические риски периода пандемии и практики их преодоления: политика государств и стратегии граждан 78
- Чернышева Н.С.* К вопросу о социальной динамике миграционных процессов: мировые и общероссийские трансформации 89
- Шутова О.И.* Формирование субъективного отношения личности к осваиваемым компетенциям профессий помогающего типа в образовательной среде вуза 100

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Ярославцева А.В.* Философская практика в историко-культурном и эпистемологическом контексте 109

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- Дулина Н.В., Моисеева Д.В.* Экономика и культура: возможно ли раскодирование экономики? [Рец. на кн.: «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск : Звезда, 2017. – 368 с.] 118

CONTENTS

PROBLEMS OF THE DIGITALIZATION OF EDUCATION IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

- Baeva L.V.* Social Aspects of Education Digitalization in the Context of the Pandemic: Philosophical Analysis ... 5
- Pluzhnikova N.N.* Digitalization of Education During the Pandemic Period: Social Challenges and Risks 15
- Sorokin S.E.* Russian Universities After the Pandemic: Ways of Transformation 23
- Makarov A.I.* Mass Distance Learning as a Global Social Experiment to Divide People 31

CONSTRUCTING THE IMAGE OF RUSSIA IN PUBLIC AND POLITICAL DISCOURSE

- Tokareva S.B.* Constructing the Image of Russia in Public and Political Discourse: From Semantic Description to Metaphorical Framing of Events 36
- Skrynnikova I.V.* Constructing the Image of Russia Through Metaphorical Framing 49
- Gorina T.S.* Forming a Culture-Centric Image of Russia Through Metaphorical Framing 58

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Ochirova G.N., Pletneva Ju.E.* State Scholarship Programs and Grants as a Factor of the Human Capital Development: Russian and Foreign Experience 65
- Velikaya N.M., Belova N.I.* Socio-Economical Risks of the Pandemic Period and Practices to Overcome Them: Governments' Policies and Citizens' Strategies 78
- Chernysheva N.S.* To a Question of Social Dynamics of Migration Processes: World and Russian Transformations 89
- Shutova O.I.* Framing of the Subjective Attitude to the Acquired Competencies of Helping Professions in the Educational Environment of the University 100

ACADEMIC DISCUSSIONS

- Yaroslavtseva A.V.* Philosophical Practice in the Historical-Cultural and Epistemological Context 109

SCIENTIFIC REVIEWS

- Dulina N.V., Moiseeva D.V.* Economy and Culture: Is It Possible to Decode the Economy? [Book Review: "Because We Decided So": Behavioral Economy of Belarus and Its Decoding / K. V. Rudy [et al.] ; Under the Scientific Ed. of K. V. Rudy. – Minsk: Zvezda, 2017. 368 p.] 118

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.1>

UDC 37.061

LBC 87.62

SOCIAL ASPECTS OF EDUCATION DIGITALIZATION IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC: PHILOSOPHICAL ANALYSIS¹

Liudmila V. Baeva

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. Over the past decades, modern society has teetered among a variety of challenges and threats to its sustainability. Among them were factors of migration changes, global security challenges from extremism and terrorism, risks accompanying the development of the information society. However, the year 2020 introduced a new factor of the global pandemic, which has influenced almost all aspects of social development and has largely irreversible consequences. The state of openness of the social system became a threat to its security, and measures were taken to artificially personalize and disintegrate the subjects in a real environment, which, on the other hand, increased their digital connections and communications. The emerging risks to life and health, due to their priority, caused the shift of labour and educational activities to a remote environment, becoming a catalyst for a digital turn to mass products and services in the cyber-environment. At the same time, the cyber-environment, information, electronic online culture, due to its specificity and high level of openness, has its own risks for the subjects, which have acquired a global character under the new conditions. Among the most important consequences of the pandemic in the social sphere was the process of the digital transformation of education, which received global coverage and forced acceleration both for those who were already prepared for it and for the majority, for whom it became a new necessity. The research aims to study the social and ethical-legal processes that accompany the digitalization of education, primarily the problem of the digital divide, within the framework of a socio-philosophical analysis. The object of the study is the digital transformation of education, understood as a multi-stage transition process of management, training, control, evaluation processes in the field of education to a digital environment based on modern services, open resources, interactive communication methods, the use of big data and artificial intelligence. The subject of the study is the situation of the digital divide as one of the most important social problems associated with the digital turn in education in 2020.

Key words: education, digitalization of education, COVID-19 pandemic, social risks, digital divide.

Citation. Baeva L.V. Social Aspects of Education Digitalization in the Context of the Pandemic: Philosophical Analysis. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 5-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.1>

УДК 37.061

ББК 87.62

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ¹

Людмила Владимировна Баева

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Современное общество на протяжении последних десятилетий балансировало среди различных вызовов и угроз его устойчивости. Среди них были факторы миграционных изменений, глобальных

вызовов безопасности со стороны экстремизма и терроризма, риски, сопровождающие развитие информационного общества. Однако 2020 год привнес новый фактор глобальной пандемии, оказавшей влияние практически на все стороны развития общества и имеющей во многом необратимые последствия. Состояние открытости социальной системы стало фактором угрозы его безопасности, и были предприняты меры по искусственной персонализации, дезинтеграции субъектов в реальной среде, что, с другой стороны, повысило их цифровые связи и коммуникации. Возникшие риски жизни и здоровью в силу своей приоритетности послужили причинами смещения трудовой и учебной деятельности в дистанционную среду, став катализатором цифрового поворота к массовым продуктам и услугам в киберсреде. В то же время киберсреда, информационная, электронная онлайн-культура в силу своей специфики и высокого уровня открытости имеет свои риски для субъекта, которые приобрели в новых условиях глобальный характер. Среди важнейших последствий пандемии в социальной сфере оказался процесс цифровой трансформации образования, который получил глобальный охват и форсированное ускорение как для тех, кто уже был к нему подготовлен, так и для большинства, для которого это стало новой необходимостью. Целью исследования является изучение социальных и этико-правовых процессов, сопутствующих цифровизации образования, прежде всего проблемы цифрового разрыва, в рамках социально-философского анализа. Объектом исследования выступит цифровая трансформация образования, понимаемая как многоэтапный процесс перехода процессов управления, обучения, контроля, оценки в сфере образования в цифровую среду на основе современных сервисов, открытых ресурсов, интерактивных методов коммуникации, использования больших данных и искусственного интеллекта. Предметом изучения является ситуация цифрового разрыва как одна из важнейших социальных проблем, связанных с цифровым поворотом в образовании в 2020 году.

Ключевые слова: образование, цифровизация образования, пандемия COVID-19, социальные риски, цифровой разрыв.

Цитирование. Баева Л. В. Социальные аспекты цифровизации образования в условиях пандемии: философский анализ // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 5–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.1>

Цифровизация образования в социальном контексте

Глобальная пандемия COVID-19 ускорила по всему миру вхождение учебных заведений в цифровое пространство, где технологии, насколько это было возможно в тех или иных случаях, обеспечили возможность сохранения непрерывного процесса обучения. При этом общий процесс цифровизации обучения, начавшийся задолго до пандемии, в 2020 г. вступил в фазу форсированного цифрового перехода, когда созданная в короткие сроки цифровая образовательная среда (далее – ЦОС) оказалась спасительной опорой практически для всех учебных заведений. Переход образования в цифровую среду имел и не зависящие от пандемии причины, которые лишь ускорили его запуск в широком масштабе. Таким образом, глобальная угроза здоровью населения и принятые меры безопасности способствовали изменению образования в организационном отношении, что повлекло за собой разнообразные социальные последствия, как позитивные, так и негативные.

Цифровая трансформация системы образования, начавшаяся еще в последней тре-

ти XX в. в системе вузов и МООС, была призвана решить ряд задач, связанных как с экономическими, так и с социальными вопросами. Среди них для стран с низким уровнем жизни важное значение имело распространение образования в регионы, где экономически не было выгодно размещать учебные заведения или отсутствовали необходимые квалифицированные специалисты. Перед государственной системой образования стояла задача по экономии средств финансирования вузов, которые могут быть трансформированы в направлении крупных монопольных университетов, представляющих услуги по онлайн-обучению на платной основе широкой аудитории. С другой стороны, этот процесс был связан с решением задач по осуществлению контроля за образовательным контентом, повышению «прозрачности» учебного процесса. Сами университеты за счет перехода к цифровым услугам стремятся расширить контингент учащихся и уменьшить расходы на организацию аудиторной работы. Для обучающихся цифровизация становится возможностью обучения удаленно, с совмещением с другими видами деятельности, с относительно гибким графиком времени заня-

тий и с сокращением расходов на транспорт или проживание в чужом городе. Такой формат обучения может быть удобен для совмещающих работу и учебу, проживающих в отдаленных районах, имеющих ограничения по перемещению.

Цифровая трансформация образования на протяжении последних 50 лет осуществлялась постепенно и неравномерно: высшее и дополнительное образование более динамично двигались по этому пути, начальное и среднее образование находилось до 2020 г. на уровне планирования, либо разработки планов и методических рекомендаций. Если до 2020 года цифровое обучение представляло собой локальный остров, то в 2020 г. оно охватило все уровни и формы, в связи с пандемией и ее социальными ограничениями. Этот опыт показал, что позитивные стороны цифровизации образования оказались чрезвычайно эффективными и позволили сохранить в целом непрерывность образовательного процесса. При этом обозначились существенные проблемы и негативные аспекты, которые не должны быть забыты и требуют своего изучения для преодоления возникающих негативных тенденций. Целью нашего исследования являются риски, связанные с социальной безопасностью, которую мы будем понимать как защищенность от угроз в информационной среде в отношении прав, свобод и достоинства личности и ее социальных потребностей.

Как было обосновано У. Бекком, качественное усложнение системы приводит не к снижению, а к усложнению и увеличению рисков в этой системе [Бек 2000]. Цифровизация обучения через применение информационных технологий позволила снизить одни риски (распространения коронавирусной инфекции), но выстроила и заострила новые. Их изучение требует пристального внимания, поскольку требование безопасности остается одним из важнейших параметров качества жизни и устойчивости социума в современном мире. По словам современного психолога И.А. Баевой, «формирование качеств личности, требуемых современным обществом, внедрение инновационных технологий в систему обучения, ускорение процессов информатизации – все это уже является ощутимой нагрузкой для учащегося, и отсутствие должного уровня

качественных характеристик образовательной среды, в том числе и уровня ее безопасности, может вызвать большие затруднения в достижении требуемого результата» [Баева 2017, 13]. В условиях перехода к цифровому образовательному пространству это означает значительное повышение нагрузки на учащихся, как информационной (перегрузка информацией, заданиями), так и эмоциональной (от экранной коммуникации, отчужденности от педагога) и др. Уровень сложности системы образования по мере ее трансформации вызывает не снижение, а повышение рисков, оценка которых должна предшествовать любым социальным экспериментам или реформированию.

Форсированный переход к цифровому обучению для многих учебных заведений был неподготовленным и обозначил ряд значительных трудностей. При этом появился опыт организации обучения в массовой среде, который должен быть изучен с различных позиций. Для анализа рискогенных тенденций, проявившихся в период цифровизации обучения в мае-июне 2020 г., были организованы фокус-группы с учителями школ и колледжей города Астрахани [Баева и др. 2020]. В ходе их проведения были получены первые результаты, позволяющие оценить общие проблемы цифрового перехода и выработаны рекомендации для решения возникающих задач. Выводы по итогам экспертных интервью и фокус-групповых исследований были систематизированы по следующим основаниям: позитивные и негативные тенденции в развитии цифровизации образования; основные риски и угрозы цифровой трансформации; факторы безопасности в цифровой среде.

Значительные риски в социальной сфере, которая будет в фокусе нашего внимания в данной работе, оказались связаны с ослаблением или утратой межличностной коммуникации, являющейся неотъемлемой частью обучения и воспитания в традиционной системе. Отсутствие межличностной коммуникации формирует отчуждение между учащимися и педагогами, что по мнению респондентов снижает мотивационную роль контактов в процессе обучения. Перенос коммуникации в информационную среду приводит к возможному обезличиванию, формализации, с одной

стороны, и снижению доверия к участнику диалога, с другой. Обучение в виртуальном классе лишается такого важного импульса как «обучения равных равными» и возможности формирования социальных компетенций (лидерства, работы в команде, умения общаться в межкультурной среде и др.). Было отмечено, что переход к ЦОС без устных ответов увеличивается риск плагиата, заимствования клише, продуктов чужого труда, снижает возможности формирования навыков логического, творческого мышления, грамотной речи, вербальной коммуникации в целом. Удаленное обучение на основе онлайн-курсов, дополненное тестовым контролем знаний, оказывается более комфортным и простым для учащегося, но при этом может ослаблять когнитивные навыки и долговременность запоминания изученного материала.

Педагоги отметили, что увеличение «экранного времени» может привести к ухудшению основных параметров здоровья, также как и переход к цифровой школе без занятий физической культурой и контролем за самочувствием ученика. Особое внимание, по мнению педагогов, следует обратить на риск полного вовлечения в цифровую коммуникацию с утратой реальной социальной активности и смысловознательной ориентации вне цифровой среды. Это может привести как к формированию аддиктивного поведения (усилить зависимость от гаджетов, игр, пребывания онлайн), так и к высокой подверженности манипуляторному воздействию, в том числе негативному, что связано с незрелостью самостоятельного, критического мышления (особенно в детском возрасте). Полученные результаты фокус-групп будут дополняться в дальнейших исследованиях, поскольку ситуация требует гибкого реагирования на новые изменения и их оценки.

Практика форсированного перехода к дистанционному онлайн-обучению показала, что существенные угрозы связаны с нарушением персональной безопасности и прав человека в цифровой среде, с возможностью совершения целенаправленных кибератак, передачей закрытой информации, фейков, кибермошенничествами, которые в этих условиях получают новые импульсы и новые формы проявления.

Социальные риски в ЦОС

Исходя из результатов фокус-групп и анализа современных исследований мы обратимся к анализу и характеристике социальных рисков цифровизации обучения, которые, в свою очередь, способны оказать влияние на социальную устойчивость в целом, будучи связанными с формированием социальных навыков и потребностей личности. Социальная устойчивость во многом определяется факторами, связанными с обменом информацией внутри системы и с окружающим миром. Факторами, увеличивающими социальную устойчивость, в данном случае выступают мероприятия, объединения, нормы и отношения, складывающиеся в учебной и внеучебной деятельности, способствующие:

- соблюдению прав человека, осуществлению его выбора (в том числе и формы обучения);

- защите личности в цифровой среде от деструктивного социального воздействия;

- обеспечению коммуникативных потребностей личности (потребность в коммуникации, самовыражении, социальном взаимодействии) и развитию его способностей, навыков, повышающие его социальную адаптацию и социализацию;

- урегулированию взаимоотношений в коммуникативно-образовательной среде на основе принципов этики, взаимоуважения и признания прав каждой из сторон диалога или диалога.

Наибольшее опасение специалистов вызывают такие последствия цифровизации как нарушения прав личности в доступе, цифровое неравенство и дискриминация, утрата качества образования, риски социальной дезинтеграции, снижение нормативной и ценностно-ориентирующей миссии образования, утрата личной безопасности, а также возрастание дезинформации, информационных фейков и вирусов, которые сопутствуют смещению коммуникации в онлайн-сферу. По словам известного современного специалиста по информационной этике Р. Капурро, сегодня мы можем говорить о цифровой эпидемии, наряду с биологической, поскольку «существует корреляция между вредом, который вирусы могут причинить, и цифровой дезинформацией или

неверной информацией и дезинформацией или преднамеренно вводящей в заблуждение информацией» [Сапуго web].

Одним из существенных рисков цифровизации обучения оказался, прежде всего, сам принцип выбора формы обучения. Безусловно, что в экстремальных, форс-мажорных условиях 2020 г. цифровой поворот в образовании не был вопросом добровольного выбора. Однако планы на дальнейшую всеобщую цифровую трансформацию образования (например, «План действий по развитию цифрового образования в ЕС», принятый в декабре 2020 г. или проект «Российская электронная школа» в РФ, утвержденный Правительством РФ еще в 2016 г.) предполагают постепенный и поэтапный (но одновременно ускоренный и всеохватный) план перехода к цифровому формату образования на всех уровнях. При этом в документах не отмечено, что за субъектом (студентом или родителями учащихся школы) закрепляется право выбора между традиционной или дистанционной формами образования. Отсутствие возможности выбора формы образования является одним из первых и наиболее важных рисков в сфере прав человека. ЦО и традиционное образование не исключают, а призваны дополнять друг друга и могут быть востребованы в полной мере разными категориями граждан без ущемления их прав. Для того, чтобы исключить правовые коллизии, в России, например, в принятых в 2020 году поправках в Конституцию в статье 43 появился пункт 5: «Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования». Тем самым указывается, что обучение может быть реализовано в разных формах, хотя и не уточняется, имеет ли право субъект на выбор формы обучения.

Принцип справедливости и равных прав граждан является одним из основополагающих в получении образования. В фундаментальной теории справедливости современного философа Дж. Ролза дано такое уточнение принципов справедливости: 1) каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других; 2) социальные и экономи-

ческие неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем [Ролз web]. То есть экономическое и социальное положение современного человека в обществе справедливости не должно влиять на обеспечение его прав, в том числе права на качественное образование. Попробуем разобраться, повышается ли гарантия права на образование в условиях цифровой образовательной среды.

Проблема цифрового разрыва

Современная система образования до эпохи цифровой трансформации в развитых странах обеспечивала доступ к основному образованию всех граждан независимо от материального и социального положения. Не возникает ли рисков для прав человека при переходе к цифровой образовательной среде? Как показала практика кризисного 2020 года, доступность цифровых образовательных ресурсов оказалась проблемой для определенной части населения, в том числе для учащихся из малообеспеченных семей и населения, проживающего в отдаленных районах, с неустойчивым подключением к интернет-ресурсам. Равные условия для обучения в ЦОС, в отличие от традиционной образовательной среды, оказались существенной проблемой для всех стран, что было отмечено как европейскими, так и российскими исследователями. На 3-м Европейском образовательном саммите, который прошел в декабре 2020 года в Брюсселе, был принят «План действий по цифровому образованию». В преамбуле этого важного стратегического документа отмечалось, что в условиях пандемии в странах Евросоюза обозначились проблемы цифрового разрыва: в обеспечении доступа, в равенстве овладения технологиями и инклюзивности. Среди различных трудностей, возникших при переходе к онлайн-обучению, среди которых были и отсутствие гаджетов и трудности с подключением к ЦОС, и слабые навыки цифровых компетенций, отмечено, что «социально-экономическое положение родителей сыграло решающую роль в их способности помогать ученикам и студентам продолжить учеб-

ный процесс. Родители с высшим образованием, как правило, имели больше возможностей для помощи учащимся, создавая дома благоприятную учебную среду» [Digital Education Action Plan (2021-2027)]. То есть проблема цифрового неравенства в получении цифровых образовательных возможностей имеет не только экономические, но и социальные причины. Отмечалось, что в период локдауна особенно пострадали учащиеся начальных и неполных средних школ, а также учащиеся, которые больше зависят от физического присутствия наставника или учителя. Социально неблагополучные семьи оказываются областью особого риска в праве получения ребенком образования, если оно будет проводиться удаленно. В странах, где школьники обеспечиваются обедами, было отмечено, что для малоимущих семей закрытие школ в 2020 г. привело к ухудшению ситуации с питанием для таких семей.

Исследователи отметили, что пандемия способствовала усилению не только цифрового разрыва, но и социального. Углубляется разрыв между различными слоями, имеющими различные возможности обладания гаджетами; разрыв между поколениями, которые отличаются по цифровым навыкам; разрыв между регионами с разными возможностями обеспечения интернет-ресурсами.

По словам профессоров из Оксфорда цифровое неравенство – «это не просто нежелательный побочный продукт цифровой революции: это одна из основных проблем, подрывающих справедливое информационное общество для всех, влияющих на саму возможность всеобщего и полного гражданства и некоторые из необходимых условий для лучшей жизни» [Aggarwal et al. web]. В Великобритании для решения проблемы цифрового разрыва планируется привлечение гражданского общества и частного бизнеса, которые должны стать источниками социальных гарантий и помочь гражданам с обеспечением детей планшетами, компьютерами и скоростным подключением к интернету.

Для решения экономических и технических задач для поддержки высокоэффективной экосистемы цифрового образования Европейская комиссия, например, планирует в период до 2024 г. устранить недостатки в под-

ключении, в оборудовании, а также решать проблемы с отсутствием цифровых компетенций у населения и части педагогов старшего возраста. В документах, определяющих стратегию развития образования на ближайшие годы, вопросы доступа к цифровым ресурсам становятся на одно из первых мест повестки дня. Что касается социальных аспектов, то они не имеют столь же скорого и однозначного решения. Следует признать, что при дистанционном обучении для школьников проблема цифровой дискриминации станет одной из чрезвычайно острых. Под цифровой дискриминацией мы понимаем ситуацию, при которой каким-либо субъектам окажутся недоступны возможности получения образования в цифровом формате по финансовой или социальной причине. Речь идет о косвенной, а не прямой дискриминации, когда правила применяются ко всем одинаково, но для определенных субъектов или групп в силу их особенностей они создают серьезные проблемы. По сути речь идет о цифровой эксклюзии, которая включает различные стороны проявления: ограничения или отсутствие технических средств, доступа к интернет-ресурсам, цифровой грамотности и необходимых компетенций, возможностей здоровья, возрастных возможностей, социальных условий. Если речь идет о неблагополучных семьях, дети из которых, обучаясь в традиционной школе, получали равное с другими обучение, то в дистанционной среде, при обучении из дома, фактор «неблагополучия» семьи сразу же отразится на возможности получения качественного обучения. Традиционная среда обучения была создана для гарантии права всех получить доступ к образованию, даже при низком имущественном и социальном уровне жизни в семье. Школа оказывалась для ряда учащихся местом с более высокими материальными возможностями, чем их собственный дом, создавая равные стартовые условия. Переход к обучению вне стен школы, вуза, из дома делает фактор микросоциума определяющим их низкие стартовые возможности, и для значительной части учащихся будет источником цифровой эксклюзии и цифрового разрыва. Отметим, что для традиционных народов и этнических групп в семьях могут возникнуть сомнения

в необходимости образования всех детей (особенно если это будет связано со значительными расходами на приобретение и обслуживание техники), или нарушения прав девочек в получении образования, а также детей с ВОЗ.

Современный шведский социолог Г. Терборн называет в качестве возможных форм современного социального неравенства витальное и экзистенциальное. По сути, проблема, порождаемая цифровизацией образования, оказывается связана с формированием неравенства, имеющего экзистенциальный характер, поскольку цифровой разрыв приводит к вынужденному эскапизму, выброшенности из среды коммуникации в качестве равного участника. К этой проблеме обращается и Н.Г. Осипова в статье «Социальное неравенство в современном мире», подчеркивая, что «экзистенциальное неравенство очерчивает систему иерархий, основанных на категориях включения / исключения (социальной инклюзии / эксклюзии)» [Осипова 2019] и что и этот вид неравенства сегодня оказывается не менее важным, чем биологическое и витальное неравенства.

В случае с цифровизацией в высшем образовании проблема цифрового разрыва и неравенства во многом оказывается связанной с экономическими факторами. Анализ сложившихся многочисленных социальных практик дистанционных вузов показывает, что обучение в цифровом формате стоит дешевле, чем традиционное. Таким образом, для социальной дифференциации фактор широкой цифровизации в высшем образовании станет еще одним условием социального разрыва, когда традиционное образование становится достоянием элиты, а большая часть населения сможет получить только более дешевый дистанционный продукт.

Цифровая трансформация образования как идеальная модель может способствовать широкому доступу граждан к качественным ресурсам на равных условиях, но практически она становится причиной новой социальной проблемы, требующей внимания как с экономической стороны, так и в социокультурном плане. Формирующиеся формы отчужденности, неравенства, эксклюзии не могут быть разрешены организационно даже через

всеобщую техническую вооруженность, поскольку они неизбежно будут связаны с социальной средой, окружением учащихся и их семьями.

Проблемы социализации при переходе к ЦОС

Социализация учащихся является еще одним «узким местом» на пути к цифровой трансформации образования. С одной стороны, погружение с раннего возраста в цифровую среду обучения адаптирует учащихся к потребностям цифровой экономики и культуры. С другой стороны, ослабевает роль реальной межличностной коммуникации, которая переводится в сферу сетевой коммуникации с присущей ей спецификой. Гуманитарная составляющая образования, воплощенная в дисциплинах, основанных на диалоге с учащимися, при этом рискует быть деформированной или даже утраченной. Такая перспектива может стать реальной для гуманитарных и социальных дисциплин, которые по мере технократизации социума вытеснялись на периферию. Но образование играет не только роль передачи знаний, и оно нужно «не только ради денег», оно по словам, М. Нуссбаум, оно готовит людей к работе и, что куда более важно, к наполненной смыслом жизни [Нуссбаум 2014, с. 24]. Исследовательница отмечала, что для современного образования навыки, формирующиеся при изучении гуманитарных дисциплин, имеют не только личное, но государственное значение: «Формирование способностей к критическому мышлению и к рассуждениям играет ключевую роль для сохранения жизнеспособной и бдительной демократии. Умение ценить широкое разнообразие культур, групп и стран в условиях господства мировой экономики и представления об истории взаимоотношений между странами и группами крайне важно для того, чтобы демократические государства могли ответственно разрешать проблемы, возникающие у них в современном мире взаимозависимостей» [Нуссбаум 2014, с. 25]. Социальные навыки личности, отмеченные М. Нуссбаум, оказываются в зоне риска по мере смещения процесса образования в цифровую среду. Индивидуализации траекторий обучения, понимаемая

как одна из ценностей и достоинств цифрового обучения, во многом затрудняет возможность командной, групповой работы, где осуществляется обучение «равных равными» (что отмечали и респонденты в проведенных фокус-группах). Создание виртуальных команд в классах и учебных группах может отчасти решить эти проблемы, однако подобная коммуникация остается виртуальной, имеющей меньше доверия, кооперации, вовлеченности и др. В этих условиях возрастают разнообразные риски социального и экзистенциального характера: опасности роста одиночества на фоне дистанционного общения, возможной разобщенности в семье (что снижает социальную активность, ответственность, эмпатию и др.). Одновременно усиливаются присущие сетевой коммуникации возможные угрозы правам и достоинству человека (травля, оскорбления, игнорирование в интернет-среде коммуникации между учащимися), риски вовлечения в виртуальные сообщества саморазрушительной или экстремистской направленности. На фоне роста подростковых суицидов, по количеству которых Россия печально лидирует среди европейских стран, роста интернет-мошенничества и преступности подростков и молодежи вопросы социальной безопасности оказываются чрезвычайно актуальными. Профилактика этих правонарушений, работа с «группами риска» в условиях цифровой среды обучения становится все более затруднительной. Оценка психоэмоционального состояния учащегося, составление его цифрового портрета с учетом фактора семьи, коммуникации со сверстниками, вовлеченности в общественную активность становятся одной из важных задач по созданию условий для социальной безопасности учащихся. Несформированность у учащихся социальных навыков и социокультурной коммуникации на фоне отчужденности от педагогов и сверстников может стать значимой проблемой современных школ уже в скором будущем. В этих условиях важным аспектом развития социальных навыков и повышения степени безопасности должно стать специализированное социальное сопровождение обучающихся в условиях ЦОС, которое будет направлено на выявление индивидуальных особенностей личности, проведения мониторингов

психоэмоционального состояния учащихся, уровня доверия, подверженности внешнему манипулятивному воздействию и составлению профиля индивидуального развития учащегося в ЦОС.

Важными элементами для развития системы социальной безопасности должны стать новые дисциплины по информационной этике и кибербезопасности для учащихся всех уровней, а также тренинги для родителей и педагогов, развивающие их компетенции по коммуникации и поддержке учащихся при условии обеспечения их безопасности от вредоносного контента и иных форм негативного информационного воздействия. Аналогичные курсы введены во всех средних учебных заведениях в Великобритании с 2020 г., в высших учебных заведениях в Китае. В России эта практика также требует апробации и широкой активации.

ЭОС становится новой реальностью, в которой учащиеся проводят основное время, где им необходимо научиться навыкам безопасной коммуникации, но для этого принципы и нормы этой коммуникации должны быть выработаны профессиональным сообществом и пройти этическую и гуманитарную экспертизу. Важную роль в процессе перехода от традиционного обучения к дистанционному играет социальная адаптация к виртуальному классу, который должен стать безопасной и интересной для учащегося средой. Роль социального сопровождения в этом очень высока, прежде всего, важно довести новые правила взаимодействия и поведения в виртуальной среде до всех учащихся и родителей, обеспечить устойчивую обратную связь со всеми субъектами ЦОС. Создание руководств по безопасности, этических кодексов, правил для поведения на видеоконференциях, а также для инструкций по безопасности сохранения персональных данных являются неотъемлемыми шагами на пути социальной адаптации к цифровой ОС.

Образование все больше становится товаром, продаваемой и отчуждаемой от его создателя услугой, и его коммерциализация по мере цифровизации будет только усиливаться. Динамика общества в направлении идеологии консюмеризма, ориентированности на достижение прибыли и разнообразия услуг

будет способствовать развитию тренда на цифровое обучение как развивающуюся сферу со своими монополиями и прибылью. В то же время цифровое обучение как новая форма образования, замещающая традиционный формат, призвана сохранить статус важнейшей социальной практики, связанной с развитием качества жизни учащихся, а также защитой прав и достоинства человека в реальной и цифровой среде.

Общая тенденция трансформации общества, ориентированного на ценности материальных благ, в направлении общества с постматериальными ценностями, в том числе ценностью знаний, является общим контекстом широкого внедрения цифрового обучения. Осмысливая эти потребности, необходимо выстраивать систему безопасной социальной поддержки учащихся, которая позволит сохранить и улучшить современное образование и способствовать реализации его миссии по передаче знаний, смыслов и ценностей последующим поколениям.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-29-14007 МК «Оценка влияния цифровизации образовательного и социального пространства на человека и разработка системы безопасной коммуникативно-образовательной среды».

The article was funded by RFBR, project no. 19-29-14007 МК “Assessment of the impact of digitalization of the educational and social space on a person and the development of a system of safe communication and educational environment”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баева 2017 – Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды в структуре комплексной безопасности образовательной организации // Казанский педагогический журнал. 2017. № 6 (125). С. 12–17.
- Баева и др. 2020 – Баева Л.В., Храпов С.А., Ажмухамедов И.М., Григорьев А.В., Кузнецова А.Ю. Цифровой поворот в российском образовании: от проблем к возможностям // Ценности и смыслы. 2020. № 5. С. 22–44.
- Бек 2000 – Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Нуссбаум 2014 – Нуссбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Осипова 2019 – Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2019. № 25 (4). С. 124–153.
- Ролз web – Ролз Дж. Теория справедливости // <https://gtmarket.ru/library/basis/6642/6643>.
- Aggarwal et al. web – Aggarwal N., Cows J., Floridi L., Mokander J., Morley J., Taddeo M., Tsamados A., Wang V., Watson D. COVID-19... web – COVID-19 and the Digital Divides. 07.07.2020 // <https://www.oii.ox.ac.uk/blog/covid-19-and-the-digital-divides>.
- Capurro web – Capurro R. On Biological and Informational Pandemias. 17.10.2020 // http://www.capurro.de/pandemias_engl.html.
- Digital Education Action Plan (2021-2027) // https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en.

REFERENCES

- Baeva I.A., 2017. Psychological Safety of the Educational Environment in the Structure of Complex Safety of the Educational Organization. *Kazan Pedagogical Journal*, no. 6 (125), pp. 12-17.
- Baeva L.V., Храпов S.A., Azhmuhamedov I.M., Grigor'ev A.V., Kuznecova A.Yu., 2020. Digital Turn in Russian Education: from Problems to Opportunities. *Cennosti i smysly*, no. 5, pp. 22-44.
- Bek U., 2000. *Risk Society. On the Way to Another Modern*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ.
- Nussbaum M., 2014. *Not for Profit. Why Democracy Needs the Humanities*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki.
- Osipova N.G., 2019. Social Inequality in the Modern World. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, no. 25 (4), pp. 124-153.
- Rolz Dzh., 1995. *The Theory of Justice*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6642/6643>.
- Aggarwal N., Cows J., Floridi L., Mokander J., Morley J., Taddeo M., Tsamados A., Wang V., Watson D. COVID-19 and the Digital Divides. 07.07.2020. URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/blog/covid-19-and-the-digital-divides>.
- Capurro R. *On Biological and Informational Pandemias*. 17.10.2020. URL: http://www.capurro.de/pandemias_engl.html.
- Digital Education Action Plan (2021-2027). URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en.

Information About the Author

Liudmila V. Baeva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Dean, Faculty of Social Communications, Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, baevaludmila@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0439-525X>

Информация об авторе

Людмила Владимировна Баева, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, baevaludmila@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0439-525X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.2>

UDC 37.013.2

LBC 87.52

DIGITALIZATION OF EDUCATION DURING THE PANDEMIC PERIOD: SOCIAL CHALLENGES AND RISKS

Natalia N. Pluzhnikova

Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyses the digitalization process of education during the pandemic. The pandemic has accelerated the digitalization process of education and has shown both positive and negative aspects. The key digitalization strategies of education are noted, the specifics of the digitalization model of education are considered. For a more complete consideration of the digitalization process of education, the author uses the analysis of its socio-economic context, represented by the digital economy. The author considers the digitalization of education as the result of a natural process of the digital economy development, where the key factor is not the subject, but digital services. The digital economy is a complex super-system formed by network interactions and feedbacks of its constituent elements. The key characteristic of the development of this super-system is the formal elimination of the subject as an active participant in real economic relations, which leads to alienated forms of human existence. The author examines the manifestation of these alienated forms on the example of distance learning during the pandemic, as well as the impact of information and communication technologies on human thinking and behaviour. The result of this process is a socio-anthropological crisis, which actualizes the social challenges and risks of education digitalization. The author highlights the wide access to educational services, flexibility and high speed of human adaptation to information and communication technologies as positive aspects of the digitalization process of education. The negative side of the digitalization of education is, according to the author, excessive formalization of the educational and training process, which significantly affects the content of educational material, as well as motivational factors for learning and teaching. Based on the results of the study, the author gives forecasts for the future development of the digitalization of education.

Key words: education, digitalization, digital economy, pandemic, human.

Citation. Pluzhnikova N.N. Digitalization of Education During the Pandemic Period: Social Challenges and Risks. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 15-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.2>

УДК 37.013.2

ББК 87.52

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Наталья Николаевна Плужникова

Московский технический университет связи и информатики, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен анализ процесса цифровизации образования в период пандемии. Пандемия, ускорив процесс цифровизации образования, показала его как положительные, так и отрицательные стороны. Отмечены ключевые стратегии цифровизации образования, рассмотрена специфика модели цифровизации образования. Для более полного рассмотрения процесса цифровизации образования автор обращается к анализу его социально-экономического контекста, в качестве которого выступает цифровая экономика. Автор рассматривает цифровизацию образования как результат закономерного процесса развития цифровой экономики, в которой ключевым фактором становится не субъект, а цифровые услуги. Цифровая экономика представляет собой сложную суперсистему, образованную сложными сетевыми взаимодействиями и обратными связями составляющих ее элементов. Ключевой характеристикой развития данной суперсистемы является формальная элиминация субъекта как активного участника реальных экономических отношений, что приводит к отчужденным формам существования человека. Автор рассматривает

проявление данных отчужденных форм на примере дистанционного обучения в период пандемии, а также влияния информационно-коммуникативных технологий на мышление и поведение человека. Результатом данного процесса является социально-антропологический кризис, который актуализирует социальные вызовы и риски цифровизации образования. В качестве положительных сторон процесса цифровизации образования автор выделяет широкий доступ к образовательным услугам, гибкость и высокую скорость адаптации человека к информационно-коммуникационным технологиям. Отрицательной стороной процесса цифровизации образования выступает, по мнению автора, излишняя формализация образовательного и учебного процесса, что существенно сказывается на содержании учебного материала, а также на мотивационных факторах к обучению и преподаванию. По результатам проведенного исследования автором даны прогнозы будущего развития процесса цифровизации образования.

Ключевые слова: образование, цифровизация, цифровая экономика, пандемия, человек.

Цитирование. Плужникова Н. Н. Цифровизация образования в период пандемии: социальные вызовы и риски // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 15–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.2>

Одной из ключевых стратегий развития современной системы образования является цифровизация. Цифровизация образования представляет собой перевод образования в «цифру», то есть процесс трансформации образования в глобальную (затрагивающую всех участников) цифровую среду обучения. Данная цифровая среда представляет собой качественно новую образовательно-управленческую структуру, направленную на развитие цифровых технологий и навыков: «Цифровая экономика формирует особый образовательный менеджмент. Управление образованием сегодня – это многовекторный процесс, охватывающий векторы экономического, социального, политического и высокотехнологичного роста. Высокие технологии приобретают весомое значение в цифровом образовании» [Pluzhnikova web]. Цифровизация образования является частью более широкого процесса развития цифровой экономики, которую можно определить как «экономику цифровых товаров и услуг» [Øverby, Audestad 2018, 5].

Для определения специфики современной цифровой модели образования рассмотрим более подробно структуру цифровой экономики, частью которой оно является.

По мнению ряда американских исследователей [Kenney, Zysman 2016, 11], цифровая экономика образована следующими технологическими составляющими:

- 1) создание больших данных;
- 2) создание информационно-коммуникационной инфраструктуры, поддерживающей развитие больших данных;
- 3) цифровая обработка и хранение больших данных.

Развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), начиная с середины прошлого века, стало основой развития цифровых технологий в экономике. Существенным фактором в цифровой экономике является то, что она основана на цифровых услугах. Другими словами, под цифровизацию в обществе попадают все, кто производит и потребляет товары и услуги, как и сами эти услуги. Наиболее важными технологиями, которые сформировали цифровую экономику и формируют до сих пор, стали интернет-технологии. Сеть Интернет и сегодня является движущей силой развития цифровой экономики.

Благодаря Интернету стал возможен анализ структурных элементов цифровой экономики, построение моделей ее развития. Построение моделей цифровой экономики проблематично из-за большого количества данных, которые должны быть учтены. Развитая цифровая экономика фокусируется на количественном моделировании цифровых технологий, рынках, оценке стоимости потребления товаров и услуг. Кроме того, отдельные элементы цифровой экономики сложны для анализа сами по себе. Например, цифровые сервисы используют бизнес-модели, описывающие их бизнес-операции. В цифровой экономике существует несколько популярных бизнес-моделей, в том числе бизнес-модели на основе подписки, бесплатной рекламы и многосторонние платформы. Несмотря на то что модели развития цифровой экономики создавать проблематично, попытка их построения и анализа может дать ценную информацию о том, как работает цифровая экономика.

Развитие Интернета позволило выделить основные элементы цифровой экономики. На данный момент основными элементами цифровой экономики выступают цифровые сервисы (различные цифровые платформы по продаже товаров и услуг, в том числе платежные системы), цифровые товары и услуги, провайдеры, дающие доступ к данным услугам, а также потребители этих услуг.

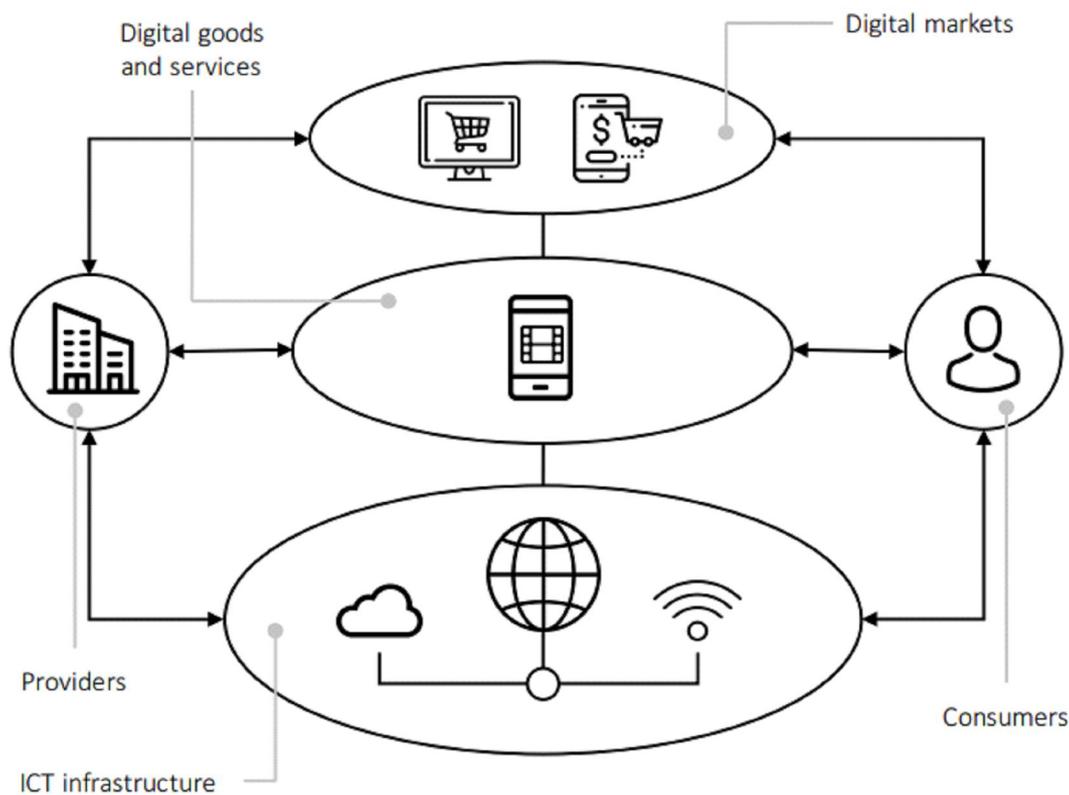
В самом общем виде структура развития цифровой экономики представлена на рисунке.

Данные элементы находятся в постоянной взаимосвязи и образуют сетевую систему с обратными связями и сложными зависимостями. Можно сказать, что в результате взаимодействия данных элементов образуется сложная суперсистема цифровой экономики, которая образована сложными взаимозависимостями и взаимодействием включенных в нее элементов. Поскольку такая система постоянно изменяется, отобразить все зависимости невозможно. Более того, система носит откры-

тый характер и оказывает постоянное влияние на жизнедеятельность общества и человека.

Таким образом, модель цифровой экономики представляет собой сложную суперсистему взаимодействия цифровых услуг, инфраструктуры ИКТ и цифровых сервисов, оказывающих влияние на потребителя данной системы – человека. Цифровая экономика как суперсистема состоит из вложенных в нее систем, к которым относятся наука, образование, культура, право, политика и другие сферы общественной жизни человека.

Информационные технологии оказывают активное влияние на все сферы жизни человека, происходит качественная трансформация деятельности человека, в первую очередь, научной и образовательной: «В информационной среде когнитивная структура перестраивается: хабитусы научной и образовательной деятельности трансформируются под влиянием новых, рутинизирующих работу с информационными потоками. В результате увеличивается когнитивный разрыв науки и обра-

Элементы цифровой экономики

Примечание. Источник: [Øverby, Audestad 2018, 42].

зования: научный хабитус, облегчающий интеллектуальные действия, связанные с исследовательской деятельностью и трансляцией научного знания, становится все более специализированным. В этих условиях научное просветительство также нуждается в собственном специализированном хабитусе, обеспечивающем автоматизацию мыслительных операций и интеллектуальных навыков, необходимых для усвоения достижений современной науки в условиях информационной среды» [Токарева, Горина 2017, 27].

Исходя из принятой нами структурной модели образование также выступает цифровой подсистемой цифровой экономики или средой, которая обеспечивает потребителю услуги в области образования. Однако в самой этой модели, если посмотреть на нее более внимательно, потребитель услуг не является центральным звеном. Он является лишь одним из элементов системы. Центральным звеном данной подсистемы становятся цифровые услуги, вокруг которых и создается некая цифровая среда, в которой находится человек. В этих условиях цифровая среда становится автономным носителем отчужденных от потребителя товаров и услуг, а сам человек как реальный субъект потребления и взаимодействия элиминируется. Однако подобная процедура элиминирует субъект лишь номинально. Здесь речь идет не об исключении элемента подсистемы, а всего лишь о перераспределении носителя цифровой системы: «На самом деле считается, что субстанция не исчезает и не появляется, а просто перемещается из одной области в другую либо меняет форму, но, в соответствии с принципом отождествления нетождественного, изменение формы ничего не меняет. Соответственно, в изолированных системах можно измерять параметры не самого процесса, а остальной части системы, то есть измерять одно вместо другого и даже предсказывать поведение тех параметров, которые не измеряются непосредственно. Именно это, в сущности, и позволяет сделать концепция уравнения» [Пигалев 2018, 118].

В такой системе человек как реальный субъект перестает быть активным субъектом не только реального, но и цифрового влияния, поскольку главными становятся цифровые услуги и отношения в сфере оказания циф-

ровых услуг. В отношении образования это означает, что главным становится обеспечение образовательного процесса, а не его содержание и субъекты – преподаватели и учащиеся. Формальная сторона процесса образования, а не обучение в системе цифровизации выходит на первый план: формализуется подход к образованию и обучению, который выражается в совершенствовании образовательных технологий, а не содержания учебного процесса и учебного материала.

В России программа цифровизации образования стала активно развиваться в 2016 г., задолго до появления пандемии. Старт данной программы начался с проекта «Цифровая образовательная среда», который был утвержден Проектным комитетом Национального проекта «Образование». Безусловно, пандемия ускорила выполнение проекта по цифровизации образования, как на уровне школ, так и на уровне университетского образования. Результатом этого ускорения стало техническое внедрение и усовершенствование системы дистанционного обучения посредством развития цифровой образовательной среды в вузе. В 2019 г. был запущен Национальный проект «Образование 2019–2024», который направлен на повышение качества и конкурентоспособности российского образования [Национальный проект... web].

Пандемия, ускорив цифровизацию образования, показала быструю адаптацию преподавателей и учащихся к дистанционному обучению, гибкость приобретаемых цифровых навыков и компетенций. Вместе с тем она показала, что немаловажно, психологическую неготовность к данной модели образования как со стороны учащихся, так и со стороны преподавателей; отсутствие мотивационных механизмов к дистанционному обучению в молодежной среде; отсутствие понимания специфики тотальной цифровизации образования со стороны преподавателей.

На фоне пандемии вышеуказанные проблемы проявились особенно отчетливо. Стало совершенно очевидно, что внедрение электронных образовательных ресурсов, разработка онлайн-курсов и цифровых образовательных платформ представляют «формальную упаковку», в основе которой – реальные жизненные задачи и проблемы реальных людей,

которые обеспечивают образование и обучение, но самой системой из этого процесса элиминируются.

Ярким примером этого процесса является разработка электронной образовательной среды, которая, с одной стороны, открывает различные возможности обучения, делает образование доступным каждому. С другой стороны, использование электронной среды в образовании предполагает жесткую регламентацию множеством формальных требований, например, необходимостью постоянной включенности в данную систему и оставлением так называемых «цифровых следов». Кроме того, техническая сторона процесса дистанционного обучения (поддержание серверов, обеспечение устойчивости беспроводной связи) оказывается более важной составляющей этого процесса, чем содержательная сторона. Технические возможности показали, с одной стороны, готовность перехода образовательных платформ в виртуальное пространство, но, с другой стороны, оказалось, что информационная нагрузка на преподавателей и студентов в условиях быстрой и тотальной цифровизации значительно возросла. Резко увеличился уровень стресса из-за быстрого перехода очного образования в дистанционное и отсутствия механизмов адаптации к новой информационной образовательной среде. Вследствие такой информационной перегрузки «теряется» человек, который продолжает оставаться реальным участником и потребителем цифровых услуг, растворяясь, тем не менее, в потоке тотальной цифровизации.

Тотальная цифровизация не только элиминирует человека, создавая безжизненную цифровую реальность, подчиненную собственной логике развития. Цифровизация формирует такую реальность, которая, игнорируя реальные интересы человека и заменяя их на цифровые потребности, формирует у него качественно иное видение действительности. В этих условиях происходит подмена реальных ценностей и потребностей на виртуальные, что грозит качественной перестройкой мировоззрения личности, оказывает влияние на психологическое состояние и поведение человека. В этих условиях цифровизация становится угрозой для человеческого бытия.

В условиях подобной подмены человек пытается соответствовать формам поведения и социальным правилам, складывающимся в цифровом обществе. Однако в условиях расхождения реального и виртуального, человек не получает должного удовлетворения своих потребностей, не реализует собственные ценности и смыслы. Такая ситуация оборачивается психологической дезадаптацией, потерей мировоззренческих ориентиров и ценностей и может приводить, выражаясь в терминах Э. Фромма и В. Франкла, к коллективным и индивидуальным неврозам.

Результатом тотальной цифровизации становится социально-антропологический кризис, который выражается в неспособности человека не только управлять цифровыми средами, в которых он существует, но и управлять собственными жизненными ценностями и задачами. Более того, эти духовные возможности в тотальной цифровой среде всячески подавляются, уступая место инстинктивным и биологическим потребностям. Таким образом, цифровизация направлена на такую подмену реальности, в которой у человека создается лишь иллюзия знаний, духовности, собственной значимости и уникальности. По своей сути цифровая среда оказывается системой, продуцирующей лишь биологические инстинкты и потребности. Таким образом, сам человек оказывается в условиях замкнутой и детерминистской системы, которая навязывает ему некий искусственный социальный порядок.

Для преодоления социально-антропологического кризиса необходимы, на наш взгляд, следующие базовые принципы, которые должны быть учтены в условиях тотальной цифровизации образования:

1. Ориентированность образования и обучения на базовые духовные ценности и потребности человека, которые станут ответом на детерминистские вызовы цифровой реальности. В качестве форм такого ответа могут выступать творчество, инновационные подходы, способы развития мышления человека. Не случайно сегодня многие эксперты говорят о необходимости развития так называемого «гибкого мышления», приобретения и развития в процессе обучения навыков «soft skills»: «Социальные навыки нужны больше, чем вы

думаете!» – таков девиз книги известного сегодня американского программиста и бизнес-консультанта Джона Сонмеза: «Дело в том, что большая часть времени при разработке ПО тратится на взаимодействие с людьми, а не с компьютерами. Даже код мы пишем в первую очередь для человеческого восприятия; понимание его компьютером лишь второстепенная задача. Если бы это было не так, мы бы писали код исключительно на машинном языке – с помощью единиц и нулей. Если хотите быть хорошим разработчиком, то придется научиться эффективно взаимодействовать с людьми (даже если вам больше всего нравится писать код)» [Сонмез 2016, 51].

2. Обучение проблемному мышлению, то есть мышлению, направленному на разрешение проблем и противоречий (знаменитый сократовский метод). Смена бинарного мышления на системное, диалектическое становится необходимым условием эффективного социального взаимодействия и сотрудничества, понимания своих потребностей, а также потребностей другого человека, совместных координат социального взаимодействия.

3. Ответственность как ключевой принцип воспитания человека в процессе образования. Принятие человеком личной ответственности особенно актуально в современном мире: «Для душевного мира человека чрезвычайно важно, чтобы внутри себя он поддерживал то, что делает. Точно так же важно, чтобы он делал то, в пользу чего он решился. Таким образом, он должен поддерживать то, в пользу чего решается. Решиться, действовать и поддерживать – практически это «трилогия стабильности». Если она не соблюдается, возникает внутренний разлад, который опасен психически и физиологически» [Лукас 2020, 202].

Игнорирование данных принципов, на наш взгляд, углубит дальнейшую формализацию процесса образования. На наш взгляд, любая формализация (от наполнения электронной среды информационными ресурсами до размещения на этих ресурсах онлайн-лекций без обратной связи со студентами) заранее обречена на провал: «В современном мире необходимо изменить положение общественного мнения и образования. Чрезмерное господство над технологическими и производственными приоритетами создало опасный дисбаланс в

образовании, что привело к технократизации общества и не способствовало гуманитарному развитию» [Скляр 2020, 77]. В связи с этим вспомним идею американского ученого М. Полани, который справедливо указывал, что знание всегда имеет личностный характер и не может существовать в полноценном виде, если не передается человеком «из рук в руки» (см.: [Полани 1985]).

Исходя из проведенного нами исследования можно сделать следующие прогнозы развития цифровизации образования:

1. Совершенствование развития и методов внедрения ИКТ в образование приведет к углублению формальной, а не содержательной стороны процесса обучения. Результатом этого может стать снижение мотивации преподавателей не только к образовательной, но и к научно-исследовательской деятельности.

2. Постоянное изменение форм оценки знаний, расширяющееся применение различных измерительных процедур и тестирований для экспертизы качества образовательного процесса отражает приоритет формальной стороны цифровизации процесса образования.

3. Успешное применение информационно-коммуникационных технологий станет главным показателем эффективности образовательной среды и компетентности учащихся и преподавателей. В этих условиях вырастет конкуренция в среде профессорско-преподавательского состава, важными факторами которой станут успешная и быстрая адаптация к информационно-коммуникационным технологиям, а также разработка авторских онлайн-курсов и образовательных ресурсов.

Нетрудно заметить, что данные прогнозы выглядят довольно пессимистично. Однако следует понимать, что формализация образования в условиях цифровой экономики не сможет заменить и исключить личное общение преподавателя и обучающегося. Именно очное образование незаменимо в плане передачи и формирования жизненных ценностей и ориентиров, воспитания человека. Этот аспект, как ни парадоксально, и сделает возможным дальнейшую успешную цифровизацию образования.

Мы убеждены, что дистанционное образование будет иметь ценность для современного человека только тогда, когда оно будет

ориентировано на самого человека. Образование должно быть не тем, что человек получает в качестве услуги, а тем, что он проживает на собственном реальном опыте и тем, как он, исходя из этого опыта, формирует базовые ценности и ориентиры. Только в этом случае реализация проекта цифрового образования будет иметь высокую социальную значимость, повышать мотивацию и качество жизни всех участников образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лукас 2020 – Лукас Э. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Представление о человеке и методы. М.: Когито-центр, 2020.
- Национальный проект... web – Национальный проект «Образование 2019–2024» // <https://projectobrazovanie.ru>.
- Пигалев 2018 – Пигалев А.И. Метафизика как глобальная онтология изолированной системы // *Метафизика*. 2018. № 3 (29). С. 109–123.
- Полани 1985 – Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Скляр 2020 – Скляр Л.Н. Гуманистическая модель образования в истории // *Цивилизация – общество – человек*. Научно-образовательный альманах. Саратов : [б. и.], 2020. С. 76–78.
- Сонмез 2016 – Сонмез Дж. Путь программиста. Человек эпохи IT. СПб.: Питер, 2016.
- Токарева, Горина 2017 – Токарева С.Б., Горина Т.С. Научно-просветительские практики в условиях информационной технологизации интеллектуальной среды // *Logos et Praxis*. 2017. Т. 16, № 4. С. 23–30.
- Kenney, Zysman 2016 – Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // *Issues in Science and Technology*. 2016. Vol. 32, № 3. P. 61–69.
- Øverby, Audestad 2018 – Øverby Hd., Audestad Jan A. Digital Economics How Information and Communication Technology is Shaping Markets, Businesses, and Innovation. N. Y.: [s. n.], 2018.
- Pluzhnikova web – Pluzhnikova N.N. Technologies of Artificial Intelligence in Educational Management [Materials of 2020 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology, EMCTECH, Vienna, 2020] // <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56073390700>.

REFERENCES

- Lukas E., 2020. *Logotherapy and Existential Analysis: The Concept of a Person and Methods*. Moscow, Kogito-centr Publ.
- National Project «Education 2019-2024». URL: <https://projectobrazovanie.ru>.
- Pigalev A.I., 2018. Metaphysics as a Global Ontology of an Isolated System. *Metafizika*, no. 3 (29), pp. 109-123.
- Polani M., 1985. *Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy*. Moscow, Progress Publ.
- Sklyar L.N., 2020. Humanistic Model of Education in History. *Civilizaciya-obshchestvo-chelovek. Nauchno-obrazovatel'nyj al'manah*. Saratov, pp. 76-78.
- Sonmez Dz., 2016. *The Programmer's Path. The Man of the IT Era*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Tokareva S.B., Gorina T.S., 2017. *Scientific and Educational Practices in the Context of Information Technologization of the Intellectual Environment*. *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 4, pp. 23-30.
- Kenney M., Zysman J., 2016. The Rise of the Platform Economy. *Issues in Science and Technology*, vol. 32, no. 3, pp. 61-69.
- Øverby Hd., Audestad Jan A., 2018. *Digital Economics How Information and Communication Technology is Shaping Markets, Businesses, and Innovation*. New York.
- Pluzhnikova N.N. Technologies of Artificial Intelligence in Educational Management. *International Conference on Engineering Management of Communication and Technology, EMCTECH 2020 – Proceedings*. URL: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56073390700>.

Information About the Author

Natalia N. Pluzhnikova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, History and Intercultural Communications, Moscow Technical University of Communications and Informatics, Aviamotornaya St, 8A, 111024 Moscow, Russian Federation, n.n.pluzhnikova@mtuci.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

Информация об авторе

Наталья Николаевна Плужникова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций, Московский технический университет связи и информатики, ул. Авиамоторная, 8А, 111024 г. Москва, Российская Федерация, n.n.pluzhnikova@mtuci.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.3>

UDC 316.344.32+378.4

LBC 87.6

RUSSIAN UNIVERSITIES AFTER THE PANDEMIC: WAYS OF TRANSFORMATION

Sergey E. Sorokin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the key challenges faced by Russian higher education during the pandemic and the prospects for its further development. The article highlights the key problems of higher education that have arisen in connection with the pandemic situation (reduced academic mobility, weakened partnerships, inability to complete research on time, reduced number of applicants, suspension of educational activities), examines the actions of governments and measures taken by universities to adapt to work in the context of the pandemic (development of appropriate legislation, provision of consulting and financial assistance, measures to support foreign students who found themselves in the country during the pandemic, etc.). Hypotheses are put forward regarding the ways of transformation of university education in the “post-covid” period, possible trends are proposed, including digitalization, changes in the content of the educational process, scientific activity, increasing the social role and the “third mission” of universities. The problems of online education, the development of digital technologies and new forms of education by teachers and students, and the creation of a new system of social and educational work corresponding to new educational formats are considered. Conclusions are drawn that the Russian higher education system as a whole has managed to overcome the difficulties that have arisen. The situation of the pandemic, on the one hand, has accelerated a number of transformational processes that began in the higher education system before it, and on the other – has revealed new challenges, the solution of which is necessary for the effective functioning of universities in force majeure situations. We should not expect a complete return of universities to the “pre-covid” situation, since certain mechanisms have been launched to accelerate the modernization of domestic higher education.

Key words: pandemic, coronavirus, university, education, “third mission”.

Citation. Sorokin S.E. Russian Universities After the Pandemic: Ways of Transformation. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 23-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.3>

УДК 316.344.32+378.4

ББК 87.6

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Сергей Эдуардович Сорокин

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых вызовов, с которыми столкнулось отечественное высшее образование в период пандемии, и перспектив его дальнейшего развития. Выделяются ключевые проблемы сферы высшего образования, которые возникли в связи с ситуацией пандемии: снижение академической мобильности; ослабление партнерств; невозможность окончания в срок научных исследований; снижение количества абитуриентов; приостановка образовательной деятельности. Рассматриваются действия правительств и меры, предпринятые университетами для адаптации к работе в условиях пандемии (разработка соответствующих законодательных актов, оказание консультационной и финансовой помощи, меры поддержки иностранных студентов, оказавшихся в стране в период пандемии и др.). Выдвигаются гипотезы относительно путей трансформации университетского образования в «постковидный» период. Среди возможных тенденций выделены, в частности, цифровизация; изменение содержания образовательного процесса и

научной деятельности; повышение социальной роли и «третьей миссии» университетов. Рассматриваются проблемы онлайн-образования, освоения преподавателями и студентами цифровых технологий и новых форм обучения, поднимаются вопросы создания новой системы социальной и воспитательной работы, соответствующей новым образовательным форматам. Делается вывод о том, что российской системе высшего образования в целом удалось преодолеть возникшие трудности. Ситуация пандемии, с одной стороны, ускорила ряд трансформационных процессов, которые начинались в системе высшего образования до нее, а с другой – выявила новые задачи, решение которых необходимо для эффективного функционирования университетов в форс-мажорных ситуациях. Не стоит ожидать полного возврата университетов к «доковидной» ситуации, поскольку были запущены определенные механизмы, направленные на ускорение процессов модернизации отечественного высшего образования.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, университет, образование, «третья миссия».

Цитирование. Сорокин С. Э. Российские университеты после пандемии: пути трансформации // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 23–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.3>

Введение

Продолжающаяся ситуация пандемии, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции, привела к трансформации процессов функционирования различных социальных институтов, среди которых особо можно выделить сферу образования.

Особенностью системы образования является ее открытый характер, отсутствие жестких рамок и ограничений, а также способность к рефлексии, самообогащению и преобразованию на основе воздействия внешних и внутренних факторов трансформации. Образование представляет собой важнейшую общественную ценность, при этом процесс его развития оказывается обусловленным историческим типом общества, уровнем развития культуры, экономики, социальной сферы, зависит от текущего государственно-политического устройства, идеологических установок, а также от других внешних факторов.

В этой связи актуальным представляется анализ последствий, вызванных пандемией, которые уже произошли или произойдут в будущем, их влияния на сферу высшего образования, а также прогнозирование направлений внутренней трансформации университетов, путей их дальнейшего развития.

В образовательный процесс так или иначе вовлечены большие группы населения – школьники, студенты, их родители, педагоги и сотрудники образовательных организаций. В эффективной работе образовательных институтов заинтересовано как государство, так и экономические субъекты – предприятия и организации. Именно поэтому на сохранение

непрерывности и качества образования в период пандемии были направлены значительные усилия национальных правительств и международных организаций.

Вызовы для высшего образования

По данным опроса Международной ассоциации университетов основными вызовами, с которыми столкнулись университеты в период пандемии, стали:

- снижение академической мобильности (89 %);
- ослабление партнерств (59 %);
- невозможность окончания в срок научных исследований (52 %);
- снижение количества абитуриентов (46 %);
- приостановка образовательной деятельности (24 %) [COVID-19... web].

На уровне правительств государств университетам была оказана определенная поддержка, которая шла по следующим основным направлениям:

- разработка законодательных актов и руководств для организации онлайн-обучения и проведения вступительных или выпускных экзаменов;
- оказание консультационной и финансовой помощи вузам для обеспечения онлайн-обучения;
- разработка стратегий и принятие тактических решений для оказания помощи иностранным студентам, оказавшимся в стране в период пандемии;
- разработка дополнительных законодательных (нормативных) актов, позволяющих

иностранным студентам выезжать (приезжать) на обучение [Влияние пандемии... web].

Университеты по всему миру осознали свою социальную ответственность перед обществом и активно включились в работу по преодолению последствий пандемии.

По данным доклада «Влияние Covid-19 на высшее образование по всему миру» 52 % университетов увеличили свою общественную активность; 49 % усилили научную коммуникацию; 40 % оказывали помощь в оказании медицинских консультаций; студенты и сотрудники 28 % университетов оказывали помощь пострадавшим в ходе пандемии; 22 % предоставили свои медицинские учреждения для нужд борьбы с распространением инфекции [Marinoni web].

Сегодня можно говорить о том, что эти усилия в целом достигли своей цели, при том, что был выявлен ряд проблемных точек, которые в перспективе должны стать точками развития образования в новых условиях.

Среди ключевых проблем сферы высшего образования, которые возникли в связи с ситуацией пандемии, выделяют следующие:

- необходимость оперативной корректировки нормативной базы в части определения принципов и условий дистанционного обучения, приема вступительных экзаменов и проведения итоговой государственной аттестации;

- организация обучения в дистанционном режиме, в том числе освоение необходимых технологий преподавателями и студентами;

- финансовые трудности, вызванные сокращением спектра дополнительных услуг и приносящей доход деятельности, уменьшением числа иностранных обучающихся, потребностью закупки средств дезинфекции, необходимостью дополнительной государственной поддержки университетов;

- организация обучения студентов из других государств, в том числе обеспечение их доступа к образовательным ресурсам, создание комфортных условий проживания и социальной поддержки при невозможности выезда на родину;

- трудности при проведении рекрутинговой кампании;

- сворачивание программ академического обмена и реализации совместных образовательных программ [Клягин и др. 2020].

Отдельно стоит сказать о морально-психологическом состоянии как студентов, так и работников университетов в период пандемии. Как пишут Н.В. Сидячева и Л.Э. Зотова, «состояние «вынужденной самоизоляции» непривычно для нормального хода жизни человека в связи с его нестабильностью и непредсказуемостью» [Сидячева, Зотова 2020].

Люди оказались в ситуации, когда их представления о стабильности, жизненный уклад и образ поведения были в краткие сроки кардинально изменены. На фоне противоречивой информации в СМИ и развития панических настроений сохранение способности обучать и учиться потребовало значительных усилий как со стороны профессорско-преподавательского состава, так и со стороны обучающихся университетов.

Поддержание в трудовых и студенческих коллективах нормальной морально-психологической обстановки явилось одной из задач ректорского корпуса и администрации университетов.

В целом, по мнению большинства исследователей, на сегодняшний день отечественная система высшего образования (впрочем, как и многих других государств) в основном нашла пути адаптации к новой ситуации и решения большей части возникших проблем.

Пути трансформации

Вопрос, который волнует как университетское сообщество, так и общество в целом: вернется ли высшее образование на тот путь развития, по которому оно шло до пандемии, либо начнет движение по новой траектории. В этом отношении мнения исследователей разделились. Кто-то считает, что университеты вернутся в «доковидное» состояние без существенных изменений, кто-то говорит о том, что «университет уже не будет прежним» [«Массового закрытия вузов не будет»... web].

На наш взгляд, работа в условиях пандемии выступила катализатором развития тех направлений деятельности университетов, которые виделись в качестве перспективных.

Первое из таких направлений – это, безусловно, цифровизация. Одна из первых проблем, с которой столкнулись российские университеты с началом перехода на дистанци-

онное обучение, – это отсутствие необходимых цифровых компетенций у преподавателей, сотрудников, а зачастую и у студентов. И если последние в силу возрастных особенностей достаточно быстро освоили новые технологии, то для многих преподавателей работа в удаленном формате стала серьезным испытанием. По данным авторов доклада «Высшее образование: уроки пандемии. Оперативные и стратегические меры по развитию системы», выполненного коллективами тринадцати российских университетов в ходе проведения работ по исследованию проблем и направлений развития высшего образования в период пандемии, «более 60 % преподавателей редко или никогда не проводили лекции или занятия в электронном формате или формате вебинаров, 88,2 % скептически относятся к формату дистанционного обучения, 42,7 % считает, что электронный формат приведет через год к ухудшению качества высшего образования, а 67 % не соглашаются с тем, что большинство занятий через год будут в онлайн-формате» [Высшее образование... web].

При этом установки на включение удаленных форматов работы в образовательный процесс поступали от органов управления сферой образования достаточно давно, однако, как правило, они встречали отторжение в преподавательском сообществе.

Еще одним позитивным последствием активного освоения цифровых технологий в образовательном процессе в период пандемии стало создание в большинстве университетов необходимой технической базы.

Вместе с тем нельзя не отметить различие организационных и финансовых возможностей между «столичными» университетами и образовательными организациями российских регионов, которые повлияли на скорость и качество внедрения цифровых технологий в образовательный процесс.

Очевидно, что дистанционное обучение не сможет полностью заменить «живое» общение, и такой вариант не рассматривается ни на государственном уровне, ни самими университетами. Однако вероятной тенденцией развития высшего образования на ближайший период станет использование смешанной системы онлайн и оффлайн обучения. Это потребует от преподавателей, с одной стороны,

постоянно совершенствовать содержание образовательных программ в условиях открытого доступа студентов к большому количеству информации в интернете, а с другой – повышать уровень цифровой грамотности, готовности оперативно осваивать новые технологии. Безусловно, это должно получать соответствующую поддержку и поощрение со стороны руководства университетов.

Вторая тенденция, которая непосредственно связана с первой – изменение содержания образовательного процесса. Использование форматов дистанционного обучения неизбежно приведет к пересмотру принципов организации процесса обучения. Это будет связано, прежде всего, с сочетанием традиционного аудиторного режима обучения с самостоятельной работой студентов на цифровых платформах, что позволит составлять гибкий график взаимодействия преподавателя и студента, при котором студенту будет не обязательно ежедневно присутствовать в университете.

Следствием этого станет увеличение свободного времени как преподавателя, так и студента, которое может быть направлено как на дополнительное образование, так и на личностное развитие.

Кроме того, можно прогнозировать более активное использование студентами готовых онлайн-курсов. Мы помним, что в начале пандемии был открыт свободный доступ студентов к курсам лучших отечественных и зарубежных преподавателей. Это не только помогло снять проблему, но и выступило стимулом для многих преподавателей к тому, чтобы перевести свои лекции в электронный формат. На наш взгляд, онлайн-курсы могут стать дополнительным инструментом обучения по тем дисциплинам, где это представляется разумным, к примеру, по гуманитарным направлениям. Со временем получают свое развитие такие новые образовательные технологии как виртуальная и дополненная реальность, которые делают онлайн-курсы более интерактивными и привлекательными для студентов.

Все это так или иначе приведет к пересмотру университетами своих образовательных программ, в основе которых должна лежать возможность выбора студентами курсов как из числа внутриуниверситетских, так и внешних онлайн-курсов, что, в конце концов

должно привести к созданию системы индивидуальных образовательных траекторий, настройке образования на потребности и возможности конкретного студента.

Новые формы обучения потребуют научного осмысления и, возможно, приведут к появлению педагогических теорий, которые будут описывать процесс развития и формирования личности в новых условиях её воспитания, обучения и образования.

В ситуации сокращения времени непосредственного общения между преподавателем и студентом и, вероятно, времени нахождения студентов в кампусе по-другому должен строиться и воспитательный процесс, который является неотъемлемой частью образования. Личность педагога, наставника, специалиста сферы социальной работы является ключевой в воспитательном процессе. С другой стороны, в его основе лежит общение и совместная работа студентов. В 2020 г. большая часть студенчества испытывала нехватку «живого» общения, когда большинство студенческих культурно-массовой, спортивной направленности мероприятий были либо отменены, либо перенесены в онлайн-формат.

Выход студента в режим обучения по индивидуальной образовательной траектории, при которой он может не быть «привязанным» к конкретной группе, может создать ситуацию социальной изоляции, что, безусловно, окажет влияние на формирование его личности. В этой связи от университетов потребуется пересмотр системы социальной и воспитательной работы, которая должна быть направлена, с одной стороны, на социализацию студентов, освоение ими необходимых норм и правил жизни и поведения в обществе, активного включения в общественные процессы, а с другой – на формирование морально-этических принципов с использованием современных методик и технологий.

«Третья миссия» в период пандемии

Еще одна тенденция развития университетов связана с расширением их социальной роли, участия в жизни общества.

Ситуация пандемии актуализировала вопрос о «третьей миссии» университетов, под которой подразумевают «совокупность специфических услуг, основанных на действиях и

возможностях, служащих для блага общества» [Marhl 2011]. К числу ее ключевых компонентов, как правило, относят «продолженное образование, обмен технологиями и инновациями, социальную вовлеченность», «передачу технологий, социальные обязательства и обучение в течение всей жизни» [Медушевский, Перфильева 2016], «генерирование, практическое применение знаний, получение выгоды от ресурсов за пределами академической среды» [Jongbloed 2008], «экономическое применение исследований, патентов, трансфер технологий, а в широком смысле – любую деятельность в направлении общества» [Dan 2012].

О.В. Перфильева называет «социальным участием» университета «понимание и учет общественных потребностей в обучении граждан, подготовке специалистов для конкретных отраслей производства, проведении конкретных научных исследований для решения проблем, актуальных для сообщества, на основе многостороннего взаимодействия с различными заинтересованными участниками» [Перфильева 2011, 134].

Многие исследователи видят новую «третью миссию» университетов в их участии в решении общемировых проблем, преодолении глобальных кризисов, ответах на ключевые вызовы современности.

Безусловно, пандемия, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции, является таким вызовом, при том, что даже в случае успешного для человечества ее завершения нельзя исключать повторение подобных событий в будущем.

Последствия пандемии лежат не только в плоскости здравоохранения, демографии и экономики, они привели к определенным социальным и даже политическим трансформациям.

Университеты должны стать тем местом, в котором, с одной стороны, произойдет социально-философское осмысление происходящих процессов, а с другой – будут выработаны рекомендации по преодолению социальных кризисов, вызванных пандемией, найдены технологические решения актуальных проблем.

Для этого необходимы изменения как в образовательной, так и в научной деятельности университетов. В докладе, подготовленном инициативной группой под руководством британского ученого У. Бодмера еще в 1985 г.,

изложены концептуальные подходы к новому формату взаимоотношений между наукой и обществом. Значительная роль в нем отводится сфере образования и, в частности, университетам. Основополагающие тезисы доклада состоят в том, что «научное сообщество будет более эффективно в отстаивании своих целей, если откроет больше возможностей для обсуждения научных аспектов многих важных проблем, которые волнуют общество» [Bodmer, Collins 1986]. Для этого научное сообщество должно стать открытым для общества, в том числе, в медиапространстве.

Мы наблюдаем повышение интереса со стороны общества к научным исследованиям, поскольку граждане оказались зависимы от быстрых и эффективных научных решений, таких как, к примеру, разработка вакцины.

Это дает повод вновь обратиться к проблемам отечественной науки, которая во многом сосредоточена в университетах. В этой связи необходимы:

- дополнительная государственная поддержка научных исследований по приоритетным направлениям (здесь уже сделаны первые шаги: реализуется проект создания научно-образовательных центров мирового уровня);
- усиление взаимодействия между университетами и академическими институтами, в частности, институтами Российской академии наук, выделение финансирования для реализации проектов в рамках коллаборации;
- развитие взаимодействия с зарубежными учеными, упрощение процедуры их привлечения для работы над совместными проектами;
- реализация мер поддержки молодых ученых, формирование системы «кадрового научного лифта» студента начиная с уровня магистратуры.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что ситуация пандемии, с одной стороны, ускорила ряд трансформационных процессов (инициация которых была обусловлена внедрением в систему высшего образования цифровых технологий), а с другой – выявила новые задачи, которые необходимо решать для того, чтобы обеспечить непрерывное функционирование в случае возникновения подобных форс-мажорных ситуаций.

Можно констатировать, что российской системе высшего образования удалось преодолеть возникшие трудности и обеспечить ведение образовательного процесса в дистантной форме, а также выработать алгоритмы поведения в случае возникновения похожих ситуаций в будущем. При этом возврат на исходные позиции вряд ли возможен, поскольку был принят ряд организационно-управленческих и технологических решений, открывающих путь если не к перезагрузке, то, по крайней мере, к модернизации системы высшего образования.

Дискуссии о том, какой она будет, продолжаются, однако ее ключевые векторы уже просматриваются: ускоренная цифровизация, новые подходы к образовательной политике, укрепление связи науки и экономики, современные требования к профессорско-преподавательскому составу и сотрудникам университета, новая социальная роль в рамках «третьей миссии». Если рассматривать этот кризис как возможность для развития, то такая возможность у университетов появилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Влияние пандемии... web – Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: аналитический материал международный, национальный и институциональный ответ // <https://www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (дата обращения: 27.01.2021).
- Высшее образование... web – Высшее образование: уроки пандемии. Оперативные и стратегические меры по развитию системы // http://www.tsu.ru/upload/iblock/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%B4%D0%BB%D1%8F_%D0%9C%D0%9E%D0%9D_%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B32020_.pdf.
- Клягин и др. 2020 – *Клягин А.В. и др.* Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с.
- «Массового закрытия вузов не будет»... web – «Массового закрытия вузов не будет». Ректор ВШЭ о трендах будущего образования // <https://tass.ru/interviews/10541877> (дата обращения: 27.01.2021).

- Медушевский, Перфильева 2016 – *Медушевский Н.А., Перфильева О.В.* Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 3. С. 19–31.
- Перфильева 2011 – *Перфильева О.В.* Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. № 1 (32). С. 133–144.
- Сидячева, Зотова 2020 – *Сидячева Н.В., Зотова Л.Э.* Ситуация вынужденной самоизоляции в период пандемии: психологический и академический аспекты // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 5. С. 218–225.
- Bodmer, Collins 1986 – *Bodmer W.F., Collins P.M.D.* The Public Understanding of Science. Studies in Science Education. 1986. Vol. 13, № 1. P. 99.
- COVID-19... web – COVID-19: Higher Education challenges and responses // <https://iau-aiu.net/Covid-19-Higher-Education-challenges-and-responses> (дата обращения: 27.01.2021).
- Dan 2012 – *Dan M.C.* The Third Mission of Universities in the Development Strategy of Vienna City. *Informatica. Economica*. 2012. Vol. 16, № 4. P. 49–56.
- Jongbloed 2008 – *Jongbloed B.* Seven Indicators for Mapping University regional Interactions. ENID PRIME Indicators Conference in Oslo (Oslo, 26-28 May 2008). Oslo: [s. n.], 2008. P. 32–56.
- Marhl, Pausits 2011 – *Marhl M., Pausits A.* Third Mission Indicators for New Ranking Methodologies // Evaluation in Higher Education. 2011. № 5. P. 43–64. DOI: <https://doi.org/10.15393/j5.art.2013.1949>.
- Marinoni, Van Land, Jensen web – *Marinoni G., Van Land H., Jensen T.* The Impact of Covid-19 on Higher Education Around the World [IAU Global Survey Report] // https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf (дата обращения: 27.01.2021).
- Development of the System 2020.* URL: http://www.tsu.ru/upload/iblock/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%B4%D0%BB%D1%8F_%D0%9C%D0%9E%D0%9D_%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B32020_.pdf (accessed 27 January 2021).
- Klyagin et al., 2020. *The Storm of the First Weeks: How Higher Education Stepped into the Reality of the Pandemic.* Moscow, NIU VSHE. (Sovremennaya analitika obrazovaniya, no. 6 (36)).
- “There Will Be no Mass Closure of Universities”. HSE Rector on Trends in the Future of Education 2021. URL: <https://tass.ru/interviews/10541877> (accessed 27 January 2021).
- Medushevskij N.A., Perfil’eva O.V., 2016. Interpretation of the Third Role of Universities at the Present Stage. *Bulletin of RSUH. Series “Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Orientalism”*, no. 3, pp. 19-31.
- Perfil’eva O.V., 2011. *University and Region: Towards the Implementation of the Third Function*, no. 1 (32), pp. 133-144.
- Sidyacheva N.V., Zotova L.E., 2020. The Situation of Forced Self-Isolation During the Pandemic: Psychological and Academic Aspects. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 5, pp. 218-225.
- Bodmer W.F., Collins P.M.D., 1986. The Public Understanding of Science. *Studies in Science Education*, vol. 13, no. 1, p. 99.
- COVID-19: Higher Education Challenges and Responses. URL: <https://iau-aiu.net/Covid-19-Higher-Education-challenges-and-responses> (accessed 27 January 2021).
- Dan M.C., 2012. The Third Mission of Universities in the Development Strategy of Vienna City. *Informatica. Economica*, vol. 16, no. 4, pp. 49-56.
- Jongbloed B., 2008. Seven Indicators for Mapping University Regional Interactions. *ENID PRIME Indicators Conference in Oslo (Oslo, 26-28 May 2008)*. Oslo, pp. 32-56.
- Marhl M., Pausits A., 2011. Third Mission Indicators for New Ranking Methodologies. *Evaluation in Higher Education*, no. 5, pp. 43-64. DOI: <https://doi.org/10.15393/j5.art.2013.1949>.
- Marinoni G., Van Land H., Jensen T. The Impact of Covid-19 on Higher Education Around the world. *IAU Global Survey Report*. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf (accessed 27 January 2021).

REFERENCES

Impact of the COVID-19 Pandemic on the Higher Education Sector and Master’s Degree Programs: Analysis International, National, and Institutional Response 2020. URL: <https://www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (accessed 27 January 2021).

Higher Education: Lessons from the Pandemic. Operational and Strategic Measures for the

Information About the Author

Sergey E. Sorokin, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Deputy Vice-Rector for Educational Activities, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severnoy Dviny Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russian Federation, s.sorokin@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4604-0676>

Информация об авторе

Сергей Эдуардович Сорокин, кандидат политических наук, доцент, заместитель проректора по образовательной деятельности, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, 163002 г. Архангельск, Российская Федерация, s.sorokin@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4604-0676>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.4>

UDC 291.1

LBC 86.201

MASS DISTANCE LEARNING AS A GLOBAL SOCIAL EXPERIMENT TO DIVIDE PEOPLE¹

Andrey I. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the problems of education that have worsened during the crisis associated with the pandemic. This is a large complex of problems that threaten not only the development, but also the existence of the education system in Russia. These are methodological problems: the lack of methods and the necessary material and technical base for the implementation of the distance format of mass education. The problems of forming the motivational potential of participants in the educational process, which is very relevant in the conditions of the beginning of the degradation of the education system under the pressure of its bureaucratization. This is a problem of increasing the volume of independent work of students and schoolchildren, which is not provided for by the methods of full-time education. The author draws on Nassim Taleb's concept of "the dictatorship of the small minority". Nassim Taleb claims that the theory of "the dictatorship of the small minority" is quite applicable to such a social institution as science. The minority dictatorship promotes the expanded accelerated digitalization of the education system. This entails stimulating the transformation of society, the transition from an individualized society to a dividualized society. Distance learning should be only a part of education and should be introduced very carefully at the last stages of higher education and in the system of additional education. This thesis is proved in this article. The author concludes that ignoring the problems discussed in the article can lead to a catastrophe of the education system in Russia.

Key words: philosophy of education, pandemic, distant learning, crisis, individualized society.

Citation. Makarov A.I. Mass Distance Learning as a Global Social Experiment to Divide People. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 31-35. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.4>

УДК 291.1

ББК 86.201

МАССОВОЕ ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО РАЗОБЩЕНИЮ ЛЮДЕЙ¹

Андрей Иванович Макаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются проблемы образования, обострившиеся во время кризиса, связанного с пандемией. Это большой комплекс проблем, угрожающий не только развитию, но и существованию системы образования в России. Это проблемы методического характера: отсутствие методик и необходимой материально-технической базы для осуществления дистанционного формата массового обучения. Проблемы формирования мотивационного потенциала участников образовательного процесса, очень актуальной в условиях начавшейся деградации системы образования под прессом ее бюрократизации. Это проблема увеличения объема самостоятельной работы студентов и школьников, не предусмотренная методиками очного образования. Автор опирается на концепт Нассима Талеба «диктатура меньшинств». Нассим Талеб утверждает, что теория «диктатуры меньшинства» вполне применима к такому социальному институту как наука. Диктатура меньшинства продвигает расширенную ускоренную цифровизацию системы образования. Это влечет за собой стимулирование трансформации общества, переход от индивидуализированного общества к дивидизированному обществу. Дистанционное обучение должно быть лишь частью образования и вводиться очень осторожно на последних ступенях высшего образования и в систему дополнительного

образования. Этот тезис обосновывается в данной статье. Автор делает вывод, что игнорирование рассмотренных в статье проблем может привести к катастрофе системы образования в России.

Ключевые слова: философия образования, пандемия, дистанционное обучение, кризис, индивидуализированное общество.

Цитирование. Макаров А. И. Массовое дистанционное обучение как глобальный социальный эксперимент по разобщению людей // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 31–35. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.4>

Вынужденный переход во время самоизоляции на массовое дистанционное обучение стал глобальным социальным экспериментом, результаты которого уже необходимо осмыслять разным научным дисциплинам. Это актуально в связи с тем, что быстро выявленная родителями и педагогами опасность профанации образования на дистанте привела к многотысячным протестам родителей по всей стране [Родители против... web]. Ситуацию в высшей школе исследовал коллектив авторов, который в октябре 2020 г. подготовил аналитический доклад «Высшее образование: уроки пандемии: оперативные и стратегические меры по развитию системы», выполненный коллективами тринадцати российских университетов. При анализе этого текста бросается в глаза наличие большого количества логических противоречий между выводами (рекомендациями) и статистическими данными, приведенными в исследовании. Обращу внимание только на одно из них, касающееся оценки введения массового дистанционного обучения. Так, в аналитическом докладе приводятся статистические данные о том, что «88,2 % преподавателей скептически относятся к формату дистанционного обучения, 42,7 % считает, что электронный формат приведет через год к ухудшению качества высшего образования, 67 % преподавателей не соглашаются с тем, что большинство занятий через год будет в онлайн-формате». При этом авторы признают, что даже после того, как вузы предприняли «серьезные усилия по адаптации ППС (53,2 % преподавателей прошли за последние месяцы курсы по ведению онлайн-обучения)» процент отрицательно оценивающих дистанционную форму обучения для студентов снизился незначительно: «87,8 % преподавателей утверждают, что все же их занятия лучше проводить в очном формате» [Высшее образование... web].

Несмотря на эти цифры, отражающие позицию подавляющего большинства педаго-

гической национальной элиты, авторы доклада делают неправомерный вывод о том, что нужно продвигать «цифровизацию» в вузовское образование не только как дополнительное образование или смешенное для аспирантов (против чего никто не возражает), но и для студентов бакалавриата и магистратуры. Авторы доклада зачем-то произвели подмену понятий с «несогласия университетского большинства с внедрением дистанционного образования» на «неготовность ППС к прогрессивным технологиям». Это, в частности, видно по следующему пассажиру в докладе: «Заметная часть профессорско-преподавательского состава, хотя и перешла в онлайн, но по-прежнему остается не готовой к интеграции онлайн-инструментов и технологий в образовательные программы в долгосрочной перспективе» [Высшее образование... web].

Авторы доклада, являясь меньшинством, не только отвергают позицию большинства профессуры и преподавателей, но и обвиняют их в отсталости, прямо намекая регулятору на необходимость насильственного внедрения того педагогического инструмента, который отвергается 87,9% профессионального сообщества. Вот, что они доносят регулятору, т.е. чиновникам Минобрнауки: «Вынужденный “всплеск” использования электронного обучения, с одной стороны, расширяет возможности обновления системы высшего образования, но, с другой стороны, в случае снижения активности регулятора и руководства вузов создает риски быстрого отката системы или даже усиления противодействия освоению цифровых инструментов и практик» [Высшее образование... web].

Возникает актуальный вопрос: под воздействием каких факторов сформировалась сегодняшняя модель непартнерских отношений цифровиловского меньшинства с большинством вузовского сообщества? Этот вопрос является предметом этой статьи, посвященной философии образования.

Итак, прямо говорится об огромных рисках и о несогласии большинства. И в то же время звучат обреченные нотки о том, что в России будет продолжено внедрение дистанционного обучения в школах и вузах. Но здесь, к сожалению, нет противоречия: педагоги, не принимая этого сценария будущего, не верят в то, что решения будут приниматься на основе мнения большинства, а считают, что реализуются планы внедрения смешанной формы, продвигаемой меньшинством. Собственно, эта выученная беспомощность некоторой части представителей большинства и является фактором, обеспечивающим напористую мотивацию цифрофилийского меньшинства. Термин «цифрофилийское меньшинство» произведен согласно «концепции диктатуры меньшинств», предложенной в качестве объяснительной модели специфики современной системы управления известным американским экономистом Нассимом Николасом Талебом [Талеб 2018]. Эта концепция вполне продуктивна для объяснения логики происходящих процессов в отечественной системе образования, процессов, подрывающих эту самую систему. В своей книге «Skin in the game. Hidden Asymmetries in Daily Life» Нассим Талеб предвидел то, свидетелями чего мы теперь являемся: насильственное внедрение инноваций меньшинством, обладающим напористостью и административным потенциалом. Это – набравшая силу тенденция последнего времени: диктатура меньшинств является следствием перехода от *индивидуализированного общества к дивидизированному обществу*. Индивидуализированное общество, о котором так своевременно писал Зигмунд Бауман, трансформируется в дивидизированное общество [Бауман 2002]. Этот феномен получил в западной философии имена «смерть Субъекта» и «смерть Человека». Индивид утрачивает такое свое качество как когнитивная автономия «я», при этом он не становится ни членом коллектива, ни элементом массы (в том смысле, в котором массы описали философы XX в.). Человек больше не частица, он – волна в потоке очень быстрых изменений, темп и ритм которых несоразмерны его сознанию и телу. Это новый феномен дивиды, то есть атома, фатально разделенного с другими атомами. Пример дивидизации – это то,

что мы – преподаватели – наблюдали при нахождении в Zoom во время своих лекций. Вы видите не студентов, а аватары или черные таблички, за которыми может никого не быть. Вы заходите на это кладбище картинок, как на какой-то спиритический сеанс и начинаете выкликать голоса из зазеркалья: «Мария, вы с нами? Петр, вы с нами?». Мы стали свидетелями глобальной симуляции участия, когда невозможно соучастие, остается лишь возможность присутствия образа при отсутствии субъекта. Студенты вместе с преподавателями во время этой нормализации дивидизации (реального социального разобщения) экспериментировали с увеличением дистанции – не только физической, но именно социальной. *Дистанцирование* означает, по сути, именно *социальную изоляцию*, и указывает не просто на физическое дистанцирование, а именно на разрыв социальной ткани, на изоляцию людей друг от друга. Это происходит посредством внедрения в общение цифрового посредника. *Сложное общение*, обмен смысловыми энергиями, эффектом которого является формирование общества как солидарного организма, превращается в *упрощенную коммуникацию*, обмен информацией, значениями с обедненной смысловой энергией, эффектом которой является формирование набора социально фригидных функциональных сообществ или множеств дивидов, изолированных друг от друга. Такие выводы подтверждает Сергей Рукшин, профессор Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, который пишет: «В “дистанционном” я вижу разобщение, а значит – угрозу биологическому виду. И если речь об образовании, то особенно. Потому что дистант умножает воспитание на ноль. Воспитание не передается ни дистанционно, ни уколами в *musculusgluteus*, то есть в задницу. Оно передается только от человека к человеку» [Математик Сергей Рукшин... web]. Важный вопрос сегодня: есть ли вероятность, что при принятии стратегических решений в области политики образования в нашей стране субъект решений будет опираться на позицию цифрофилийского меньшинства или на позицию представителя педагогического большинства, которым является Сергей Рукшин, руководитель знаменитого «Матцентра»

(Санкт-Петербургского Центра математического образования), учитель лауреатов Филдсовской премии Григория Перельмана и Станислава Смирнова?

При переходе от живого физического присутствия в аудитории к виртуальному присутствию на экране снижается эмоциональный посыл и пафос речи. Поэтому, для того, чтобы поддержать уровень пафоса в речи, лектору нужно на порядок увеличивать интенсивность пафоса. Мои наблюдения показывают, что преподаватели этого не делают, потому что нет ни опыта, ни желания этого делать. Это делают, например, те, кто работает на телевидении. Они это знают, от них этого требуют. К чему это приводит? Это приводит к ослаблению педагогического эффекта речи педагога. Речь становится менее захватывающей, и в таком случае надо перемещать акцент в сторону логоса. Но идеи тоже вырабатываются на основе эмоционального потенциала. Речь идет о важнейшей проблеме мотивации. Может кто-то сегодня сказать, что в среднем у российских студентов высокая мотивация к самостоятельному обучению? Вопрос этот риторический. Исследования показывают, что основной тип мотивации на 1–3 курсе – потребительско-процессуальный, то есть студентам важен процесс обучения в коллективе. И только на 4 курсе возникает мотивация на результат [Мальцева, Сулова 2017, 67]. Это означает, что на 1–3 курсе удельный вес социализации очень велик, что дистантность, как форма слабых связей, чреватых разобщенностью людей, недопустима. Логичным было бы постепенное пилотное, а не ускоренное внедрение дистанционного обучения в вузах. Но меньшинство будет настаивать на ускорении, что приведет к обрушению системы из-за ее нечеловекообразности. Случившийся глобальный кризис усилил тенденцию к утере здравого смысла инноваторами, что выражается в продвижении проектов нечеловекообразных систем. Массовый переход на дистанционное обучение показал, что у субъекта образовательного процесса есть определенная размерность, которая игнорируется представителями цифрофилийского меньшинства.

При этом очень важно подчеркнуть, что цифровизированные дистанционные образовательные системы вполне приемлемы для до-

полнительного образования, так как у выпускников вузов сформировались навыки самоорганизации и мотив получать самообразование. У школьников и студентов бакалавриата нет еще этих способностей из-за их возрастных и поколенческих особенностей. Современная культура является фактором не концентрирующим, а рассеивающим внимание индивида, превращающим его в скрользящего новостные ленты дивида. Поэтому дистантные технологии, предполагающие резкое увеличение времени и энергии на самообразование, расходятся с психоэмоциональной и организационной размерностью многих участников образовательного процесса.

Начавшийся процесс дивидации общества в связи с построением нечеловекообразных систем является симптомом того, что меньшинство, которое пытается управлять реальностью, потеряло с ней связь, что не может не проявляться в нарастании катастрофических событий. Нынешний глобальный социальный эксперимент по введению массового дистанционного обучения показал, что российские школы, колледжи и вузы не приняли этот вариант смешенного обучения. Однако при этом до сих пор нет официального признания фактического педагогического провала этого эксперимента. Это, по нашему глубокому убеждению, влечет увеличение рисков социальных катастроф, одна из которых – катастрофа образовательной системы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена на базе Научно-образовательного центра ВолГУ «Человек в системе российских ценностей и институтов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман 2002 – Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Высшее образование... web – Высшее образование: уроки пандемии: оперативные и стратегические меры по развитию системы: аналитический доклад // http://www.tsu.ru/upload/iblock/аналитический%20доклад_для_МОН_итог_2020_.pdf (дата обращения: 28.02.2021).
- Мальцева, Сулова 2017 – Мальцева Л.В., Сулова Ю.А. Исследование мотивационной сферы студентов в процессе обучения в вузе // Вестник Кур-

- ганского государственного университета. 2017. № 3 (46). Вып. 9. С. 63–67.
- Математик Сергей Рукшин... web – Математик Сергей Рукшин: «Опыт дистанционного образования провалился» [Санкт-Петербургские ведомости] // <https://spbvedomosti.ru/news/adaptation/matematik-sergey-rukshin-opyt-distsionnogo-obrazovaniya-provalilsya/> (дата обращения: 28.02.2021).
- Родители против... web – Родители против дистанта. Онлайн-обучение нарушает права детей [AIF.RU] // https://krsk.aif.ru/society/roditeli_protiv_distanta_onlayn-obuchenie_narushaet_prava_detey.
- Талёб 2018 – Талёб Н.Н. Рискаю Собственной Шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
- Higher Education: Lessons of the Pandemic: Operational and Strategic Measures for the Development of the System: An Analytical Report.* URL: http://www.tsu.ru/upload/iblock/аналитический%20report_for_MON_itog2020_.pdf (accessed 28 February 2021).
- Maltseva L.V., Suslova Yu.A., 2017 Research of the Motivational Sphere of Students in the Process of Studying at the University. *Bulletin of the Kurgan State University*, no. 3 (46), iss. 9, pp. 63-67.
- Mathematician Sergey Rukshin: “The Experience of Distance Education failed”. *St. Petersburg vedomosti*. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/adaptation/matematik-sergey-rukshin-opyt-distsionnogo-obrazovaniya-provalilsya/> (accessed 28 February 2021).
- Parents Against Distance. Online Learning Violates Children’s Rights. *AIF.RU*. URL: https://krsk.aif.ru/society/roditeli_protiv_distanta_onlayn-obuchenie_narushaet_prava_detey.
- Taleb N. N., 2018. Risking His Own Skin. Hidden Asymmetry of Everyday Life. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Atticus Publ.

REFERENCES

Bauman Z., 2002. *Individualized Society*. Moscow, Logos Publ.

Information About the Author

Andrey I. Makarov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Associate Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, socphil@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

Информация об авторе

Андрей Иванович Макаров, доктор философских наук, профессор, доцент кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, socphil@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5>

UDC 32.019.51

LBC 60.527

CONSTRUCTING THE IMAGE OF RUSSIA IN PUBLIC AND POLITICAL DISCOURSE: FROM SEMANTIC DESCRIPTION TO METAPHORICAL FRAMING OF EVENTS¹

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The subject of the research is the processes of meaning-making in public and socio-political discourse, related to constructing and interpreting the image of Russia. The study deals with the specificity of semantic description of the country's image, with a particular focus on a thesaurus – a repository of data, knowledge and concepts an individual possesses in relation to a reflected fact of life. With the emergence of the cognitive approach the researchers' observations shift towards the confrontation of cultures and the resulting ideological opposition as prerequisites for constructing a particular image of Russia. In contrast to traditional linguistics, describing metaphorical images of Russia in terms of “semantic components” or “semantic fields”, cognitive linguistics views constructing of the country's image as an effect of metaphorical framing which involves applying a number of coherent procedures: naming, categorization, framing, narrating. Under proliferation and competition of ideologies, it is not the frequency of a metaphorical model of the image of Russia that serves as an indicator of its productivity but rather its potential to produce new lexical units, frames or slots. The current study exemplifies the role of ideologemes and beliefs, reflecting different value systems, in constructing the auto- and hetero-image of Russia. The paper dwells on framing in the processes of activating society's emotional states “fostering” various Russia-related sentiments. While constructing the auto- and hetero-image of Russia, political actors compete fiercely for their right to frame ideas dominating the public and political discourse and ensuring their accepted meaning. Under the current ideological opposition, the instrumentarium of metaphorical framing and reframing can serve not only as a means of competitive practices but also a means of conflict resolution in discussing the ideological and political agendas associated with attitudes to Russia.

Key words: image of Russia, metaphor, constructing a metaphorical model, ideology, frame, framing, metaphorical framing.

Citation. Tokareva S.B. Constructing the Image of Russia in Public and Political Discourse: from Semantic Description to Metaphorical Framing of Events. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 36-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5>

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ
В ПУБЛИЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ОТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
К МЕТАФОРИЧЕСКОМУ ФРЕЙМИНГУ СОБЫТИЙ ¹**

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университета, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования являются процессы смыслообразования в области публичного дискурса и социально-политической жизни, связанные с формированием и интерпретацией образа России. Рассмотрена специфика семантического описания образа России, ориентированного на тезаурус – запас сведений, знаний и понятий, которыми располагает субъект в отношении отображаемой реалии. С возникновением когнитивного подхода внимание исследователей смещается на проблемы конфронтации культур и идеологического противостояния как условий формирования образа России. В отличие от традиционной лингвистики, описывающей метафорические образы России в терминах «семантическое значение», «семантический компонент», «семантическое поле», когнитивная лингвистика рассматривает конструирование образа России как результат метафорического фрейминга, который предполагает применение ряда последовательных процедур: именованя, категоризации, фреймирования, включения в нарратив. В условиях пролиферации и конкуренции идеологий показателями продуктивности метафорической модели образа России является не столько ее частотность, сколько возможность продуцирования на ее основе новых лексических единиц, фреймов и слотов. Показана роль в формировании авто- и гетерообраза России идеологом и убеждений, отражающих различные системы ценностей. Описана роль фреймирования в процессах активации эмоциональных состояний социума, «подпитывающих» различные чувства, связанные с именем «Россия». При формировании автообраза и гетерообраза России между политическими субъектами ведется борьба за право фреймировать идеи, господствующие в публичном и социально-политическом дискурсе и обеспечивающие общепринятое понимание. В условиях идеологического противостояния инструментарий метафорического фрейминга и рефрейминга может служить не только средством конкурентной борьбы, но и средством разрешения конфликтов при обсуждении идеологической и политической повестки, связанной с отношением к России.

Ключевые слова: образ России, метафора, конструирование метафорической модели, идеология, фрейм, фреймирование, метафорический фрейминг.

Цитирование. Токарева С. Б. Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 36–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5>

Имя «Россия» в качестве наименования нашей страны в различные периоды ее существования и равнозначного варианта названия Российской Федерации относится к предмету, который не существует реально как единичный и лишь мыслится в качестве такового. После распада Советского Союза, сопровождавшегося обретением отдельными входившими в него республиками статуса самостоятельных национальных государств, произошло своего рода возвращение имени «Россия» к тому «промежуточному» состоянию, когда оно, оставаясь собой, приобретало также черты апеллятива – нарицательного име-

ни, в котором «угасали» его специфические ономазиологические приметы. Это, с одной стороны, активизировало работу по оформлению семантики имени «Россия», связанную с развитием имеющихся значений и появлением новых его лексических воплощений, с другой – усиливало стремление осмыслить связь имени «Россия» с тем образом страны, который сформировался в научном и политическом дискурсе, а также в обыденном сознании россиян (автообраз России) и иностранцев (гетерообраз России).

С опорой на исследования Е.С. Отина и И.А. Юрьевой [Отин 2004; Юрьева 2008] имя

«Россия» можно охарактеризовать как коннотативный оним – такое имя собственное, которое под влиянием различных языковых и экстралингвистических факторов приобрело добавочные значения (референтные коннотации), включающие смысловой, ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты [Юрьева 2008, 8]. Благодаря их появлению «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего мира, – но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных» [Отин 2004, 5].

Появление новых референтных коннотаций, в том числе эмоционально-экспрессивного плана, свидетельствуют о регулярной востребованности знания о денотате онима «Россия» [Юрьева 2008, 8]. Обращение к этому знанию сопровождается сдвигами в значении, увеличением многозначности имени «Россия» и его превращением в своеобразную онимическую метафору с выраженным выделением двух планов: с одной стороны, единичного (индивидуального), а с другой – общего. Благодаря этому образ России репрезентирует ее как то, что является в одно и то же время конкретным и обобщенным, а имя «Россия» не только соотносится с мыслимым предметом, но и приобретает признаки понятийного обобщения. Это означает, что оно начинает функционировать в качестве идеального типа – «концептуального инструмента понимания» хода событий, используемого для объяснения и оценки тех процессов и сторон общественной жизни, которые не связаны с проверяемыми фактами (и, следовательно, не могут быть подтверждены или опровергнуты путем изучения письменных и устных свидетельств), но содержат отсылку к той или иной идеологии [Мизес 2001, 232]. Функционирование онима «Россия» в качестве элемента идеологии (в том значении, которое придал последней в своей теории К. Маркс) инициирует интерес исследователей образа России к тем когнитивным теориям, которые включают идеологию в свое проблемное поле с целью прояснения явных (осознанных) и скрытых (бессознательных) когнитивных проявлений идеологического сознания [Подшибякина 2018, 80].

Когнитивистика особенно востребована при исследовании способов, которыми представители разных культурных традиций обмениваются культурными знаниями.

В варианте когнитивной лингвистики Дж. Лакоффа словарное значение слов, отражающих образ, рассматривается не в качестве результата дискурсивного мышления, а в качестве продукта когниций. Последние представляют собой особые мыслительные операции, включающие при обработке информации помимо логики также волю, чувства, переживания и ценностные установки, и одновременно являются ментальными структурами, «обслуживающими» восприятие не только сенсорной информации, но также знаний и представлений. Вариантами когниций выступают фреймы, скрипы, сценарии с фиксированным набором стереотипных ситуаций.

Образ предполагает особый тип репрезентации, при котором он выступает не как изображение или копия, но как смоделированная в координатах пространства-времени схема, наполненная переживаниями и социально сформированными значениями [Гузенина 2011, 124]. В этом качестве образ России проявляет себя двояким образом. Во-первых, он выступает как ментальный репрезентатор в сознании человека внутренних переживаний, чувств, эмоций и явлений внешнего мира, связанных с Россией как мыслимым целостным предметом. Во-вторых, образ России является инструментом и одновременно формой репрезентации определенной идеи, которая «как мотивирует к чему-либо, так и может постулировать какое-либо утверждение, что в итоге равнозначно, поскольку и то, и другое является лишь призывом к социальному действию и своеобразной разновидностью манипуляции» [Гузенина 2011, 124].

Благодаря связи образа России с идеей он функционирует как универсальный предметный код, а в качестве эмпирического конструкта относится к тезаурусному («знаниевому») уровню. Среди составляющих этого образа – знание о внешних признаках России, ее территории, населении, обычаях и т. д., ограничивающее тот большой объем разнородной информации о стране, который актуализирован прямыми и переносными значениями, используемыми в коммуникативных актах.

Понятно, что это знание принципиально различно у россиян и иностранцев: у первых оно связано с личным опытом, а у вторых сформировано преимущественно СМИ. «Образ России у русских и иностранцев как социальный стереотип представляет собой фрагмент языкового сознания с аффективно окрашенным содержанием. Функция образа России у русских и иностранцев – быть средством ориентации в России. У русских, сверх того, образ России есть средство формирования национальной идентичности, необходимой каждому русскому для создания конкретных условий жизнедеятельности. У русских образ России формируется целенаправленно в инструктивном обучении и при помощи СМИ, у иностранцев он складывается в результате речевого воздействия СМИ и частично из впечатлений, вынесенных из непосредственного знакомства со страной» [Тарасов 2006, 69].

К тому же надо учитывать, что образы России рождаются в историческом контексте конфронтации различных культур и идеологий. По этой причине в самой России и за рубежом складываются различные системы коммуникативно релевантных признаков, необходимых для коммуникации, но часто избыточных по отношению к репрезентации образа [Стернин 1985, 12]. Актуализируемые при метафорическом воплощении образа России частотные смыслы, содержащие информацию эмпирического характера относительно ее национально-культурного своеобразия, отражают различные стороны реальности и различаются степенью регулярности воспроизведения, однако все они имеют высокую степень коммуникативной релевантности.

Знание о России не только отражает разнобразные связи и типовые ситуации, в которых она участвует, но и репрезентирует психологическую реальность образа России. Психологически реальным для носителей русского языка является огромное количество системообразующих ассоциативных связей образа России. Поэтому для полноты отражения связанных с ним «Россия» признаков, фактов, действий и свойств необходимо включать в его ассоциативно-семантическое поле также лексемы и фразеологизмы, которые, не будучи семантически связаны друг с другом,

имеют тематическую соотнесенность с реальностью «Россия».

Новые возможности при формировании образа России открывает конструктивистский подход, который позволяет существенно уменьшать или увеличивать номинативное поле концепта, выстраиваемого вокруг своего понятийного ядра (Россия как государство и страна, большую часть населения которой составляют русские). При этом связанный с концептом «Россия» образный ряд, с одной стороны, передает реальность, с другой – создает новый вымышленный мир, который воспринимается как существующий «на самом деле».

Образ России как ментальный конструкт относится к так называемому воображаемому дискурсу. «Бытование» образа России в культуре имеет текстовую природу. В основном образы России как воплощение репутационных характеристик создаются, закрепляются и распространяются в публицистике и художественных текстах в виде тропов, которые относятся не столько к эмпирической реальности, сколько к интертекстовым структурам [Поляков 2015, 166]. При этом литература «является «привилегированным» средством распространения стереотипов, поскольку она пользуется большим доверием читателей и создает иллюзию достоверности, с которой читатель не спешит расставаться» [Иванова 2016, 75], в то время как публицистические произведения и политические документы относятся к «недолговечным» текстам. Однако и те, и другие создают виртуальные образы России, находящиеся в неоднозначных связях с эмпирической практикой [Beller, Leerssen (eds.) 2007, 26].

Ввиду значительного разрыва между бытующими представлениями о России и эмпирическими сведениями является крайне важным не сводить семантику образа России в публичном, общественно-политическом и художественном дискурсах к ограниченному набору дифференциальных признаков, но, напротив, развивать связанные с ней лексические значения в направлении энциклопедических. Другими словами, языковая семантика образа России не должна отрываться от тезауруса – знаний о России как реальном объекте [Стернин 1979, 143]. Между тем в информационном поле, актуализированном образом

России, репрезентирующие этот образ лексические значения и связанные с ним метафоры далеко не всегда привязаны к знаниям, что влечет за собой разделение языковых и когнитивных категорий и является одной из причин закрепления полярных черт национальных стереотипов, для обозначения которых Й. Лерссен ввел термин «имагема» [Beller, Leerssen (eds.) 2007]. В случае России такими имагемами являются входящие в ее образ клише, примеры которых можно найти, например, в рассуждениях Н.А. Бердяева, который, с одной стороны, говорит, что Россия – это «земля странников» – «свободных людей», не связанных ни с бытом, ни с семьей, ни с обществом, но ищущих Божией правды, невидимого града Китежа и спасения для всего мира, а с другой – страна «неслыханного сервизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности, страна инертного консерватизма» [Бердяев 1990, 21].

В эпоху становления информационно-знаковой цивилизации осмысление отношения между словом, мышлением и миром становится особенно сложной задачей, для решения которой привлекается объяснительный потенциал когнитивистики, претендующий на открытие и объяснение алгоритмов особого, не сводящегося к рассудочному целостного мышления – «когниций» (или «предзнания»), сочетающих логику с волей, чувствами, переживаниями, ценностными установками и т.д. [Матяш 2015, 100]. В рамках когнитивистики одной из наиболее значимых и перспективных концепций, представляющих как сами когнитивные структуры, так и способы их репрезентации, является теория фреймов. При исследовании образа России теория фреймов может быть использована в качестве научно-исследовательской методологии изучения зависимости языковых значений от познавательного опыта человека. Также к фреймовым сценариям и эффектам фрейминга обращаются при интерпретации и описании смысловой структуры метафорических моделей, соотносящихся с метафорическим образом России.

Благодаря своей способности передавать позицию определенного субъекта публичного или общественно-политического дискурса в лаконичной форме метафоры активно используются для формулирования национальной иде-

ологии и активации эмоциональных состояний социума, «подпитывающих» различные чувства, связанные с именем «Россия». Также актуализация общественной идеологии и ее языковое закрепление осуществляется посредством создания метафорических мемов, которые Т.М. Голубева называет «вирусами мышления» и определяет как «культурные конструкты-репликаторы, передающиеся от индивида к индивиду посредством процесса имитации» [Голубева 2016, 213].

Метафоризация образа России, при осуществлении которой игнорируются различия между лингвистическими и экстралингвистическими факторами, семантическими и прагматическими значениями, служит мощным средством воздействия на общественное мнение, так как указывает реципиенту информации на те свойства объекта, которые позволяют понять сложные абстрактные явления (сфера-мишень) в терминах более знакомых и конкретных (сфера-источник). Подобные «подсказки» способствует созданию и закреплению определенных стереотипов и доминирующей идеологии. Е.А. Ежова справедливо указывает, что «в современных условиях экономики слов при постоянной нехватке времени и максимальной загрузке мозга информацией мысль надо выражать быстро, точно и кратко, не перегружая память адресата, но задействуя ассоциативное мышление. Поэтому активно употребляется техника короткой ключевой фразы с использованием метафоры, которая делает сообщение сжатым и образным. Однако с помощью подобной техники можно не только точно донести смысл сообщения, но также манипулировать сознанием адресата, влиять на его восприятие и оценку информации. Иными словами, создавать искаженную реальность – направленную реальность с ложными смыслами» [Ежова 2017, 40].

В речевом общении образный сегмент концепта «Россия» функционально соотносим с фреймом – структурой, которая при помощи вербальных и невербальных средств создает внеязыковое фоновое «обрамление» сообщения, с помощью которого говорящий навязывает слушающему желаемую интерпретацию, восприятие и оценку посылаемого сообщения относительно денотата, который репрезентирован онимом «Россия».

По вопросу о неосознанном / сознательном применении фреймов и их манипулятивном потенциале в литературе сложились две теоретические позиции. Первая представлена И. Гофманом, который определяет фреймы как структуры, не создаваемые преднамеренно, но спонтанно возникающие и неосознанно применяемые участниками взаимодействия в процессе коммуникации [Гофман 2004]. Такой подход показал свою продуктивность при анализе ситуативных, локальных фреймов общественных групп и движений. Неосознанно возникающие фреймы не должны субстанциализироваться; им нельзя придавать универсальное значение или использовать в качестве критерия для выделения устойчивых черт социальных групп. Их анализ состоит в построении таксономической классификации, заключающейся в выделении тех субфреймов и слотов, через которые они вербализируются. Это позволяет исследователю прояснить общую тематическую картину, которая показывает, с какими событиями и явлениями связывается та или иная реалья (в нашем случае Россия) в сознании конкретной целевой аудитории.

С опорой на личный и социальный опыт и имеющиеся знания люди создают собственную модель восприятия мира, которая наполняется фреймами, которые становятся основой интерпретации, умозаключений и принятия решений. Фреймы в качестве ментальных отпечатков предыдущего опыта и полученных знаний в нашей картине (модели) мира участвуют в процессах восприятия и обработки поступающей информации: артикуляции проблемной ситуации, выборе предпочтительных способов ее разрешения, обосновании моральных суждений. Фактически фреймы организуют наше понимание наблюдаемых событий: фреймируя ситуации, мы задаем тот способ, которым, погружаясь в коммуникацию, воспринимаем социальную реальность, представляем ее себе и окружающим и интерпретируем происходящее вокруг нас.

В свете когнитивного подхода значение имени «Россия» предстает как сложный фрейм, модифицирующийся в каждой проблемной ситуации. Фреймирование задает описание типизированной ситуации (или типизированного объекта), состоящее из слотов –

«ячеек» для хранения информации, релевантной для реалии «Россия». Поскольку значение слота может задаваться именем другого фрейма, из которого полностью или частично заимствуются свойства и характеристики, слотами при фреймировании автообраза России могут быть «Родина», «родная земля», «россиянин», «православие» и др. В этом случае различные фреймы и субфреймы образуют сеть, описывая один и тот же объект с разных углов зрения [Минский 1979, 7–8].

Неосознанно усвоенная схема интерпретации наполняется содержанием, отражающим типовые связи реалии «Россия» с другими, смежными реалиями, на которые проецируются и в связях с которыми проявляются ее свойства, так что практически невозможно отграничить образ России от смежных с ним образов. Фреймирование образа России осуществляется «вокруг» одноименного концепта и включает ряд ассоциатов, в качестве которых выступают самые разные явления. Их выбор зависит от характера дискурса: для публичной и общественно-политической сферы таковыми чаще всего становятся социальные, политические и экономические явления и процессы; для художественного дискурса – природные явления и культурные феномены; для разговорной речи и повседневного языка – психологические переживания и жизненные ситуации. Отсюда следует, что семантика метафорического образа России включает результаты многоаспектного отражения в сознании россиян или иностранцев соответствующей мыслимой (не предметной) реалии.

Макрообраз России соответствует мыслимой реалии «Россия», образующей в совокупности своих связей с такими реалиями как территория, народ, правительство, внутренняя и внешняя политика, экономика, культура, искусство, история, традиция и т.д. своеобразный образный комплекс. В него включается ряд базовых микрообразов (субфреймов): микрообраз России как *государства* (который актуализируется через лексемы «правительство», «политика», «Кремль», «армия», «режим», «судебная система», «права человека», «олигархи», «оппозиция», «народ», «гражданское общество» и т. д.); микрообраз *человека*, находящегося в отношении к России (актуали-

зируется через лексемы «россиянин», «чиновник», «житель», «гражданин», «защитник», «противник», «турист» и др.); микрообразы, отражающие связи России внутри нее и с мировым сообществом («родина», «русский язык», «родная земля», «православие», «вакцина», «Крым», «Украина», «санкции» и т. д.); микрообразы, отражающие науку, культуру и искусство России (лексемы «спутник», «балет», «русская философия», «русская литература и поэзия» и т. п.).

В рамках ассоциативно-семантического поля могут быть конкретизированы самые разные аспекты реалии «Россия»: пространственно-географический, темпоральный, социально-психологический, функционально-деятельностный, утилитарный, причинно-следственный, идеологический и т. д. [Илюхина 2016]. В каждом конкретном случае отдельные лексемы становятся центральными, аккумулируя коммуникативно значимые, доминантные смыслы, которые, однако, могут находиться далеко на периферии от энциклопедической информации о реалии «Россия». В то же время интроспективное психологическое отношение говорящего к стране, его знания о ней становятся значимой информацией и входят в состав лексических значений связанных с Россией лексем, компенсируя недостающую роль наглядно-чувственного компонента, который в силу мыслимого характер реалии «Россия» не может выступать основой образного значения. В результате образ России можно представить как комплексный понятийно-эмпирический конструкт, отражающий реалию «Россия» одновременно в форме энциклопедической информации, зафиксированной в словарном значении имени, и «пучка» психологически реальных ассоциативных связей со «следами» чувственно-наглядного «отпечатка».

Благодаря этому образ России представлен в сознании носителей конкретной страны не столько визуально (в качестве зрительного образа), сколько через психологические впечатления и переживания, описываемые такими «понятиями типовых состояний» как удивление, радость, нежность, привязанность, досада, страх, возмущение, неприятие, а также сквозь призму отношения к ней людей в разных ситуациях и в свете разных оценок – от утилитарных до эстетических.

В последнее десятилетие исследователи, представляющие различные варианты теории фреймов, указывают на ключевую роль фрейминга в формировании политических взглядов и убеждений [Skrynnikova, Astafurova 2020]. Фрейминг становится ключевым понятием в понимании и объяснении того, как медиа-контент оказывает влияние на его получателей [Голубева 2016; Borah 2011; Lecheler, Vreese 2012; Scheufele 1999], а исследователи, применявшие фрейм-анализ для изучения повседневного мира, обосновывают целесообразность его использования также для анализа политической сферы [Вахштайн 2011; Вахштайн 2013].

В публичной политике и международных отношениях фреймирование применяется политическими инстанциями или средствами массовой информации для целенаправленного производства значений с целью организации прошлого опыта и задания образа будущих действий [Яноу, Хульст 2011, 93–94]. Вариант теории фреймов, делающий акцент на сознательном использовании процедур фреймирования в общественно-политическом дискурсе, представлен в работах Д. Шёна и М. Райна [Rein, Schön 1993; Rein, Schön 1996].

Примером применения этого подхода может служить исследование фреймового моделирования образа России во французском медиадискурсе [Абдуллина, Брисар 2019]. Авторы показывают на примере газеты *Mond*, что для медиатекстов, посредством которых французская пресса осуществляет репрезентацию образа России, свойственна идеологическая модальность, так что имеет место «синтез и объективация в сознании индивида языковых и неязыковых знаний о речевой ситуации в виде контекстуальных фреймов, служащих ядром фреймовой структуры высказываний и именуемых также фрейм-сценариями» [Абдуллина, Брисар 2019, 6]. В качестве субфреймов, вербализирующих фрейм (концепт) «Россия», авторами были выделены «русская политика», «Европейский союз», «русское правительство» и «Украина», а исследование контекста, в котором функционируют субфреймы, показало, что Россия в основном рассматривается сквозь призму ее политических шагов [Абдуллина, Брисар 2019, 7]. Тем самым была представлена общая тематическая картина того, с какими

событиями и явлениями связывается гетеро-образ России.

При фреймировании событий одни детали выпячиваются как заметные и важные, тогда как другие выпадают из поля зрения как невидимые или несущественные. После этого отобранные явления и события подвергаются именованию и категоризации (например, «аннексия», «оккупация» в отношении Крыма и Украины), на основе которых производится различие между акторами, действиями, фактами, мнениями, описаниями и предписаниями на свои / чужие, правильные / неправильные, справедливые / несправедливые и т. д. Заключительным шагом является включение фреймированных событий в общий нарратив – повествование, связывающее события при помощи сюжета, который должен выглядеть как то, что «существует на самом деле» и оказывать убеждающее воздействие на аудиторию. Таким образом происходит формирование модели мира, организующей прошлый опыт с характерными для него процедурами смыслообразования и одновременно задающей когнитивные основания, условия и возможности будущих смыслов и действий [Яноу, Хульст 2011, 93, 96]. В качестве источников имен, образов, метафор, убеждений, способов аргументации, в которые в нарративе «упаковывается» ситуация, используются институциональные фреймы (производимые, например, политическими субъектами). Таким образом людям навязываются определенные ожидания, атмосферно влияющие на процесс конструирования смысла и интерпретацию ими будущих событий.

В политическом дискурсе метафора подразумевает некую историю и последовательность событий (нарратив), позволяющие ей служить средством суждения (рассуждения). Большинство политических фреймов метафоричны по своей природе, а используемые метафорические модели для описания политических и социальных вопросов обладают динамичностью и изменчивостью, продиктованной сменой видения и подходов к разрешению важных проблем [Чудинов 2001, 182–209]. Этим объясняется возможность прибегать к разным метафорам для описания одного и того же вопроса, что обеспечивает доступ реципиенту информации к конкурирующим метафорическим фреймам.

Благодаря фреймам манипуляция никогда не является настолько грубой, чтобы навязывать людям конкретные идеи, ответы на вопросы или решения. Фреймы работают иначе, действуют как когнитивные механизмы принятия решений, обеспечивающие определенную степень свободы в выборе сценариев развития ситуации: создают в массовом сознании «рамочный» образ реальности, принуждая соглашаться с общей моделью интерпретации, которой придается деонтический характер. На основе заданной фреймингом модели мира, которую акторы воспринимают как «то, что должно быть», они затем автоматически приписывают явлениям и ситуациям навязываемые этой моделью значения (то есть используют их для интерпретации событий при социальных взаимодействиях) и далее действуют в соответствии с системой приписываемых значений.

Таким образом, у политических акторов нет необходимости навязывать людям, что думать; достаточно навязать им, о чем думать. Поэтому так важен выбор ситуации, которая будет выступать в роли «сигнала» происходящего (с последующим приданием ей смысла через именование и категориальное описание). Соответственно, первым шагом формирования образа России в политических документах и медиатекстах будет формирование повестки дня – освещение определенных тем, в важность которых заставляют поверить аудиторию. «Повестка дня позволяет изменить важность или заметность конкретной темы в представлении аудитории» [Кузнецова web]. Б. Парр добавляет к этому, что, формируя повестку дня в информационном пространстве, нужно запастись набором весомых аргументов, чтобы закрепить новый фрейм в сознании аудитории [Парр 2015, 88–89].

Инерция идей, возникающая в результате фрейминга, действует как «принцип экономии ментальной энергии», препятствующий постоянному изменению субъективных «рамочек» и вектора направления внимания, блокирующий информацию, которая не соответствует имеющимся «рамкам» и убеждениям. Фреймы устойчивы, их трудно менять, поэтому чаще всего используется практика расширения уже имеющихся фреймов с целью при-

способить их для использования в данной целевой аудитории для восприятия новой информации и расстановки нужных акцентов. Как при создании, так и при расширении фрейма необходимо учитывать знания, культурные нормы и традиции аудитории. При этом чем глубже слой знаний, тем сложнее манипулировать восприятием аудитории [Парр 2015, 85].

В случае, когда вовлекаемая в процессы метафоризации образа России информация и создаваемые на ее основе медиатексты предназначены для трансляции в публичном и общественно-политическом дискурсах, целевая аудитория имеет большое значение. Например, в автообразе России за последние 30 лет радикально изменилось соотношение ядерных для концепта «Россия» понятий «общество» и «государство». В 1990-е гг. сегмент «общество» был доминирующим, а государство воспринималось как слабое, находящееся в критическом состоянии и не способное преодолеть центробежные тенденции внутри страны. Образ России ассоциировался с разваленной армией, войной на Кавказе, с угрозой утраты территориальной целостности, с экономической зависимостью. Напротив, с середины 2000-х гг. начинает нарастать значимость сегмента «государство», которое постепенно приобретает доминирующее положение над сегментом «общество». В настоящее время уже закрепились ассоциации образа России преимущественно с государством, институтами власти, политикой. По мере укрепления в России государственной власти и проведения более самостоятельной внешней политики изменился и гетерообраз России: вытесняется из «ядра» концепта релевантная на протяжении XX века информация о деятелях культуры, о культурных и научных достижениях. После 2000 г. главной персоналией, олицетворяющей Россию, становится Путин. Кроме того, на функционирование гетерообраза России в качестве фрейма накладывает отпечаток тот факт, что он формируется в условиях низкого удельного веса новостей из России и о России и избирательного их освещения.

В публичном и общественно-политическом пространстве при формировании образа России основными «фреймирующими машинами» выступают медиаресурсы, опросы и

общественное мнение. Средства массовой информации продуцируют лингвистические фреймы, задающие нормативный способ описания России и служащие схемами по «собираанию» калейдоскопических картинок связанных с Россией мыслительных образов. В опросах фреймирование осуществляется за счет используемого языка и категоризации, заложенной в формулировках вопросов. Во всех случаях использование образных фреймов, значимых для конструирования и закрепления привычного и устойчивого восприятия России, приводит к формированию клише, стереотипов, ярлыков, метафор и генерализаций, которые воспринимаются включенными в коммуникацию людьми как естественные. Стереотипы могут закреплять как положительный, так и отрицательный опыт людей; в обоих случаях они снижают критичность при восприятии и оценке.

Каждому из множества возникающих образов России можно дать концептуальное описание в рамках метафорической модели. При этом метафорические значения образа России часто не связаны со «словарным» (энциклопедическим) толкованием соответствующего имени. Исследователи отмечают, что «актуализированный в языковой метафоре признак, как правило, не фигурирует в толковании исходного значения» [Скляревская 1993, 49], а также указывают на отсутствие семантической связи между дефинициями исходных и метафорических значений слов в их словарных толкованиях [Шмелев 1973, 231].

Несмотря на то, что наиболее развитым типом концепта признается концепт-понятие, образный сегмент концепта «Россия» постоянно развивается. С одной стороны, в этом процессе прослеживается общая тенденция развития концептов, которую З.Д. Попова и И.А. Стернин описывают следующим образом: «Концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением количества закрепленных концептом признаков, с возрастанием уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Вместе с тем тот общеизвестный факт, что любую абстракцию надо объяснять на примере, свидетельствует об

образной природе любого концепта» [Попова, Стернин 2001, 70].

С другой стороны, происходит постоянное расширение образной составляющей концепта «Россия» как за счет личного жизненного опыта, так и за счет объема фоновых знаний, в формировании которых решающую роль играют источники информации, в особенности СМИ. Именно они создают эффект фрейминга, привлекая внимание к определенной идее за счет такого изменения ее формулировки, которое производит желаемое когнитивное искажение. К основным приемам, производящим эффект фрейминга, относятся использование определенных фраз и оборотов, специальной лексики, метафор, примеров, визуальных образов, приемов аргументации (обосновывающих причинно-следственные связи), культурного контекста и т. д. [Кожамкулова 2008, 87].

Обычно основанием переноса значения при метафоризации выступают чувственно-наглядные элементы, поскольку чувственный образ предмета выполняет коммуникативную функцию, участвует в качестве эмпирического макрокомпонента в психологическом освоении и хранении денотата и всегда включается в состав лексического значения имени. Однако рамочный характер фрейма предполагает, что эту роль лучше всего выполняет абстрактный образ, который затем используется для стереотипизации объектов и ситуаций. Образ России как сложный образный фрейм идеально подходит для «сбрасывания» в общественное сознание в качестве «преломляющей» восприятие целевой аудитории призмы желаемых стереотипов о России. Благодаря функционированию образа России в качестве фрейма информация о ней перестает восприниматься критично (или хотя бы нейтрально), перестает опираться на размышления над увиденным, услышанным или пережитым, но сложным образом обрабатывается «рамочными» ментальными (когнитивными) структурами.

Исследования применения метафор в речи политиков указывают на их способность влиять на массовое сознание и побуждать к определенным решениям и действиям [Будаев, Чудинов 2006, 40]. Метафоры выступают как мощное средство фрейминга, они находят отражение в политическом нарративе, посред-

ством которого элиты навязывают свои метафорические фреймы коммуницирующим субъектам как в области национальной политики, так и в обыденной жизни.

Таким образом, метафоризация реалии под именем «Россия» определяется логикой ее вовлеченности в связи с другими реалиями человеческой деятельности. Метафорический образ России является эффективным средством фрейминга: он направляет внимание целевой аудитории и влияет на принятие решений, сохраняя иллюзию самостоятельности последних. По этой причине при формировании автообраза и гетерообраза России политическими субъектами неизбежно будут вестись интерпретативная политика, направленная на конкурентную борьбу за право фреймировать идеи с целью сделать желаемое понимание реалий, связанных с Россией, общепринятым.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ/ЭИСИ, проект № 20-011-31715 «Стратегии конструирования образа России методом образного фрейминга».

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project no. 20-011-31715 “Strategies of constructing the image of Russia through figurative framing”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллина, Брисар 2019 – *Абдуллина Л.Р., Брисар Микаэль Ж.М.* Фреймовое моделирование образа России во французском медиадискурсе // Казанский лингвистический журнал. 2019. Т. 2, № 2. С. 5–20.
- Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
- Будаев, Чудинов 2006 – *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 35–77.
- Вахштайн 2011 – *Вахштайн В.С.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Издательство Европейского Университета, 2011.
- Вахштайн 2013 – *Вахштайн В.С.* Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4. С. 13–44.

- Голубева 2016 – *Голубева Т.М.* Метафора как языковое средство создания и актуализации общественных идеологий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 212–216.
- Гофман 2004 – *Гофман И.* Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Гузенина 2011 – *Гузенина С.В.* Визуальный образ как форма репрезентации // Социальные науки. 2011. № 8 (16). С. 124–127.
- Ежова 2017 – *Ежова Е.А.* Фразаеологизм в зоне понимания: транскультурный информативный текст-код // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 4. С. 38–51.
- Иванова 2016 – *Иванова А.Д.* О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 74–78.
- Илюхина 2016 – *Илюхина Н.А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации: монография. М.: Флинта, 2016.
- Кожамкулова 2008 – *Кожамкулова Ш.* Фрейминговые эффекты в новостях и их воздействие на казахского телезрителя // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 2 (3). С. 82–85.
- Кузнецова web – *Кузнецова А.С.* Фрейминг: барьер или новые возможности для политика // <https://labipt.com/framing-barriers-or-new-opportunities-for-policy>.
- Матяш 2015 – *Матяш Т.П.* Когнитивистика: историко-философский контекст // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 100–111.
- Мизес 2001 – *Мизес Л. фон.* Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции / пер. с англ. проф. А.Г. Грязновой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 295 с.
- Минский 1979 – *Минский М.* Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
- Отин 2004 – *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004.
- Парр 2015 – *Парр Б.* Ловушка для внимания: Как вызвать и удержать интерес к идее, проекту или продукту. пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 275 с.
- Подшибякина 2018 – *Подшибякина Т.А.* Имплицидная когнитивистика в политической науке: методологические возможности исследования идеологии // Политика и Общество. 2018. № 9. С. 76–82.
- Поляков 2015 – *Поляков О.Ю.* Й. Леерссен о репрезентации национальных образов в системе культуры // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 162–168.
- Попова, Стернин 2001 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: [б. и.], 2001.
- Скляревская 1993 – *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка / отв. ред. Д.Н. Шмелев. СПб.: Наука, 1993.
- Стернин 1979 – *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979.
- Стернин 1985 – *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985.
- Тарасов 2006 – *Тарасов Е.Ф.* Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69–73.
- Чудинов 2001 – *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.
- Шмелев 1973 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
- Юрьева 2008 – *Юрьева И.А.* Концепт РОССИЯ как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.
- Яноу, Хульст 2011 – *Яноу Д., Хульст ван М.* Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 87–113.
- Beller, Leerssen (eds.) 2007 – *Beller M., Leerssen J. (eds.).* Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Amsterdam: [s. n.], 2007.
- Borah 2011 – *Borah P.* Conceptual Issues in Framing Theory: A Systematic Examination of a Decade's Literature // Journal of Communication. 2011. Vol. 61, iss. 2. P. 246–263.
- Lecheler, Vrees 2012 – *Lecheler S., de Vreese C.H.* News Framing and Public Opinion // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2012. Vol. 89, iss. 2. P. 185–204.
- Rein, Schön 1993 – *Rein M., Schön D.A.* Reframing Policy Discourse // The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning / Fischer F., Forester J. (eds.). Durham: Duke University Press, 1993. P. 145–166.
- Rein, Schön 1996 – *Rein M., Schön D.A.* Frame-Critical Policy Analysis and Frame-Reflective Policy Practice // Knowledge and Policy. 1996. Vol. 9. № 1. P. 85–104.
- Scheufele 1999 – *Scheufele D.A.* Framing as a Theory of Media Effects // Journal of Communication. 1999. № 49 (1). P. 103–122.

Skrynnikova, Astafurova 2020 – Skrynnikova I.V., Astafurova T.N. Constructing Modern Russian Identity Through Discourse Metaphors // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2020. Vol. 19. №3. P. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.10>.

REFERENCES

- Abdullina L.R., Brisar Mikael' Zh.M., 2019. Frame Modeling of the Image of Russia in the French Media Discourse. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*, vol. 2, no. 2, pp. 5-20.
- Berdyaev N.A., 1990. *The Fate of Russia*. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ.
- Budaev E.V., Chudinov A.P., 2006. Conceptual Metaphor in Political Discourse: American, European, and Russian Research Options. *Politicheskaya lingvistika*, no. 17, pp. 35-77.
- Vahshtajn V.S., 2011. *Sociology of Everyday Life and the Theory of Frames*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo Universiteta.
- Vahshtajn V.S., 2013. Frame Analysis as a Political Theory. *Sociologiya vlasti*, no. 4, pp. 13-44.
- Golubeva T.M., 2016. Metaphor as a Linguistic Means of Creating and Actualizing Social Ideologies. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 2, pp. 212-216.
- Gofman I., 2004. *Frame Analysis. Essay on the Organization of Everyday Experience*. Moscow, Institut sociologii RAN, 2004.
- Guzenina S.V., 2011. Visual Image as a Form of Representation. *Social'nye nauki*, no. 8 (16), pp. 124-127.
- Ezhova E.A., 2017. Phraseology in the Zone of Understanding: Transcultural Informative Text-Code. *Vestnik PNIPU. Problemyazykoznaniiya i pedagogiki*, no. 4, pp. 38-51.
- Ivanova A.D., 2016. On the Conceptual Apparatus of Modern Imagology. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11, pp. 74-78.
- Ilyuhina N.A., 2016. *Metaphorical Image in Semasiological Interpretation: monografiya*. Moscow, Flinta Publ.
- Kozhamkulova Sh., 2008. Framing Effects in the News and Their Impact on the Kazakh TV Viewer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 2 (3), pp. 82-85.
- Kuznecova A.S. *Framing: a Barrier or New Opportunities for a Politician*. URL: <https://labipt.com/framing-barriers-or-new-opportunities-for-policy>.
- Matyash T.P., 2015. Cognitive Science: Historical and Philosophical Context. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, no. 2, pp. 100-111.
- Mizes L. fon, 2001. *Theory and History. Interpretation of Socio-Economic Evolution*. Moscow, YUNITI-DANA Publ.
- Minskij M., 1979. *Knowledge Representation Frames*. Moscow, Energiya Publ.
- Otin E.S., 2004. *Dictionary of Connotative Proper Names*. Donetsk, Yugo-Vostok, Ltd.
- Parr B., 2015. *The Attention Trap: How to Generate and Retain Interest in an Idea, Project, or Product*. Moscow, Al'pina Publisher Publ.
- Podshibyakina T.A., 2018. Implicit Cognitive Science in Political Science: Methodological Possibilities of Ideology Research. *Politika i Obshchestvo*, no. 9, pp. 76-82.
- Polyakov O.Yu., 2015. J. Leerssen on the Representation of National Images in the Cultural System. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 162-168.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 2001. *Essays on Cognitive Linguistics*. Voronezh.
- Sklyarevskaya G.N., 1993. Metaphor in the Language System. Saint Peterburg, Nauka Publ.
- Sternin I.A., 1979. *Problems of Analyzing the Structure of the Word Meaning*. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta.
- Sternin I.A., 1985. *Lexical Meaning of a Word in Speech*. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta.
- Tarasov E.F., 2006. The Image of Russia: Research Methodology. *Voprosy psiholingvistiki*, no. 4, pp. 69-73.
- Chudinov A.P., 2001. *Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000): Monografiya*. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t.
- Shmelev D.N., 1973. *The Problems of Semantic Analysis of the Vocabulary: (Based on the Material of the Russian Language)*. Moscow, Nauka Publ.
- Yur'eva I.A., 2008. *The Concept of RUSSIA as a Fragment of the Russian National Picture of the World of the Period of the 20th - Beginning of the 21st centuries. Cand. filol. sci. abs. diss.*
- Yanou D., Hul'st van M., 2011. Political Frames from Frame Analysis to the Analysis of Preimenovana. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 10, no. 1-2, pp. 87-113.
- Beller M., Leerssen J. (eds.), 2007. *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey*. Amsterdam.
- Borah P., 2011. Conceptual Issues in Framing Theory: A Systematic Examination of a Decade's Literature. *Journal of Communication*, vol. 61, iss. 2, pp. 246-263.
- Lecheler S., de Vreese C.H., 2012. News Framing and Public Opinion. *Journalism & Mass*

- Communication Quarterly*, vol. 89, iss. 2, pp. 185-204.
- Rein M., Schön D.A., 1993. *Reframing Policy Discourse. The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*. Fischer F., Forester J. (eds.). Durham, Duke University Press.
- Rein M., Schön D.A., 1996. Frame-Critical Policy Analysis and Frame-Reflective Policy Practice. *Knowledge and Policy*, vol. 9, no. 1, pp. 85-104.
- Scheufele D.A., 1999. *Framing as a Theory of Media Effects*. *Journal of Communication*, no. 49 (1), pp. 103-122.
- Skrynnikova I.V., Astafurova T.N., 2020. Constructing Modern Russian Identity Through Discourse Metaphors. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, vol. 19, no. 3, pp. 107-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.10>.

Information About the Author

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Информация об авторе

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.6>

UDC 303.09

LBC 60.561.3

CONSTRUCTING THE IMAGE OF RUSSIA THROUGH METAPHORICAL FRAMING¹

Inna V. Skrynnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper reveals the key role of metaphor as a discursive pragmatic mechanism for promoting a positive image of Russia and substantiates the effectiveness of metaphorical framing as a method of constructing the country's image, which is still controversial. The author has demonstrated the explanatory and manipulative effect of metaphorical framing in political and mass media communication. The study postulates that in framing of political events, the figurative language has both linguistic and conceptual content, and the metaphorical frame is a powerful tool for the formation of beliefs and ideologies. The author points out to the need to expand the metaphorical repertoire applied to construct the image of Russia, and possible ways to activate alternative interpretations of current socio-political events. Possible directions of metaphorical reframing of the country's image are outlined by fixing complex figurative frames in the minds of target audience and their impact on it. These may consist in rejecting the excessively militarized discourse around the country and focusing on its cultural heritage, academic achievements, willingness of and openness to enhanced international interaction. The paper concludes that the discursive construction of the affirmative Russian image within and outside the country can be achieved through employing a positively charged metaphorical national narrative, reframed to draw particular attention to the merits and gains of Russia.

Key words: image of Russia, national identity, conceptual metaphor, figurative (re)framing, narrative, speech impact, beliefs, ideology.

Citation. Skrynnikova I.V. Constructing the Image of Russia Through Metaphorical Framing. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 49-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.6>

УДК 303.09

ББК 60.561.3

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ МЕТОДОМ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ФРЕЙМИНГА¹

Инна Валериевна Скрынникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье выявлена ключевая роль метафоры как дискурсивного прагматического механизма продвижения положительного образа России и обосновывается эффективность метафорического фрейминга как метода конструирования имиджа страны, который до сих пор остается спорным. Автор продемонстрировал экспланаторный и манипулятивный эффект метафорического фрейминга в политической и массовой коммуникации. Постулируется, что во фрейминге политических событий образный язык обладает как языковым, так и концептуальным содержанием, а метафорический фрейм является мощным инструментом формирования убеждений и идеологий. Автор указывает на необходимость расширения метафорического репертуара, применяемого для конструирования России, и возможные способы активации альтернативных трактовок существующих общественно-политических событий. Намечены возможные направления метафорического рефрейминга образа страны путем закрепления сложных образных фреймов в сознании различной целевой аудитории и их воздействия на нее. Перспективным является отказ от излишне милитаризованного дискурса вокруг страны и акцентирование внимания на культурном наследии, научных достижениях, открытости и готовности к укреплению ее международного взаимодействия. В статье делается вывод, что дискурсивное конструирование позитивного образа России в стране и за ее пределами может быть

достигнуть путем эффективного рефрейминга национального метафорического нарратива с целью привлечения внимания к заслугам России и усилению ее позиций.

Ключевые слова: образ России, национальная идентичность, концептуальная метафора, образный (ре)фрейминг, нарратив, речевое воздействие, убеждения, идеология.

Цитирование. Скрынникова И. В. Конструирование образа России методом метафорического фрейминга // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 49–57. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.6>

Introduction

The critical role of representations and images in the modern communicative space is hardly disputable across various research paradigms. They are employed to construct public and political discourses and assist in fixing and implementing the ideas of social and political institutions as well as in forming the systems of social beliefs through manipulating public consciousness. Despite Russia's recent endeavours to renew and positively reframe both the domestic and international discourse around the country, its image in the public and political space remains controversial and is still shaped by negative stereotypes. The Russian society has repeatedly demonstrated its considerable demand for constructing a positive image of Russia. It is expected not only to retain the conceptual unity but also possess a high adaptability potential along with its capability of "being set" for a particular target audience. Constructing a favourable image of Russia is also critical for reputational, marketing and image-building purposes forming the resistance of public and political discourse subjects to the stereotypes of Cold War, bloc mentality destructively affecting interstate, institutional and interpersonal trust. It would also recruit supporters of interethnic dialogue and cooperation in order to strengthen international solidarity.

Being one of the fundamental concepts of modern political science, the modern image of Russia and Russian national identity have been extensively studied in philosophy, sociology, social psychology, cultural and communication studies, political and cognitive linguistics, psycholinguistics and related fields. The studies in these fields seem to agree on the powerful potential of figurative language, and metaphor in particular, for the formulation of national ideology and activation of positive emotional states of society, which "feed" the feeling of patriotism within the country and encourage deference from foreign countries.

Despite the fact that studies into various aspects of the conceptual metaphor convincingly attest the crucial role of framing in the formation of socio-political views and beliefs, current research still lacks evidence of the efficiency of metaphorical framing as applied to constructing the positive image of Russia focusing on various target audiences and characterized by a certain degree of ideological profuseness. This study is an attempt to close this gap by determining the potential of figurative framing to form public opinion, ideologemes and beliefs in various value systems in regard to the image of Russia in domestic Russian and international public discourse. Methodologically, the paper integrates the theory of framing, the conceptual metaphor theory (CMT) and critical discourse analysis, and postulates the critical role of metaphor as a special type of framing – figurative framing – in the formation of beliefs and judgments about the image of modern Russia. This approach, in our opinion, proposes a new look at the structure of the frame and can be complementary to the theory of framing in general.

Persuasive power of metaphor

It was as early as antiquity when the strong persuasive power of figurative language means, and specifically metaphor, was first discovered. Early classical treatises treated figurative language as a rhetoric "decoration" which added more liveliness and emotional appeal to texts or speeches. From this viewpoint, it stood out as a considerable deviation from the standard language, which normally lacked any imagery. Metaphor, therefore, was a mere stylistic device and, consequently, did not implicate any conceptual content. Modern communication theory, on the contrary, emphasizes that metaphorical expressions frequently serve as a "condensing symbol" [Gamson, Modigliani 1989, 3]. This implies that they are able to concisely but vividly communicate a stance of

certain politicians or interest groups. Accordingly, metaphor, from this perspective, serves as a framing tool functioning at the language level and referring to the possible ways something can be said rather than to what is said [Burgers, Konijn, Steen 2016]. A large body of foreign political science research has increasingly argued in favour of the ability of metaphor to function as a means which enhances formulating of ideologies by evoking people's emotions [Kitis, Milapides 1997; Lee 2005]. A similar line of research proposes that the degrees to which people from different cultural backgrounds exchange cultural knowledge and ideologies differ considerably [Charteris-Black, Musolff 2003; Charteris-Black 2004; Littlemore 2003; Trompenaars et al. 1993].

Applying certain patterns of metaphorizing socio-political processes can serve as a powerful technique of affecting public opinion. Such patterns may "prompt" the recipient of information which properties of the object they should focus on in order to be able to make sense of more complex abstract phenomena (target domain) in terms of more familiar and concrete (source domain) ones. Deliberate metaphorization inevitably contributes to the emergence and consolidation of particular stereotypes both within and outside a country and communicates a dominant ideology. The recent empirical evidence suggests the ability of metaphors to create the so-called metaphorical memes or "cultural constructs-replicators, transmitted from individual to individual through imitation" [Golubeva 2016].

From the standpoint of cognitive science and linguistics, a metaphor is a cross-domain mapping from a source to a target domain, the mechanism of which was first described in the 1980s by G. Lakoff and M. Johnson in their conceptual metaphor theory (CMT) [Lakoff, Johnson 2003]. Subsequently, the embodied nature of human language postulated by CMT became the basis for the neural theory of language and metaphor, which considers metaphor as a special type of neural connection [Feldman 2008]. Psycholinguistic studies have found that, for a cross-domain mapping from one domain to another to be possible, the source and the target domains are expected to be conceptually distant from each other, which enables to qualify as a

metaphor. Therefore, to ensure that a metaphor is relevant and understandable to a target recipient, cross-domain similarity should be reduced to a minimum. The opposite is true about the intra-domain similarity of both domains which should be as strong as possible [Gibbs (ed.) 2008]. It is only through meeting of these requirements that the "success" of metaphor as a framing tool can be ensured. The results obtained in previous research suggest that metaphor can be a powerful tool for affecting the audience [Sopory, Dillard 2002] which repeatedly counts in favour of power of metaphorical persuasion in political and public communication.

Overview of framing research

Over the past decade, scholars from various research fields have pointed to the pivotal role of framing in shaping stereotypes, political attitudes and beliefs. Framing has long become a key concept in understanding how media content affects its recipients [Golubeva 2016; Borah 2011; Lecheler, de Vreese 2012; Scheufele 1999]. The most common definitions of framing include the following:

- a denotative and semantic structure of a typical social situation, social subject or artifact [Minsky 1974, 31];
- a set of organizing principles shared by members of society [Reese et al. (eds.) 2001, 11];
- an explanatory scheme that simplifies and concisely expresses the external world through selective emphasis and coding of elements such as an object and a subject [Benford, Snow 2000];
- a specific set of interpretation schemes that serve to detect and understand information, as well as identify and categorize events and information [Goffman 1974, 584];
- the media's selection of certain aspects of an issue in order to raise their rank to highlight a particular cause of a phenomenon [Iyengar 1991, 11];
- sorting, exaggerating or diminishing the elements of the depicted reality to increase or decrease their "bulge" against the general information background [Entman 1991, 9];
- strategy for constructing and processing news discourse [Pan, Kosicki 1993, 57];
- creating a certain scheme for coding reality [Chong, Druckman 2007, 10].

In cognitive linguistics line of research, a frame is mainly understood either as a knowledge structure or a knowledge representation structure. Accordingly, a frame is defined either as “a structured fragment of knowledge of the world in some of its parts, formed in consciousness around some entity as a generalized idea of the sphere of its existence” [Nikitin 2004, 53], or as “a cognitive model that transfers knowledge and opinions about a certain, often recurring situation” [Boldyrev 2004, 18].

In studies of the effects of metaphorical framing on the formation of stereotypes and political beliefs, two approaches can be distinguished: critical discourse analysis (CDA) and elicited reactions analysis (ERA). The former one, aimed at determining the effects of metaphorical framing, analyzes real world changes as a result of such framing and the use of certain systematic language models [Charteris-Black, Mussolf 2003]. Thus, researchers do not create any predetermined situation, but attend mainly to the relations between naturally occurring discourse and the phenomena (events) of real life. Proponents of the second approach [Hartman 2012; Robins, Mayer 2000] examine the implications of metaphorical framing of political issues by exposing participants to specific language stimuli. In their opinion, one should focus on the ways of processing metaphors and their effects on the recipients, while controlling other factors. In doing so, it is important to show the causal effects of metaphorical framing. Proponents of these approaches are extremely critical of each other’s research procedures and methods, questioning the validity and reliability of the results obtained [Boeynaems et al. 2017].

Framing as a technology of media manipulation

By manipulating the framework of text perception, journalists nowadays have gained the opportunity to considerably alter the semantic boundaries of a message, changing the options for its interpretation depending on a developing context. This is how the framing effect appears in the media, which is increasingly applied to enhance the impact on the audience in order to form a general public opinion. The concept of a frame is referred to by numerous scholars (G. Bateson, M. Minsky, J. Bruner, I. Hoffman)

and is generally associated with a certain perception of reality and creating an orderly, consistent image of what is accepted and learned. As a rule, an audience is not aware of the frame, but any attempt of identifying and explaining it results in distortion of perception and activities. Just as our personal narratives give rise to individual words and phrases in our speech, so do frames in defining our reality on the perceptual, emotional and cognitive levels. This, in its turn, contributes to more simplified (but not necessarily adequate) understanding of a situation and developing your own attitude towards it for subsequent actions. Similarly, the media act at the level of stereotypes, collecting numerous fragments of empirical reality and constructing a consistent image of an event that meets the views of mass media actors and audience’s demands.

Being affected by a piece of information presented from a particular perspective, the audience acquires a certain image, with a preference given in favor of one or another solution. The way of presenting information is referred to as framing since it foregrounds some positive aspects of an event by overshadowing negative ones. The type of framing the media resorts to has a critical impact on people’s judgments and beliefs, and, therefore, is a powerful factor affecting their behaviors. It is exactly in this way that framing is applied in news media coverage, political speeches, propaganda and advertising. Meanwhile, some researchers note that “when people are exposed to many conflicting (contested) frames, the framing effect is neutralized, and people think and act in accordance with their own beliefs ” [Lidwell, Holden, Butler 2003, 108-109].

N. Ponomarev significantly expands the concept of framing and treats it not as a separate type of manipulative technology, but as a strategic tool for constructing communication in various spheres of social life. Depending on the object and purpose, he identifies five types of framing:

- interactive framing – constructing certain models of a situation by its participants for better understanding and coordinating actions;
- motivational framing – encouraging group members by their leaders to take concerted collective actions through coordinating their values and goals;
- problem framing – detecting, assessing, explaining the reasons, forecasting the

consequences and prescribing actions that an actor takes in relation to a specific issue in question;

– media framing – constructing and promoting advocating stories into the media sphere aimed at affecting the composition and quality of problem issues, as well as media content in general;

– news framing – journalists' creating and applying of media frames which have been clearly established ideas about the pressing disputable issues [Ponomarev 2013, 17].

The classification above gives rise to five corresponding types of techniques applied in various combinations in media: metaphorization (metaphoric framing), visualization (visual rhetoric), schematization (scenario framing), narrativation (narrative framing), recreation (fictional framing) [Sarna 2020, 230]. When used in combinations, these techniques appear to be strikingly effective in affecting people's views of disputable societal issues. For instance, framing and story-telling are closely interrelated, as the former is one of the tools for narrativation, understood as an interpretation of social phenomena in the format of a story. Thus, the power of framing is dependent both on the cohesion (unambiguity of a plot) and validity (meeting audience's values). The latter is helpful in detecting and matching various frames when creating stories related to a particular social phenomenon.

The current paper argues that, given the multimodal nature of metaphor, its image-schematic organization and pervasiveness of metaphorical reasoning across various types of discourse, figurative (metaphoric) framing comprises all the aforementioned types of framing. When used in clusters, metaphors that co-occur in the public and media discourse give rise to a holistic extended metaphorical narrative foregrounding a particular view of the Russian identity. This approach substantiates the idea that one of the functions of metaphor in discourse is to legitimize policies "through providing access to the system of underlying social and cultural values" [Skrynnikova, Astafurova 2020].

Metaphorical framing as a tool of constructing the image of Russia

An established positive image is one of the constants that determine the content of socio-

cultural communication in modern Russia. Being conditioned by worldview pluralism, forms of image representation in different ideological political and historical contexts acquire new cultural implications in society. However, they still encounter serious challenges and contradictions, primarily due to the discrepancy between the positive statements of the country and the objective reality. The positive image of Russia as a communicative and cognitive processual phenomenon is conveyed through thematically expressed semiotic forms in the unity of their linguistic, mental and subject aspects.

Constructing a country's positive image primarily means affecting the perception and emotional states of different target audiences and, therefore, performs the cognitive, evaluative and informative-communicative functions. The former function of the positive image of Russia appears to be one of the relevant ones for the current research due to the fact that language and a myriad of linguistic means form, express, disseminate, support and express the content of the culture. This function involves not only forming and disseminating certain knowledge in a certain cultural space, but rather ensuring conditions for the emergence of this knowledge.

A positive image of Russia is being actively promoted in modern mass media culture (TV, popular journalism, political and travel blogs) through verbal and visual means and ready-made discursive formulas. The main "units" of the national patriotic mobilization discourse are *Russia, Motherland, Fatherland, people, nation, patriotism, unity, enemy, terrorism, war, defense, army, heroism, and victory*. Intensive exchange or reconfiguration of the language, familiar to a layman and reducible to simplified and understandable clichés supports active generating of new forms. This is where metaphorical frames are employed to interpret abstract and otherwise ambiguous or contested concepts related to the country.

The public and media discourse about modern Russia aimed at patriotization of the Russian youth, as our literature review suggests [Ryabov, Ryabova 2016; Martynova 2011; Koteyko, Ryazanova-Clarke 2009; Budaev, Chudinov 2006; Charteris-Black 2005; Wodak, De Cillia, Reisigl 1999; Bourmeyster 1998; Neumann 1998] relies mainly on the building /

construction, mother and bear as well as journey / path metaphors. The first two are commonly found in the public speeches delivered by President Putin and party leaders. They are effective in framing and provide some evaluation of contested topics [Musolff 2004] along with legitimizing political initiatives.

The *path metaphor*, continually resorted to since the Soviet era, combines with the building metaphor and transforms to frame the discourse of *perestroika* dominated by the journey / road and construction / building metaphors. The use of the *path* metaphor in the post-*perestroika* era was clearly pervasive reflecting the pressing need for elaborating a common political language and an ideology aimed at replacing the Communist views. In more recent years, this search for a unique path has been initiated by President Vladimir Putin through applying discursive mechanisms of constructing a patriotism-based Russian national identity communicated with path and building metaphors.

Employing the maternal image of Russia is exercised through both linguistic and visual metaphoric representations of Russianness. It is worth mentioning that the mother metaphor has been strikingly powerful both within the country and abroad, although with an ironical colouring the Western media demonstrates. Referring to Russia as Mother is, on the one hand, pervasive in constructing the Russian national identity, and, on the other hand, emphasizes how different Russia is from alien and frequently hostile “others”. The idea of Russian opposition to the West has been heavily exploited throughout centuries, which could hardly serve to the advantage of Russia in terms improving its international image.

The Russia is a Bear metaphor pervades the discourse of stereotyping about Russia and its people. From the Western perspective, a bear metaphor marks a symbolic border with Russia emphasizing its non-European essence and values, aggressive character and awkwardness. The foreign view of the Russian bear in international relations cannot but evoke negative evaluations of the bear, of the ongoing clashes between Russia and the West. Resorting to the bear metaphor within the country emphasizes the dissimilarity of Russia in its opposition to the rest of the world. The bear symbolizes the master of “the Russian

forest” prompting the idea of responsibility for both the country borders and foreign and domestic policy. The bear metaphor in foreign mass media is increasingly found in semiotic systems different from language (visual, gestural, etc.) [Wodak, De Cillia, Reisigl 1999, 153] (e.g. caricatures and demotivators). It is pervasively referred to not only by journalists, but also expert communities and politicians, i.e. those who are in charge of foreign policy decisions.

Foreign policy rhetoric and national identity discourse is ripe with the bear metaphor which suggests its high salience and value and results in corresponding inferences about the country and its citizens.

Clusters of multimodal metaphors forming the extended metaphorical narrative of Russia are effective tools of communicating and promoting a positive view of the country which is to an advantage of certain political actors. In this respect, metaphorical framing the country and its policies in a particular way meets the needs arising in an ever changing social and political climate [Skrynnikova, Astafurova, Sytina 2017]. Therefore, the critical role of metaphor framing at the level of conceptual processing mechanisms and meaning making is hardly disputable. Figurative framing and metaphor are now seen as part and parcel of constructing and communicating a positive view of the country.

Conclusion

The presented research seems to provide some evidence in favor of applying figurative framing as a promising method of constructing a positive image of Russia. Selecting the “right” frames by public actors and mass media may result in the improved view of Russia and its priorities, contribute to identifying some vision, causes, assessment and solutions to significant social and political problems. In other words, researchers studying framing should be more careful and selective in terms of focusing on particular frames, the relevance and implications of applying them for improving the country’s image. Such an approach should be exercised not only in the political arena but also in terms of attracting foreign capital and tourists and raising patriotic feelings among the Russian youth. The decision to resort to a particular frame depends

on a covered topic (a type of problem), an ideology of a public actor, as well as on the characteristics / properties foregrounded by reputable sources and the media.

The value of the proposed method for improving the image of Russia lies in the fact that figurative frames can provide a target audience with a special perspective on the problem in question, pushing them to choose a “right” solution to the problem which serves to an advantage of socio-political actors. This suggests that such frames can be commonly employed to an audience with low awareness of a particular issue. Therefore, we believe that, in view of their explanatory power, figurative frames pervade the discussions of relatively new topics to a greater extent (for example, changes to the Internet regulatory policy such as net neutrality, COVID vaccination passports, etc.) than the ones formerly known to the recipient. Moreover, abstract and intricate topics, incomprehensible to grass roots, call for the use of metaphorical frames more regularly than concrete, traditional political topics to facilitate their understanding.

Metaphorical frames in social and political communication can be used to displace competing frames and activate the existing ones, as well as to reframe political and social events that have become unpopular among the citizens. An illustrative example in this regard is the statement of the former Russian Minister of Education Olga Vasilyeva on the need to abandon the interpretation of the for-profit education in Russia as educational services. This understanding is based on the metaphor EDUCATION is A SERVICE, which inevitably entails an appropriate distribution of the participants’ roles in the educational process. Within the framework of this model, students are customers (clients), while lecturers and professors are maintenance staff who provides the service. Since the customer is always right, the service should be provided (a test or an exam passed) regardless of whether the customer of the service (student) fulfilled the obligations to its performer (lecturer) in the form of covered material on the subject and a certain number of tasks. This approach not only results in a devaluation of the teaching profession, decreased motivation in students, but generally negatively affects the quality of education and the proficiency of current students. As a result, the demand for such specialists in the labor market and

the competitiveness of Russian education in the international arena slump.

Figurative framing is specifically effective in the context of debates on controversial and contested issues. In such a debate, both opponents seeking to challenge existing frames and proponents who advocate preserving them activate competing metaphorical frames leading the audience to make the inherent inferences. Conversations can also apply opponents’ frames to their disadvantage without activating the competing ones. Such tactics has greatly assisted the US President Donald Trump in his election campaign and resulted in his winning the campaign.

The next key point in figurative framing is the “styling” of the frame. This process lies in the fact whether the generated frames are passed on to and activated in the audience, and if so, when and what implications it may have on the audience. The salience of a frame is considered high if the audience applies it while reasoning about the target concept. The use of figurative frames, in our opinion, can significantly increase their salience against other frames in the context of discussing a particular problem. We assume that they are more memorable compared to literal frames due to their ability to make sense about a complex topic, thus, raising awareness of an issue or introducing a creative way of thinking about a topic.

The major finding of the study is revealing the ways in which figurative framing and discourse metaphors can be applicable to improving the image of Russia. The power of metaphor as a framing tool is high due to its possessing both linguistic and conceptual content. The poor repertoire of metaphoric frames currently applied in the public and media discourse suggests that a positive image of Russia can be attained through expanding the range of metaphorical frames and selecting the ones which would contribute to its greater global recognition and reputation. One of the possible directions for reframing the Russian stance could be rejecting the excessively militarized discourse around the country and focusing on its cultural heritage, academic achievements and openness to enhanced international interaction. Employing positively charged metaphorical national narrative, reframed to draw particular attention to the merits and gains

of Russia enables to significantly increase its transformative and manipulative effect in the discursive construction of the Russian image within and outside the country.

The findings of the study may be applied as recommendations and guidelines for further research into framing effects and critical metaphor discourse, political science and media studies as well as for training professionals in the related fields.

NOTE

¹ The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-011-31715 “Strategies of constructing the image of Russia through figurative framing”.

REFERENCES

- Boldyrev N.N., 2004. Conceptual Space of Cognitive Linguistics. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 1, pp. 18-36.
- Budaev E.V., Chudinov A.P., 2006. *Metaphor in Political Interdiscourse. Monograph.* Yekaterinburg, Ural state pedagogical university.
- Golubeva T.M., 2016. Metaphor as a Language Means of Creating and Actualizing Public Ideologies. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, Philology*, vol. 2, no. 2, pp. 212-216.
- Lidwell W., Holden K., Butler J., 2003. *Universal Principles of Design.* Saint Peterburg, Piter Publ.
- Martynova Yu.A., 2011. Metaphorical Basis of Modern Russian Patriotic Discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya*, vol. 11, no. 1, pp. 293-297.
- Nikitin M.V., 2004. Detailed Theses About Concepts. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 1. pp. 53-64.
- Ponomarev N.F., 2013. Media Framing as a Key Discursive Strategy. *Vlast'*, no. 9, pp. 93-97.
- Ryabov O.V., Ryabova, T.B., 2016. The Symbol of the Motherland as a Resource for the Formation of Russian Civil Identity. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, vol. 17, no. 2, pp. 99-114.
- Sarna A.Ya., 2020. Technologies of Affecting the Audience in the Modern Media Space. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociology*, vol. 13 (2), pp. 218-235. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.207>.
- Benford R.D., Snow D.A., 2000. Frame Processes and Social Movements: an Overview and Assessment. *Annual Review of Sociology*, vol. 26, pp. 611-639.
- Bourmeyster A., 1998. The Restructuring of Soviet Political Discourse. *Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991.* Chilton P., Ilyin M., Mey J. (eds.). Amsterdam, John Benjamin’s Publishing Company, pp. 69-87.
- Boeynaems A., Burgers C.F., Konijn E.A., Steen G.J., 2017. *The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review. Metaphor and Symbol*, no. 32 (2), pp. 118-134.
- Borah P., 2011. Conceptual Issues in Framing Theory: A Systematic Examination of a Decade’s Literature. *Journal of Communication*, vol. 61, iss. 2, pp. 246-263.
- Burgers C.F., Konijn E.A., Steen G. J., 2016. Figurative Framing: Shaping Public Discourse Through Metaphor, Hyperbole, and Irony. *Communication Theory*, vol. 26, iss. 4, pp. 410-430.
- Charteris-Black J., 2005. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor.* Basingstoke, New York, Palgrave-MacMillan.
- Charteris-Black J., 2004. Critical Analysis of Metaphors. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis.* London, Palgrave Macmillan.
- Charteris-Black J., Musolff A., 2003. ‘Battered Hero’ or ‘Innocent Victim’? A Comparative Study of Metaphors for Euro Trading in British and German Financial Reporting. *English for Specific Purposes*, no. 22 (2), pp. 153-176. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(02\)00012-1](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(02)00012-1).
- Chong D., Druckman J.N., 2007. A Theory of Framing and Opinion Formation in Competitive Elite Environments. *Journal of Communication*, no. 1, pp. 99-118.
- Entman R.M., 1991. Framing U.S. Coverage of International News: Contrasts in Narratives of the KAL and Iran Air Incidents. *Journal of Communication*, no. 41 (4), pp. 6-27.
- Feldman J.A., 2008. *From Molecule to Metaphor: A Neural Theory of Language.* Cambridge, MIT Press.
- Gamson W.A., Modigliani A., 1989. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach. *American Journal of Sociology*, no. 95 (1), pp. 1-37. DOI: <https://doi.org/10.1086/229213>.
- Gibbs R.W.Jr. (ed.), 2008. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought.* Cambridge, Cambridge University Press.
- Goffman E., 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience.* Cambridge, Harvard University Press.
- Hartman T.K., 2012. Toll Booths on the Information Superhighway? Policy Metaphors in the Case of Net Neutrality. *Political Communication*, no. 29 (3), pp. 278-298. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2012.694983>.

- Iyengar S., 1991. *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues*. Chicago, University of Chicago Press.
- Kitis E., Milapides M., 1997. Read it and Believe it: How Metaphor Constructs Ideology in News Discourse. A Case Study. *Journal of Pragmatics*, no. 28 (5), pp. 557-590.
- Koteyko N., Ryazanova-Clarke L., 2009. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? *Slavonica*, vol. 15, p. 112-127.
- Lakoff G., Johnson M., 1980/2003. *Metaphors We Live by*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Lecheler S., de Vreese C.H., 2012. News Framing and Public Opinion. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, vol. 89, iss. 2, pp. 185-204.
- Lee D.A., 2005. The Perfect Nurturer: A Model to Develop a Compassionate Mind Within the Context of Cognitive Therapy. P. Gilbert (ed.). *Compassion: Conceptualizations, Research and Use in Psychotherapy*. London, Routledge, pp. 326-351.
- Littlemore J., 2003. The Effect of Cultural Background on Metaphor Interpretation. *Metaphor and symbol*, no. 18 (4), pp. 273-288.
- Minsky M., 1974. *A Framework for Representing Knowledge*. Cambridge.
- Musolff A., 2004. *Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates About Europe*. London, Palgrave Macmillan.
- Neumann I.B., 1998. Constructing Europe: Russia as Europe's Other. Hedetoft U. (ed.). *Political Symbols, Symbolic Politics: European Identities in Transformation*. Aldershot; Brookfield, Ashgate.
- Pan Z.D., Kosicki G.M., 1993. Framing Analysis: An Approach to News Discourse. *Political Communication*, no. (10), pp. 55-75.
- Reese S.D. et al. (eds.), 2001. *Framing Public Life: Perspectives on Media and Our Understanding of the Social World*. Mahwah, Lawrence Erlbaum Associates.
- Robins S., Mayer R.E., 2000. The Metaphor Framing Effect: Metaphorical Reasoning About Text-Based Dilemmas. *Discourse Processes*, no. 30 (1), pp. 57-86. DOI: https://doi.org/10.1207/S15326950dp3001_03.
- Scheufele D.A., 1999. Framing as a Theory of Media Effects. *Journal of Communication*, no. 49 (1), pp. 103-122. DOI: <https://doi.org/10.1093/joc/49.1.103>.
- Skrynnikova I.V., Astafurova T.N., 2020. Constructing Modern Russian Identity Through Discourse Metaphors. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, vol. 19, no. 3, pp. 107-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.10>.
- Skrynnikova I.V., Astafurova T.N., Sytina N.A., 2017. Power of Metaphor: Cultural Narratives in Political Persuasion. *Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (Atlantic Press)*, pp. 285-290.
- Sopory P., Dillard, J.P., 2002. The Persuasive Effects of Metaphor: A Meta-Analysis. *Human Communication Research*, no. 28 (3), pp. 382-419.
- Trompenaars A., Hampden-Turner Ch., 1993. *The Seven Cultures of Capitalism: Value Systems for Creating wealth in the United States, Japan, Germany, France, Britain, Sweden, and the Netherlands*. New York, Doubleday Business. 405 p.
- Wodak R., De Cillia R., Reisigl M., 1999. The Discursive Construction of National Identity. *Discourse and Society*, vol. 10, no. 2, pp. 149-173.

Information About the Author

Inna V. Skrynnikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Germanic and Romance Philology Department, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

Информация об авторах

Инна Валериевна Скрынникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.7>

UDC 1:7:001.91

LBC 87.822.222

FORMING A CULTURE-CENTRIC IMAGE OF RUSSIA THROUGH METAPHORICAL FRAMING¹

Tatyana S. Gorina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the opportunities of applying metaphorical framing in constructing a culture-centric image of Russia. Methodologically it relies on the conceptual metaphor theory elaborated by G. Lakoff and M. Johnson, according to which metaphor is a fundamental cognitive mechanism and enables us to understand and structure a more complex abstract target domain in terms of a more concrete familiar and embodied source domain. Metaphors perform a function of a framing tool: they establish frames and boundaries of human understanding of the world around; focus our attention on a posed problem; affect a recipient's attitude to phenomena, personalities, events foregrounding some the features of a target domain while overshadowing others. In this connection, by applying metaphorical framing one can single out certain aspects of the Russian reality making them salient, either appealing or repulsive, components of the Russian image. Metaphorical frames also enable to disguise some aspects of reality, thus constructing positive or negative attitudes to the country. The study emphasizes that, although the image of Russia within and outside the country is commonly constructed by referring to its political position, economic climate, its negative aspects do not seem to affect the attitudes to the Russian culture, and its development is seen as a process unfolding contrary to the current situation. The cultural component in the image of Russia is currently expressed vaguely, yet some research findings show a high potential for its application in constructing a positive image of Russia, including through metaphorical framing. Promoting a culture-centric image of Russia is possible through employing a range of metaphors such as Russia is a Spring, Russia is a Family and Russia is a Book. The paper concludes that metaphors tuned to the Russian culture will contribute to a change in the deeply rooted negative stereotypes about Russia, to constructing a modern, stable positive image of Russia comprehensible both within and outside the country. Metaphors are capable of stressing the country's openness to interacting with other peoples, its willingness and interest in cooperating with them.

Key words: metaphor, image of Russia, framing, culture, constructing the image of Russia.

Citation. Gorina T.S. Forming a Culture-Centric Image of Russia Through Metaphorical Framing. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 58-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.7>

УДК 1:7:001.91

ББК 87.822.222

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУР-ЦЕНТРИЧНОГО ОБРАЗА РОССИИ МЕТОДОМ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ФРЕЙМИНГА¹

Татьяна Сергеевна Горина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы возможности применения метафорического фрейминга при конструировании культур-центричного образа России. В качестве методологической основы использован подход создателей теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которому метафора является фундаментальным механизмом мышления и позволяет понять, структурировать более сложную абстрактную сферу-мишень в терминах более конкретной, знакомой, доступной для чувственного восприятия сферы-источника. Метафоры выполняют функции фрейминга: они устанавливают рамки и границы понимания мира; концентрируют внимание на поставленной проблеме; оказывают влияние на отношение реципиента к явлениям, персоналиям, событиям, подчеркивая одни и одновременно скрывая другие черты сферы-мишени. В связи с этим, руководствуясь методом метафорического фрейминга, возможно

выделить определенные аспекты российской действительности, сделав их существенными, в том числе привлекательными или отталкивающими, компонентами образа России, а также замаскировать иные параметры, формируя таким образом позитивное или негативное восприятие нашей страны. Отмечается, что, хотя образ России внутри страны и за ее пределами часто формируется посредством обращения к политическому положению, экономической обстановке, его негативные аспекты практически не влияют на отношение к культуре России, развитие которой воспринимается как процесс, происходящий вопреки сложившейся ситуации. Культурный компонент в образе России в настоящее время выражен слабо, однако результаты исследований демонстрируют высокий потенциал его использования при конструировании образа страны, в том числе методом метафорического фрейминга. Создание культур-центричного образа России возможно при помощи широкого спектра метафор, среди которых «Россия – родник», «Россия – семья» и «Россия – книга». Сделан вывод о том, что метафоры, ориентированные на культуру России, будут способствовать изменению сложившихся о стране негативных стереотипов, формированию современного, устойчивого, понятного как внутри России, так и за ее пределами положительного образа, подчеркнут открытость страны к взаимодействию с другими народами, заинтересованность в сотрудничестве с ними.

Ключевые слова: метафора, образ России, фрейминг, культура, конструирование образа России.

Цитирование. Горина Т. С. Формирование культур-центричного образа России методом метафорического фрейминга // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 58–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.7>

Несмотря на многолетнюю историю международных отношений, включающую взаимодействие по вопросам поддержания мира и безопасности, укрепления демократических институтов, защиты прав и интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, Россия по-прежнему воспринимается во многих государствах как загадочная, непредсказуемая и чужеродная страна. Стремление России упрочить свои позиции на мировой арене путем развития межнационального диалога и сотрудничества обуславливает важность задачи формирования ее современного, понятного и привлекательного образа. Высокий авторитет России в сфере культуры и искусства, где, в отличие от политики, ее репутация не обременена отрицательными стереотипами, в сочетании с желанием усилить и расширить влияние российской культуры, имеющей богатые традиции и динамично развивающейся в настоящее время, актуализирует конструирование культур-центричного образа России, в том числе при помощи метафорического фрейминга.

Создатели теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон изменили традиционные представления о метафоре как стилистическом средстве, предложив рассматривать ее как фундаментальный механизм мышления, «способ постижения одной вещи в терминах другой» [Лакофф, Джонсон 2004, 62]. Метафора выражает, фиксирует связи между иногда очень различными концептуальными сферами. Благодаря метафоре

более сложная абстрактная сфера-мишень структурируется и понимается в терминах более конкретной, знакомой, доступной для чувственного восприятия сферы-источника.

Метафоры выполняют функции фрейминга, обозначенные Р. Энтманом: «выбор и выделение некоторых аспектов событий или проблем и установление связей между ними для продвижения конкретной интерпретации, оценки и/или решения» [Entman 2004, 5]. Они помогают людям понять мир, задавая рамки, границы такого понимания, обращают внимание на поставленную проблему, формируя отношение реципиента к явлениям, персоналиям, фактам, подчеркивая одни и одновременно скрывая другие черты сферы-мишени. В связи с этим при помощи метафорического фрейминга возможно выделить определенные аспекты российской действительности, сделав их существенными, значимыми, в том числе привлекательными или отталкивающими, компонентами образа России, а также замаскировать другие параметры, формируя таким образом позитивное или негативное восприятие нашей страны.

Вопросы, касающиеся образа России, неоднократно рассматривались в научной литературе. Однако его культурная составляющая как объекта метафорического фрейминга исследуется редко, хотя именно она соответствует представлениям, согласно которым «в современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидиру-

ющее положение нашей страны в мире» [Указ Президента от 24.12.2014 № 808... web]. О целесообразности обращения к культуре свидетельствуют активное участие музеев в различных проектах для «создания образа России как невероятной, многосложной, богатейшей культурной цивилизации» [Зельфира Трегулова... web]; пресс-туры по России, организуемые для журналистов и блогеров из разных государств для того, чтобы познакомить их с современной российской культурой и сформировать положительное отношение к нашей стране [Образ России web].

Значительное воздействие на восприятие России оказывает степень информированности о ней представителей различных социальных групп. Так, если образ России в обыденном сознании граждан Германии является негативным, то немецкая научная интеллигенция относится к ней с уважением [Дейнека, Медяник 2020]. Образ нашей страны, сформированный в сознании иностранных студентов, обучающихся в России, в целом положительный, отличается от негативного стереотипного образа, транслируемого некоторыми зарубежными СМИ, и даже более позитивный, чем сложившийся у российских студентов [Дейнека, Кузнецова 2020]. Каналами формирования образа России выступают телевидение, интернет, образовательные учреждения, СМИ, книги, фильмы, семья, родственники, общение с россиянами, личный визит в РФ и т. п.

Несмотря на низкую осведомленность граждан других государств о России, во многих странах существует высокий запрос на знакомство с ее культурой. «Русская культура», согласно данным 2017 г., интересна 43 % жителей Республики Корея и ассоциируется в первую очередь (35 % респондентов) с искусством (балет / танец, литература, писатели, музыка, кукла), особое внимание привлекают архитектура и кухня [Баскакова, Чой Ву Ик web]. На вопрос о том, что граждане Турции хотели бы перенять из культуры России, опрошенные Е.В. Бахревым турецкие эксперты (39 чел.) чаще всего отвечали «высокая культура» (также ими отмечались искусство, литература, музыка, образование, наука, балет) [Бахревский web]. Россияне относят историю, культуру, язык к сильным сторонам

нашей страны, больше всего они гордятся историей [Селезнева, Палитай 2019]. Явления культуры не выступают ключевыми компонентами, вокруг которых у российских студентов формируется представление о Родине, однако, когда они испытывают за нее гордость, предметом последней чаще всего становится культура [Мальшева, Стефаненко, Тихомандрицкая 2012]. Хотя культурный компонент в образе России пока выражен слабо, результаты исследований демонстрируют высокий потенциал его использования при формировании образа страны, одним из инструментов которого выступает метафорический фрейминг.

Можно выделить несколько основных концептуальных моделей метафоризации: пространственную, натуралистическую, социальную и артефактную [Балашова 2014; Балашова 2017; Балашова 2020]. Первая предполагает репрезентацию непредметного мира через пространственную систему координат. В рамках второй модели происходит осмысление непредметной сферы через обращение к физическим особенностям неживых и живых объектов, «через восприятие мира органами чувств и оценку внешнего мира с точки зрения благоприятных или неблагоприятных для жизнедеятельности человека условий» [Балашова 2014, 80]. Она включает в качестве наиболее распространенных и продуктивных антропоморфную, зооморфную, флористическую модели. Социальная модель «объединяет метафоры, репрезентирующие непредметный мир как определенную социальную модель, связанную с жизнью человека в обществе, различными типами его хозяйственной, созидательной, общественной и культурной деятельности» [Балашова 2014, 80]. В ее состав входят, например, социально-иерархическая, экономическая, военная, состязательная (спортивная) модели. Согласно артефактной модели непредметный мир ассоциируется с созданными и используемыми человеком объектами (механизмами, агрегатами, инструментами, зданиями, пищей и т. п.).

Образ России внутри страны и за ее пределами часто создается через обращение к политической ситуации (коррупция, особенности формы правления, судебной системы, отношения с другими государствами и т. п.), ее экономическому положению (динамика ВВП,

платежный баланс, бюджетная политика и др.). Малая информированность о России в некоторых случаях компенсируется использованием популярных, часто повторяющихся метафор, отражающих мифы, стереотипы и формирующих крайне расплывчатый и противоречивый образ нашей страны.

Такими являются, например, зооморфные метафоры. Россия, как правило, ассоциируется с диким животным: медведем, змеей, ежом, орлом. Метафора «Россия – еж» обращает внимание на агрессивную внешнюю политику страны, которая защищает свои интересы, территорию, существует обособленно, может объединяться с другими государствами, однако есть пределы такого сближения, преодоление которых опасно негативным воздействием РФ на партнера [Солопова, Будаев, Бойко 2020]. Образ нашей страны, формируемый метафорой «Россия – медведь», не столь однозначный. Такое отождествление дает основание для ассоциации России со злом и опасностью, так как медведь – животное крупное, неуклюжее, страшное, сердитое, свирепое, страдающее, на него трудно охотиться, его сложно приручить. При этом данная метафора подчеркивает силу духа русского народа, авторитет и мощь страны, ведь медведь может быть улыбочивым, белым, пушистым, гордым, смелым, готов постоять за себя, дать отпор неприятелю. Примечательно, что негативные аспекты политического, экономического образа России практически не влияют на отношение к ее культуре, развитие которой воспринимается как процесс, происходящий вопреки сложившейся ситуации.

Формирование культур-центричного образа России возможно при помощи широкого спектра метафор, среди которых «Россия – родник», «Россия – семья» и «Россия – книга».

Родник – это «естественный выход подземных вод на земную поверхность на суше или под водой на дне континентальных водоемов и водотоков... морей» [Трещников (ред.) 1988, 117], «водяной источник, текущий из глубины земли, ключ» [Ожегов 2014, 549]. Пространственная метафора «Россия – родник» соответствует закрепившемуся в сознании россиян и граждан других государств обращению к прошлому при восприятии России и

показывает связь прошлого с современной российской действительностью. Метафора также обращает внимание на уникальность, самобытность культуры России, отмечает, что она выступает в качестве консолидирующего начала российского общества. При помощи данной метафоры может быть создан образ нашей страны как центра истории и культуры мирового значения.

Частота ассоциаций России с именами писателей, поэтов, литературными произведениями делает эффективной и узнаваемой артефактную метафору «Россия – книга», подчеркивающую ценность, авторитет, сложность и разнообразие культуры России, уникальность ее создателей, привлекающую внимание к русскому языку, способам его изучения. Такая метафора усиливает позитивную составляющую образа России, формируя представление о ней, как о стране, в которой происходят интересные события, разворачивается насыщенная культурная жизнь, созданы условия для того, чтобы заниматься творчеством, проявлять свой талант, достигать поставленных целей.

Различные трактовки понятия «семья» – «группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе», «группа людей, сплоченных общей деятельностью, интересами, дружбой» [Кузнецов (ред.) 2000, 1175] – позволяют указать на культурное своеобразие нашей страны, взаимодействие, взаимовлияние ее многочисленных народов, возможность продуктивного сотрудничества с носителями различных ценностей путем применения социальной метафоры «Россия – семья». Она также подчеркивает значимость накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта, вызывает интерес к культуре современной России.

Метафоры, ориентированные на культуру России, будут способствовать изменению сложившихся о стране негативных стереотипов, формированию современного, устойчивого, понятного внутри России и за ее пределами положительного образа. Использование таких метафор позволит реципиенту не просто быть сторонним наблюдателем происходящего в стране, но и понимать людей, которые в ней живут. Учитывая зависимость восприятия России от имеющихся о ней знаний,

возможно повысить эффективность метафорического фрейминга при условии расширения информационного поля, в котором он применяется, в том числе за счет обеспечения максимально полного и быстрого доступа к культуре нашей страны, русскому языку, языкам народов России.

Неоднозначность, противоречивость образа России предоставляют возможность для его успешного изменения в положительную сторону методом метафорического фрейминга. Распространение, популяризация культуры России как неотъемлемой части мировой культуры позволит создать образ страны, открытой к взаимодействию с другими народами, заинтересованной в сотрудничестве с ними. Превращение историко-культурного наследия России в один из основных ресурсов формирования ее позитивного образа сделает страну привлекательной, интересной как для россиян, так и для граждан других государств.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31715 «Стратегии конструирования образа России методом образного фрейминга».

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project no. 20-011-31715 “Strategies of constructing the image of Russia through figurative framing”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балашова 2014 – *Балашова Л.В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Балашова 2017 – *Балашова Л.В.* Экономика России в современном политическом дискурсе сквозь призму концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 21–30.

Балашова 2020 – *Балашова Л.В.* Речевая метафора как способ репрезентации образа России в современных оппозиционных медиа // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 23–38. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-03-02>.

Баскакова, Чой Ву Ик web – *Баскакова Ю.М., Чой Ву Ик.* Россия и Корея: Образ стран по данным сравнительного исследования // https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/rus_kor2018.pdf.

Бахревский web – *Бахревский Е.В.* Современный образ России и русских в Турции [Культурологический журнал. 2018. № 1 (31)] // http://cr-journal.ru/rus/journals/428.html&j_id=34.

Дейнека, Кузнецова 2020 – *Дейнека О.С., Кузнецова Ю.С.* Образ России у иностранных студентов в контексте международного гуманитарного сотрудничества // *Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 8–11 дек. 2020 г.).* СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 405–406.

Дейнека, Медяник 2020 – *Дейнека О.С., Медяник С.И.* Образ-представление России в обыденном сознании немецких граждан // *Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 8–11 дек. 2020 г.).* СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 407–408.

Зельфира Трегулова... web – *Зельфира Трегулова,* генеральный директор Государственной Третьяковской галереи [Панельная дискуссия «Русский мир онлайн»] // <https://www.youtube.com/watch?v=7wgHL5meIw4&feature=youtu.be>.

Кузнецов (ред.) 2000 – *Кузнецов С.А. (ред.)* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

Лакофф, Джонсон 2004 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Мальшева, Стефаненко, Тихомандрицкая 2012 – *Мальшева Н.Г., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А.* Образ России в многополярном мире: кросс-культурный анализ // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.* 2012. № 1. С. 61–72.

Образ России web – *Образ России* // <http://amcult.ru/image-of-russia>.

Ожегов 2014 – *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: АСТ: Мир и образование, 2014.

Селезнева, Палитай 2019 – *Селезнева А.В., Палитай И.С.* Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки.* 2019. Т. 10, № 2. С. 123–135. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.10211>.

Солопова, Будаев, Бойко 2020 – *Солопова, О.А., Будаев Э.В., Бойко А.В.* Метафорический образ будущего России в неинституциональном по-

- литическом интернет-дискурсе КНР // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 96–107. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-06-10>.
- Трещников (ред.) 1988 – Трещников А.Ф. (ред.). Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М.: Советская энциклопедия, 1988.
- Указ Президента от 24.12.2014 № 808... web – Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // <http://base.garant.ru/70828330>.
- Entman 2004 – Entman R.M. Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and US Foreign Policy. Chicago: University of Chicago Press, 2004.
- Consciousness of German Citizens. *Ananiev Readings – 2020. Psychology of Military, Enforcement and Governmental Services: Achievements and Development Prospects (In Honor of the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945): Materials of the International Scientific Conference, December 8-11, 2020*. Saint Petersburg, Skifiya-print Publ., pp. 407-408.
- Zelfira Tregulova, General Director of The State Tretyakov Gallery. Panel Discussion “Russian World Online”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7wgHL5melw4&feature=youtu.be>.
- Kuznetsov S.A. (ed.), 2000. *Great Dictionary of Russian Language*. Saint Petersburg, Norint Publ.
- Lakoff G., Johnson M., 2004. *Metaphors We Live by*. Moscow, Editorial URSS Publ.
- Malysheva N.G., Stefanenko T.G., Tikhomandritskaya O.A., 2012. The Image of Russia in a Multipolar World: Cross-Cultural Analysis. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, no. 1, pp. 61-72.
- The Image of Russia. URL: <http://amcult.ru/image-of-russia>.
- Ozhegov S.I., 2014. *Explanatory Dictionary of the Russian Language. About 100,000 Words, Terms and Phraseological Expressions*. Moscow, AST Publ., Mir i obrazovanie Publ.
- Selezneva A.V., Palitay I.S., 2019. Russian Youth’s Perception of Their Country: Value-Symbolic and Political-Cultural Aspects. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, vol. 10, no. 2, pp. 123-135. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.10211>.
- Solopova O.A., Budaev E.V., Boiko A.V., 2020. Metaphorical Image of the Future of Russia in the Chinese Non-Institutional Political Internet Discourse. *Political Linguistics*, no. 6 (84), pp. 96-107. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-06-10>.
- Treshnikov A.F. (ed.), 1988. *Geographical Encyclopedic Dictionary. Concepts and Terms*. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ.
- Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 no. 808 “On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy”. URL: <http://base.garant.ru/70828330>.
- Entman R.M., 2004. *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and US Foreign Policy*. Chicago, University of Chicago Press.

REFERENCES

- Balashova L.V., 2014. *Russian Metaphor: Past, Present, Future*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.
- Balashova L.V., 2017. The Russian Economy in Modern Political Discourse Through the Prism of a Conceptual Metaphor. *Political Linguistics*, no. 1 (61), pp. 21-31.
- Balashova L.V., 2020. Genuine Metaphor as a Way of Representing Russia’s Image in Modern Opposition Mass Media. *Political Linguistics*, no. 3 (81), pp. 23-38. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-03-02>.
- Baskakova J.M., Choi Woo Ik. *Russia and Korea: Country Image According to a Comparative Study*. URL: https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/rus_kor2018.pdf.
- Bakhrevsky E. V., 2018. The Modern Image of Russia and Russians in Turkey. *Journal of Cultural Research*, no. 1 (31). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/428.html&j_id=34.
- Deyneka O.S., Kuznetsova Y.S., 2020. Foreign Students’ Image of Russia in Context International Humanitarian Cooperation. *Ananiev Readings – 2020. Psychology of Military, Enforcement and Governmental Services: Achievements and Development Prospects (In Honor of the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945): Materials of the International Scientific Conference, December 8-11, 2020*. Saint Petersburg, Skifiya-print Publ., pp. 405-406.
- Deyneka O.S., Medyanik S. I., 2020. The Image-Representation of Russia in the Everyday

Information About the Author

Tatyana S. Gorina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gorina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5114-1821>

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Горина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gorina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5114-1821>

www.volsu.ru

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.8>

UDC 316

LBC 60.524

STATE SCHOLARSHIP PROGRAMS AND GRANTS AS A FACTOR OF THE HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE ¹

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

Galina N. Ochirova

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

Julia E. Pletneva

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. Recognizing the importance of the development of human capital, many countries contribute to the growth of international student mobility through various state grants and scholarships for their citizens and foreign students. Nevertheless, there is a lack of research on the state's benefit from sponsoring scholarship programs and study abroad grants in the context of the development of the country's human capital. This article examines scholarship programs and grants to study abroad regarding human capital development, how they can help build human capital, and what can be an obstacle for that. The authors analyze the features and implementation mechanisms and provide typology of the programs in modern conditions. Based on a review of state scholarship programs and grants for studying abroad, and an analysis of scholars' studies and regulatory documents, authors identify existing and potential obstacles to building up and effectively using human capital such as non-return of scholarship holders to their homeland, deskilling, bureaucratic employment procedures, emigration intentions after fulfilling obligations under the program, etc. Exploring of foreign and Russian experience in implementing state scholarship and grant programs, authors determine several ways for the further development of the programs in the context of the idea of human capital building. The results of the study can be applied to the development and improvement of the Russian scholarship programs and grants for studying abroad.

Key words: human capital, scholarships and grants, academic mobility, intellectual migration, brain circulation.

Citation. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Ochirova G.N., Pletneva Ju.E. State Scholarship Programs and Grants as a Factor of the Human Capital Development: Russian and Foreign Experience. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 65-77. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.8>

УДК 316
ББК 60.524

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТИПЕНДИАЛЬНЫЕ И ГРАНТОВЫЕ ПРОГРАММЫ НА ОБУЧЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ¹

Сергей Васильевич Рязанцев

Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Российская Федерация

Тамара Керимовна Ростовская

Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Российская Федерация

Галина Николаевна Очирова

Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Российская Федерация

Юлия Эдуардовна Плетнева

Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Становление 21 века охарактеризовано глобализацией и развитием инновационной и интеллектуальной экономики, где наращивание человеческого капитала является основным приоритетом социально-экономической политики государства. Осознавая важность инвестирования в качественное развитие человеческого капитала, многие развитые и быстро развивающиеся страны сами способствуют росту международной мобильности студентов через различные государственные гранты и стипендии как в отношении своих граждан, так и в отношении иностранных. Тем не менее, существуют единицы научных работ, посвященных определению выгоды государства от спонсирования стипендиальных программ и грантов на обучение за рубежом в контексте развития человеческого капитала страны. В статье представлено исследование стипендиальных программ и грантов на обучение за рубежом в контексте развития человеческого капитала: каким образом они могут способствовать наращению человеческого капитала, и что может препятствовать этому. Авторами проанализированы особенности и механизмы реализации, а также проведена типологизация подобных программ в современных условиях. На основании проведенного обзора зарубежных и российских стипендиальных программ и грантов на обучение за рубежом, а также анализа исследований конкретных программ и нормативно-правовых документов были выявлены существующие и потенциальные препоны для наращения и эффективного использования человеческого капитала, такие как невозвращение стипендиатов на родину, деквалификация после возвращения на родину, бюрократические процедуры трудоустройства, эмиграционные намерения после отработки обязательств по программе, и сформулированы рекомендации по их устранению. В отличие от множества зарубежных государственных стипендиальных и грантовых программ и грантов с бюджетом в несколько миллиардов долларов США, аналогичные российские программы пока находятся в зачаточном состоянии и требуют больших финансовых вложений и развития. Результаты исследования могут быть применены при разработке стипендиальных программ и грантов на обучение за рубежом.

Ключевые слова: человеческий капитал, стипендии и гранты, академическая мобильность, интеллектуальная миграция, циркуляция умов.

Цитирование. Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Очирова Г. Н., Плетнева Ю. Э. Государственные стипендиальные и грантовые программы на обучение за рубежом как фактор развития человеческого капитала: российский и зарубежный опыт // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 65–77. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.8>

Актуальность исследования

Многие развитые и успешно развивающиеся страны инициируют меры государственной поддержки в виде государственных грантов и стипендий на обучение за рубежом как для своих граждан, так и для иностранных [Enkhtur 2018]. Во многом это обусловлено стремлением стран развить и нарастить человеческий капитал (далее – ЧК), что является основным приоритетом социально-экономической политики государства в рамках интеллектуальной экономики [Латова 2011].

Ростки концепции ЧК берут свое начало еще в труде Адама Смита, где он включает в определение основного капитала помимо машин, прибыльных строений и улучшения земли, также и приобретенные и полезные способности всех жителей или членов общества. «Приобретением таких способностей считается также содержание их обществом путем воспитания, обучения или ученичества, что всегда требует действительных расходов и представляет собой основной капитал, который якобы реализуется в личности...» [Spengler 1977, 32–33].

Распространено мнение, что главным компонентом ЧК является полученное образование. А большинство стипендиальных программ базируются на идее, что инвестирование в образование населения позволит нарастить ЧК, что, в свою очередь, принесет в будущем положительный экономический и социальный эффект стране [Becker 1975; Dassin, Marsh, Mawer 2018]. По данным ОЭСР, получение студентом высшего образования приносит в среднем государству доход, практически вдвое превышающий расходы на образование [OECD... web (1)]. Кроме того, инновационные знания и опыт, полученные стипендиатами за границей, могут способствовать улучшению экономических и социальных показателей в их стране происхождения [Campbell 2017]. По мнению Бин Талеба, стипендиальные программы и гранты экономически выгодны государству, поскольку стипендии на обучение за рубежом предоставляют возможность получения высококачественного образования, которое в свою очередь будет способствовать росту культурного и образовательного уровня общества [Bin-Taleb 2013].

России также выгодно обеспечить финансовую поддержку своим гражданам, желающим обучиться за рубежом и стремящимся вернуться на родину [Леденева 2002]. Согласно исследованию 2018 г., проведенному ВЦИОМ, каждый третий опрошенный в возрасте 18–24 года хотел бы эмигрировать из России за рубеж на постоянное место жительства [ВЦИОМ... web]. Результаты опроса The Boston Consulting Group отмечают с 2014 г. рост численности людей в России, желающих уехать из страны, в связи с плохой развитостью информационной экономики и высокотехнологического производства. В большинстве своем это молодежь и высококвалифицированные специалисты. Лишь 17 % рабочих мест в России относятся к умственному труду, по сравнению с 29 % – в Германии и 45 % – в Великобритании [The Boston Consulting Group... web]. Исследование Дежиной и Ключарева показало, что система высшего образования России не соответствует требованиям инновационной экономики [Дежина, Ключарев 2018].

В то время как на международном рынке образовательных услуг конкуренция за студентов лишь нарастает. Огромное количество различных зарубежных грантов и стипендий «вытягивают» талантливых абитуриентов из России, покрывая расходы на образование и предоставляя возможность получения документов для постоянного резидентства [Рязанцев и др. 2019]. Среди стран, где обучались российские студенты в 2017 г., лидирует Германия [UNESCO... web], которая только на 2017 г. выделила 522 млн евро на продвижение образовательных услуг через Германскую службу академических обменов DAAD [DAAD... web].

Типология

стипендиальных и грантовых программ в современных условиях

Признавая важность обучения за рубежом, многие развитые и развивающиеся страны, а также университеты, частные фонды и иные некоммерческие организации реализуют различные стипендиальные программы и гранты с целью финансовой и социальной поддержки талантливой молодежи.

Среди всего их многообразия можно выделить следующие типы.

Во-первых, по целям и задачам: подготовка высококвалифицированных кадров, интернационализация высшего образования, укрепление культурно-академических связей. Цели программы зависят от социально-экономических, социально-культурных и политических факторов как в отправляющей, так и принимающей стране. С одной стороны, большинство программ, направленных на привлечение иностранных студентов и академические обмены, реализуются с целью интернационализации национальной образовательной системы. К примеру, стремясь повысить качество и разнообразие иностранных студентов, приезжающих в Нидерланды, была создана стипендиальная программа Orange Tulip (OTS), которая направлена на привлечение талантливых абитуриентов из стран Nuffic Nesos (Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Мексика, Россия, ЮАР, Южная Корея, Турция и Вьетнам) на учебу в Нидерландах. В некоторых случаях, подобные программы выступают культурным мостом между нациями [Башарымова 2015]. Например, программа спонсорства короля Абдуллы (King Abdullah Scholarship Program) в значительной мере была вызвана желанием улучшить международные отношения с США и сломать стереотипы, возникшие после теракта 11 сентября 2001 г. [Hilal, Scott, Maadad 2015].

Во-вторых, по источнику финансирования: бюджетные и смешанные. Например, Министерство иностранных дел и торговли Австралии выделило из государственного бюджета 280 млн австралийских долларов на финансирование 1982 стипендий и краткосрочных курсов в 2020 г. Также есть государственные программы, реализующиеся с двойным финансированием – например, совместная программа Министерства образования КНР и ЮНЕСКО “Great Wall Programme”.

В-третьих, по целевой аудитории: для граждан страны, для иностранных граждан и программы без ограничения гражданства участников. Первые направлены на социальную и финансовую поддержку граждан своей страны для обучения в зарубежных университетах. В 2011 г. указом Президента Бразилии была запущена стипендиальная программа

“Science without Borders” («Наука без границ»), целью которой было обеспечить обучение 101 тыс. бразильских студентов по специальностям STEM (наука, технологии, инженерия, математика) в лучших университетах мира. Вторые реализуются для поддержки иностранных граждан для обучения в местных университетах страны-спонсора. Например, разработанная Министерством иностранных дел и международного развития Франции, стипендиальная программа “Eiffel excellence scholarship programme” нацелена на привлечение лучших иностранных студентов на курсы магистратуры и аспирантуры в университеты Франции. Третья подгруппа стипендий и грантов ориентирована на предоставление возможности получения образования и прохождения стажировки как для своих граждан, так и для иностранцев. Например, стипендии и гранты Германской службы академических обменов DAAD предоставляют возможность получить опыт учебы и научных исследований за рубежом для немецкой молодежи и в Германии для иностранной. Известным примером является программа образовательных грантов “Fulbright”, которая обеспечивает международные образовательные обмены для американских и зарубежных студентов, учёных, преподавателей, специалистов и художников с целью установления и укрепления культурно-академических связей.

В-четвертых, по целям финансирования и продолжительности. Существуют программы, направленные только на получение академической степени. Британская стипендиальная программа “Chevening scholarship” присуждается выдающимся иностранным специалистам для обучения и получения степени магистра в университете Великобритании. Государственные и частные организации также спонсируют и краткосрочные стажировки, исследования и студенческие обмены без получения степени и документа о высшем образовании. В рамках программы “Great Wall Programme” учреждено 75 стипендий на 2019–2020 гг. для студентов, аспирантов и исследователей из развивающихся стран мира для краткосрочных стажировок и учебы в университетах Китая. Также есть программы, предоставляющие возможность как получения степени, так и академических обменов.

Например, эстонская стипендиальная программа “Kristjan Jaak Scholarships” предоставляет гражданам Эстонии возможность получения степени магистра или PhD за рубежом, а также учебы за рубежом до одного года и иные краткосрочные академические поездки.

В-пятых, по основанию отбора: присуждение стипендии или гранта на основании отличительной успеваемости, профессиональной квалификации, финансовой потребности, и др.

В-шестых, по объему финансирования: полное и частичное покрытие расходов, например, возмещение расходов только на оплату обучения или выплата фиксированной суммы денег.

В-седьмых, по наличию обязательств: отсутствие обязательств, отработка определенного времени в родной стране, запрет на въезд в страну по данному типу визы и др.

Российские государственные стипендиальные и грантовые программы

В России одной из первых подобных программ стала программа стипендий Президента РФ, которая нацелена на сохранение и развитие интеллектуального потенциала страны и усиление государственной поддержки международной академической мобильности студентов и аспирантов. Согласно распоряжению Президента РФ № 613-рп от 6 сентября 1993 г., ежегодно выделяется 40 стипендий для студентов и 60 для аспирантов для обучения за рубежом в течение одного семестра или учебного года. С момента основания в 1993 г., более 2 тыс. студентов и аспирантов российских вузов получили стипендию Президента РФ для обучения, стажировки, научных исследований в лидирующих университетах мира. Согласно Указу Президента Российской Федерации № 182 от 14 февраля 2010 г., на эти цели Министерству науки и высшего образования РФ выделяется до 2,4 млн долларов США в год.

Существует отраслевая программа исходящей международной академической мобильности Министерства науки и высшего образования РФ, реализуемая на основании двусторонних договоров о научно-образовательном сотрудничестве с зарубежными

странами. Данная программа по сути своей является медиатором между студентом и зарубежной программой, которая выступает в роли спонсора и оплачивает полностью или частично расходы студента на поездку. Программы позволяют получить взаимную выгоду от академической мобильности как отправляющей, так и принимающей стороне. Министерство науки и высшего образования РФ предоставляет возможности россиянам получить образовательные услуги и пройти кратковременные стажировки в зарубежных университетах и исследовательских центрах за счет принимающей стороны. Например, Национальная стипендиальная программа Словацкой Республики, направленная на привлечение иностранных студентов с целью поддержания интернационализации образования и науки в Словакии [Интерфизика... web]. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, за период 2014–2016 гг. за рубеж было направлено на обучение и кратковременные стажировки более 1 тыс. российских граждан.

В 2013 г. была инициирована разработка новой государственной программы грантов для граждан России на обучение за рубежом. Программа «Глобальное образование» была утверждена постановлением Правительства РФ от 20 июня 2014 г. № 568. Она позиционировалась как форма социальной поддержки российских граждан, поступивших и обучающихся в ведущих мировых университетах, с последующей отработкой в России в соответствии с полученной квалификацией. Целью программы является «сохранение и приумножение научных, педагогических, медицинских и инженерных кадров, управленческих кадров в социальной сфере». Оператором программы является Московская школа управления (МШУ) «Сколково». Квота на участие в программе в 2014–2018 гг. составила 718 человек по пяти основным направлениям: медицина, инженерные специальности, образование, наука, и управление в социальной сфере.

Грант в размере до 2,7 млн рублей в год выделялся на обучение только по программам магистратуры (1–2 года) и аспирантуры (3 года и более). Программа была завершена в 2018 г., но ввиду отказа некоторых победителей по тем или иным причинам от гранта

был запущен дополнительный отбор в 2019 г. для заполнения возникших вакантных мест. Согласно первоначальной версии паспорта Программы, на весь период реализации Программы было выделено 4,41 млрд рублей. Однако, постановлением Правительства РФ от 15 марта 2017 г. № 298 объем финансирования был сокращен до 3,75 млрд рублей, несмотря на продление срока реализации программы до 2025 года.

Также необходимо отметить инициативу Республики Татарстана, где с 2006 г. реализуется Программа грантов на подготовку и стажировку жителей региона в российских и зарубежных образовательных и научных организациях. Грант покрывает расходы на подготовку в магистратуре до 2 лет или стажировку до 3 месяцев, включая расходы на обучение, проезд из Казани до места обучения и обратно, проживание, а также предусматривает ежемесячную стипендию [Сайт программы грантов... web]. В период 2006–2019 гг. более 4 тыс. молодых специалистов, ученых, преподавателей и работников образовательных организаций Татарстана, получили грант. Из республиканского бюджета ежегодно выделяется 100 млн рублей на финансирование программы [Президент Республики Татарстана... web]. Однако в России на региональном уровне подобных программ пока мало.

Механизмы функционирования государственных стипендиальных и грантовых программ в контексте идеи наращивания человеческого капитала

Все стипендиальные программы в той или иной степени направлены на развитие ЧК. При этом, выгодоприобретателем этого капитала могут быть и страны-доноры, и страны-реципиенты. В случае отправляющей страны, она может получить выгоду от наращивания своего ЧК. Принимающая страна, в свою очередь, помимо прибыли от платного обучения и сопутствующих расходов иностранных студентов может ожидать определенной выгоды от установленных отношений через политику мягкой силы [Торкунов 2012]. Например, на сайте Бюро по вопросам образования и культуры Государственного департамента США приведена цитата Дж. Уильям Фулбрайт, ос-

нователя программы образовательных грантов Фулбрайт: «Образовательный обмен может превратить нации в людей, способствуя, как никакая другая форма общения, гуманизации международных отношений» [The Fulbright Program... web].

Стоит отметить, что в большинстве стипендиальных программ и грантов заранее определены требования к качеству и уровню образования. Например, в 2008 г. в Чили началась реализация амбициозной программы стипендий BECAS, направленной на развитие передового ЧК и фундаментальной области развития экономики знаний. Данная программа предоставила более 20 тыс. чилийских граждан финансовую помощь для получения академических степеней в лучших иностранных университетах. Разработчики стипендиальной программы, исходя из логики, что не все иностранные университеты предоставляют высококачественные образовательные услуги, использовали данные мировых рейтингов (Times Higher Education, Academic Ranking of World Universities, QS World University Ranking) для оценки качества и определения списка лучших зарубежных университетов, в которых могут обучаться стипендиаты. Создание списка передовых университетов, в которые стипендиат может поехать учиться, повышают шансы получения более качественного образования и инновационных знаний, соответствующих понесенным расходам на это образование.

Социально-экономические выгоды для государства-спонсора во многом зависят от возвращения на родину и трудоустройства стипендиатов. Так, работодатели в Казахстане отмечают преимущества программы «Болашак» в том, что выпускники привносят новые знания на рабочие места и играют важную роль в создании экспертных знаний [Perna, Orosz, Jumakulov 2015]. Согласно исследованию Кембел, грузинские и молдавские выпускники иностранных университетов видят свой вклад в развитие страны через работу в правительстве, общественных организациях, учреждениях высшего образования и юриспруденции [Campbell 2017]. А участники программы “Science without Borders”, вернувшись в Бразилию, используют полученные за рубежом знания для улучшения академического развития отсталых регионов страны [Mctanus, Nobre 2017].

Для наиболее выгодного использования полученных знаний и навыков специалистам необходимы благоприятные условия для работы и жизни в стране возвращения. По данным ОЭСР численность мигрантов с высшим образованием между 2000/2001 и 2015/2016 гг. увеличилась здесь на 108 % [OECD... web (2)], что обусловлено высокой доходностью ЧК, карьерными возможностями и благоприятной иммиграционной политикой в данных странах [Artuç et al. 2015].

Также важно учитывать факторы, которые могут способствовать или препятствовать выпускнику зарубежного университета внести вклад в национальное развитие. В стране возвращения может быть хорошо развита конкретная отрасль, но другая сильно отставать. Выпускники востребованных специальностей могут быть трудоустроены по возвращению домой с большей вероятностью, чем выпускники, специальность которых недостаточно развита. Например, правительство Чили столкнулось с такой проблемой во время реализации программы BECAS. Страна была не готова реинтегрировать высококвалифицированных выпускников на местный рынок труда из-за отсутствия рабочих мест и необходимой инфраструктуры [Nunez-Parra, Ramos 2014]. Во избежание подобных проблем в рамках Программы спонсорства короля Абдуллы (KASP) области и специальность обучения определяются правительством Саудовской Аравии с учетом предполагаемых потребностей экономики. Ни одна отрасль экономики не должна быть перенасыщена специалистами, когда участники возвращаются в Саудовскую Аравию и выходят на рынок труда [Hilal, Scott, Maadad 2015]. Более детальную процедуру определения приоритетных специальностей имеет программа «Болашак» в Казахстане. Государственные органы власти и компании сначала определяют потребность в высококвалифицированных кадрах с зарубежным образованием по профильным отраслям на несколько лет вперед. Затем органами власти формируются целевые заявки на подготовку кадров в соответствии со списком кандидатов на стипендию, на основании чего в дальнейшем формируется Перечень приоритетных специальностей.

Отсутствие обязательства о возвращении на родину и отработки после окончания

обучения представляет собой риск возникновения упущенной выгоды и потери инвестиций в развитие ЧК, если стипендиаты решат остаться в стране обучения для дальнейшей учебы или работы [Hilal, Scott, Maadad 2015]. В связи с этим многие страны, спонсирующие обучение своих граждан за рубежом, установили обязательное условие возвращения на родину после окончания обучения и последующей отработки в течение нескольких лет, либо выплаты штрафа в размере гранта или N-кратном размере гранта. Например, согласно Постановлению Правительства Республики Казахстан от 11 июня 2008 года № 573, участники программы «Болашак» должны вернуться в Казахстан после окончания полного курса обучения и получения степени, предусмотренных утвержденным учебным планом. Схожее условие имеет российская программа «Глобальное образование», предусматривая штраф в двукратном размере относительно средств, предоставленных участнику в качестве мер социальной поддержки, в случае его невозвращения после окончания обучения, не окончания обучения или нарушения иных условий соглашения.

Проблематичным условием может быть специфичные условия возвращения на родину. Примером может служить программа «Глобальное образование», в соответствии с условиями которой по возвращению в Россию в течение трех месяцев участники обязаны трудоустроиться в организацию из списка, утвержденного Наблюдательным советом на основании одобрения федерального органа исполнительной власти, в чьем ведении находится вид деятельности организации. Правилами запрещено трудоустройство в органы государственной и муниципальной власти, при том, что одним из пяти основных направлений по подготовке кадров является управление в социальной сфере. Согласно таблице соответствия образовательных программ, реализуемых ведущими иностранными образовательными организациями, укрупненным группам специальностей и направлений подготовки по программе «Глобальное образование», направлению подготовки управленческих кадров в социальной сфере соответствуют программы магистратуры и аспирантуры такие как “Social Management” (Социальное

управление), “Social Work” (Социальная работа), “Health Administration” (Управление здравоохранения), “Social Service Management” (Управление социальными услугами) и пр. [Глобальное образование... web (1)]. Возникает резонный вопрос в какой социальной сфере, как не в государственной, данные специалисты должны работать. Конечно, они могут работать в социально ориентированных некоммерческих организациях, но другой вопрос, есть ли возможности для трудоустройства в эти организации и получения достойной заработной платы в российских условиях.

Стоит также отметить, что условиями программы «Глобальное образование» закреплено ограничение на трудоустройство в городах федерального значения Москву и Санкт-Петербург, где не более 25 % от всех участников имеют право работать в соответствии с обязательствами по программе. В ноябре 2019 г. данная квота была заполнена, при этом около половины участников Программы, которые еще обучаются либо только закончили обучение, будут вынуждены трудоустроиваться в регионы, где зачастую заработные платы и уровень жизни ниже, чем в Москве и Санкт-Петербурге. Более того, по Программе ездили учиться молодые ученые, врачи и педагоги по узким специальностям, практика которых, если и существует в России, то ве-

роятнее лишь в лидирующих научных центрах России. Многие исследования показывают, что высококвалифицированные работники более продуктивны, когда они сотрудничают с другими высококвалифицированными коллегами в аналогичных секторах или профессиях [Ozden, Wagner, Packard 2018].

Квота и ограничительный список организаций при 718 участниках вызывает сомнение в целесообразности этих условий, данное количество ничтожно мало в масштабах государства и национального рынка труда. Возможно квотирование имело бы смысл при наборе нескольких тысяч участников как в других странах (таблица). Например, более 10 тыс. казахстанцев получили грант программы «Болашак» в период 2005–2013 гг. на обучение за рубежом, при этом подобные квоты не предусмотрены условиями программы. Разработчики программы «Болашак» закрепили зависимость срока отработки от места трудоустройства: 5 лет – в городах, имеющих статус республиканского значения, 3 года – в регионах, 2 года – в городах областного, районного значения и иных районах [Центр международных программ... web].

Имеет смысл также учитывать финансируемый период обучения за рубежом для установления срока отработки. Например, условия отработки «Глобального образования»

Таблица

Государственные стипендиальные и грантовые программы в некоторых странах

Название программы (страна)	Сроки реализации	Количество участников	Объем и источник финансирования
BECAS (Чили)	2008 г. – по н/в	Около 3,3 тыс. чел. ежегодно. На конец 2018 г. – 26,3 тыс. чел.	Проценты от правительственного фонда (на 2011 г. – 874 млн долларов США) + поступления от экспорта меди
SWB (Бразилия)	2011–2015 гг.	101 тыс. чел.	Около 1,2 млрд долларов США на весь период
KASP (Саудовская Аравия)	2005–2020 гг.	Изначально не менее 125 тыс. чел., к 2020 г. свыше 200 тыс. чел.	Около 2 млрд долларов США ежегодно + доходы от экспорта нефти
Глобальное образование (Россия)	2014–2018 гг. (доп. набор в 2019 г.)	718 чел.	Изначально 4,41 млрд руб., в 2017 г. сокращен до 3,75 млрд рублей на весь период (по курсу ЦБ на 30.06.2018 г. ~60 млн долларов США)

Примечание. Источники: [CONICYT... web; Science Without Borders... web; Ministry of Education... web; Глобальное образование... web (3)].

для всех участников одинаковы, то есть участник, обучившись за рубежом по программе PhD минимум 3 года и получив максимальное финансирование на весь период (более 8 млн рублей), должен отработать такой же срок, как и участник, которому финансировали лишь один год обучения в магистратуре (2,7 млн рублей). К тому же, специалист со степенью PhD более «дорогой» ресурс и в интересах государства получить максимальную выгоду от инвестиций в его образование.

Отсутствие опыта работы у участников стипендиальных программ и грантов по возвращению в родную страну может стать причиной временной безработицы либо трудоустройства на позицию, несоответствующую полученной квалификации. В результате этого, обученные кадры могут деqualифицироваться, а государство не получит выгоды от инвестиций в их образование. Важным этапом реализации подобных программ должно быть обеспечение трудоустройства молодых специалистов, которые не всегда имеют необходимый опыт работы для той или иной должности. Подобная инициатива была закреплена в программе «Глобальное образование» как одна из задач: «Создание механизмов, обеспечивающих трудоустройство участников Программы в организации-работодателе». Но на практике фактически обеспечения трудоустройства не было, а в Порядке взаимодействия участника Программы с Оператором (МШУ «Сколково»), упомянуто лишь содействие в трудоустройстве [Глобальное образование... web (2)].

Исследования свидетельствуют, что высококвалифицированные специалисты намного мобильнее чем среднестатистический человек [Рязанцев, Лукьянец 2016]. Поэтому, несмотря на наличие условия о возвращении после обучения, существуют риски интеллектуальной эмиграции специалистов после отработки. По мнению ряда экспертов, программы международного обмена, стажировки и обучение за рубежом способствуют формированию у молодежи миграционных намерений, если условия в стране не позволяют им в полной мере реализовать свой творческий и трудовой потенциал [Рязанцев, Письменная 2013; Рязанцев, Лукьянец 2016]. Для участников Программы «Глобальное образование» вариант эмиграции более вероятен ввиду наличия международного

образования мирового уровня, опыта проживания и быта в другой стране и владения иностранными языками.

Заключение

Стипендиальные программы и гранты на обучение за рубежом могут способствовать наращению человеческого капитала, но как таковым капиталом полученные знания и навыки станут, когда стипендиат или государство получит от их использования выгоду. Таким образом, инвестируя значительные средства в развитие ЧК через подготовку высококвалифицированных кадров за рубежом, государство должно более детально разрабатывать все этапы реализации подобных программ и, в первую очередь, создавать социально-экономическую и правовую основу для наиболее эффективного использования этих трудовых ресурсов. Изучив зарубежные и российские опыты реализации стипендиальных и грантовых программ на обучение за рубежом, можно выделить несколько путей их дальнейшего развития. Многие из данных рекомендаций могут быть вполне применимы для России в части дальнейшего развития данных программ с учетом зарубежного опыта.

Во-первых, не следует ограничивать трудоустройство списком организаций-работодателей при незначительном количестве участников программ. При масштабном наборе целесообразнее подбирать участников с опытом работы по той же специализации или с определенной договоренностью с будущим работодателем, то есть с гарантией трудоустройства после обучения в соответствии с его квалификацией. В этом случае стипендиат, зная специфику своей будущей работы, мог бы проводить исследования за рубежом с учетом интереса будущего работодателя.

Во-вторых, необходима формула для расчета срока отработки на основании профинансированного периода обучения и уровня экономического развития региона трудоустройства. Финансирование обучения магистранта и аспиранта требует разных объемов инвестиций, соответственно, сумма вложенных денег должна коррелировать с периодом отработки.

В-третьих, необходимо ввести меры социальной поддержки стипендиатам, трудоу-

троившимся вне «родного» региона. Эффективное применение и развитие ЧК возможно только при создании благоприятных условий работы. Необходимы социально-экономические условия и соответствующие условия труда для удержания ценных специалистов после истечения срока отработки ввиду наличия у них высокого эмиграционного потенциала. Возможны льготные условия ипотечного кредита или предоставление субсидий на приобретение недвижимости в этом регионе.

В-четвертых, нужно постоянно обновлять перечень приоритетных специальностей в соответствии с потребностями национального рынка труда и конкретных компаний, в том числе с прогнозом на несколько лет для установления целевых показателей набора стипендиатов. Это необходимо во избежание декалфикации специалиста, трудоустройство по специальности способствует эффективному применению знаний и навыков, полученных за рубежом, на практике.

В отличие от множества зарубежных государственных стипендиальных и грантовых программ и грантов с бюджетом в несколько миллиардов долларов США, аналогичные российские программы пока находятся в зачаточном состоянии и требуют больших финансовых вложений и развития. Но совершенно очевидно, что стипендиальные и грантовые программы по подготовке квалифицированных и высококвалифицированных кадров за рубежом очень важны для передового развития науки, технологий, медицины, образования и управленческой сферы в России.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15043.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-29-15043).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башарымова 2015 – *Башарымова Д.В.* Типология и социальные предпочтения российских студентов, получающих образование за рубежом // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 3. С. 237–244.
- ВЦИОМ... web – Эмиграционные настроения россиян-2018 [Всерос. центр изуч. обществ. мнения – ВЦИОМ] // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9187>.
- Глобальное образование... web (1) – Приложение 6 [Глобальное образование] // http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/Cooperation_participant_operator_agreement.pdf.
- Глобальное образование... web (2) – Таблица соответствия образовательных программ [Глобальное образование] // http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/Educational_programs_tabl_nov17.pdf.
- Глобальное образование... web (3) – Государственная программа Глобальное образование [Глобальное образование] // <http://educationglobal.ru/>.
- Дежина, Ключарев 2018 – *Дежина И.Г., Ключарев Г.А.* Российское образование для инновационной экономики: «болевые точки» // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 40–48. DOI: 10.31857/S013216250001957-5.
- Интерфизика... web – Программа исходящей международной академической мобильности [Интерфизика] // <http://im.interphysica.su/>.
- Латова 2011 – *Латова Н.В.* «Утечка умов» в системе институтов воспроизводства человеческого капитала современной России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. № 3 (3). С. 82–93.
- Леденева 2002 – *Леденева Л.И.* Профессионально-миграционные намерения российских студентов, обучающихся за рубежом // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 94–102.
- Президент Республики Татарстана... web – Молодые ученые являются активными участниками всех преобразований в нашей стране [Сайт Президента Республики Татарстана] // <http://president.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/1399878.htm>.
- Рязанцев и др. 2019 – *Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Безвербный В.А.* Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. № 2 (15), С. 420–435. DOI: 10.17059/2019-2-9.
- Рязанцев, Лукьянец 2016 – *Рязанцев С.В., Лукьянец А.С.* Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 1. С. 59–72.
- Рязанцев, Письменная 2013 – *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24–34.

- Сайт программы грантов... web – О конкурсе на соискание гранта АЛГАРЫШ [Сайт программы грантов Правительства РТ «АЛГАРЫШ»] // <http://alga.tatarstan.ru/rus/konkurs.htm>.
- Торкунов 2012 – *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4. С. 85–91.
- Центр международных программ... web – Пояснение к мониторингу трудовой отработки [Центр международных программ] // <https://www.bolashak.gov.kz/ru/vypuskniku/poyasnenie-k-monitoringu-trudovoj-otrabotki/2155-poyasnenie-k-monitoringu-trudovoj-otrabotki.html>.
- Artuç et al. 2015 – *Artuç E., Docquier F., Özden Ç., Parsons C.* A global assessment of human capital mobility: the role of non-OECD destinations // World Development. 2015. Vol. 26. P. 6–26. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.04.004.
- Becker 1975 – *Becker G.S.* Investment in human capital: effects on earnings // Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Second Edition. 1975. P. 13–44.
- Bin-Taleb 2013 – *Bin-Taleb A.* The upcoming oil: Why Saudis invest in higher education and scholarship. Riyadh: King Fahd National Library, 2013. 132 p.
- Campbell 2017 – *Campbell A.C.* How international scholarship recipients perceive their contributions to the development of their home countries: Findings from a comparative study of Georgia and Moldova // International Journal of Educational Development. 2017. Vol. 55. P. 56–62. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2017.05.004.
- CONICYT... web – Scholarship for postgraduate studies and abroad. Advanced Human Capital Training Program [CONICYT] // <https://www.conicyt.cl/becasconicyt/informes/>.
- DAAD... web – Budget and funding bodies [DAAD] // <https://www.daad.de/en/the-daad/what-we-do/education-expertise-services/facts-figures/budget-and-funding-bodies/>.
- Dassin, Marsh, Mawer 2018 – *Dassin J.R., Marsh R.R., Mawer M.* International scholarships in higher education: Pathways to social change. New York: Palgrave MacMillan, 2018. 407 p. DOI 10.1007/978-3-319-62734-2.
- Enkhtur 2018 – *Enkhtur A.* Government sponsored Mongolian graduates from Japan: Perceptions of Learning Experience // Electronic journal of contemporary Japanese studies. 2018. № 18 (3).
- Hilal, Scott, Maadad 2015 – *Hilal K.T., Scott S., Maadad N.* The Political, Socio-Economic and Sociocultural Impacts of the King Abdullah Scholarship Program (KASP) on Saudi Arabia // International Journal of Higher Education. 2015. № 4 (1). P. 254–267. DOI: 10.5430/ijhe.v4n1p254.
- Mcmanus, Nobre 2017 – *Mcmanus C., Nobre C.A.* Brazilian Scientific Mobility Program-Science without Borders-Preliminary Results and Perspectives // Anais da Academia Brasileira de Ciências. 2017. № 89(1). P. 773–786. DOI: 10.1590/0001-3765201720160829.
- Ministry of Education... web – KASP Scholarship Program [Ministry of Education] // <https://www.saudibureau.org/en/inside.php?ID=16>.
- Nunez-Parra, Ramos 2014 – *Nunez-Parra A., Ramos M.P.* Chile's dilemma: how to reinsert scientists trained abroad // F1000Research. 2014. Vol. 3. P. 1–5. DOI: 10.12688/f1000research.5287.1.
- OECD... web (1) – Education at a Glance 2009: OECD indicators [Paris: OECD Publishing] // <http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/43636332.pdf>.
- OECD... web (2) – How do OECD countries compare in their attractiveness for talented migrants? [OECD] // <https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-19.pdf>.
- Ozden, Wagner, Packard 2018 – *Ozden C., Wagner M., Packard M.* Moving for Prosperity: Global Migration and Labor Markets // Policy Research Report Overview, World Bank Group. 2018. Vol. 15. 289 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1281-1.
- Perna, Orosz, Jumakulov 2015 – *Perna L.W., Orosz K., Jumakulov Z.* Understanding the human capital benefits of a government-funded international scholarship program: An exploration of Kazakhstan's Bolashak program // International Journal of Educational Development. 2015. Vol. 40. P. 85–97. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2014.12.003.
- Science Without Borders... web – The Program [Science Without Borders] // <http://www.cienciasemfronteiras.gov.br/web/csf-eng/home>.
- Spengler 1977 – *Spengler J.J.* Adam Smith on human capital // The American Economic Review. 1977. № 67 (1). P. 32–36.
- The Boston Consulting Group... web – Russia 2025: resetting the talent balance [The Boston Consulting Group] // http://image-src.bcg.com/Images/russia-2015-eng_tcm26-187991_tcm9-192725.pdf.
- The Fulbright Program... web – Bureau of Educational and Cultural Affairs [The Fulbright Program] // <https://eca.state.gov/fulbright/about-fulbright>.
- UNESCO... web – Global Flow of Tertiary-Level Students [UNESCO Institute of Statistics] // <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.

REFERENCES

- Basharymova D.V., 2015. Typology and social preferences of Russian students studying abroad. *Bulletin of Pacific National University*, vol. 3, pp. 237-244.
- VTSIOM: Emigration settings of Russians-2018. *Vserossijskij centr izucheniya obshhestvennogo mneniya – VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9187>.
- Global Education. Appendix 6. *Global Education Website*. URL: http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/Cooperation_participant_operator_agreement.pdf.
- Global Education. Table of compliance of educational programs. *Global Education Website*. URL: http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/Educational_programs_tabl_nov17.pdf.
- Global Education. The State program Global Education. *Global Education Website*. URL: <http://educationglobal.ru/>.
- Dezhina I.G., Klyucharev G.A., 2018. Russian education for innovative economy: «pain points». *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 9, pp. 40-48. DOI: 10.31857/S013216250001957-5.
- Interphysica. Program of outgoing international mobility. *Interphysica Website*. URL: <http://im.interphysica.su>.
- Latova N.V., 2011. «Brain drain» in the system of institutions for the reproduction of human capital of modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 82-93.
- Ledeneva V.Yu., 2002. Professional and migration intentions of Russian students studying abroad. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 10, pp. 94-102.
- Young scientists are active participants in all transformations in our country. *The President of Tatarstan Republic Website*. URL: <http://president.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/1399878.htm>.
- Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Bezverbny V.A., 2019. International academic mobility in Russia. Trends, types, state stimulation. *Economy of Region*, vol. 15, no. 2, pp. 420-435. DOI: 10.17059/2019-2-9.
- Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., 2016. Emigration of youth from Russia: forms, trends, consequences. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa y politiki. Seriya obschestvennykh nauk*, vol. 1, pp. 59-72.
- Ryazantsev S.V., Pis'mennaya E.E., 2013. Emigration of scientists from Russia: “circulation of thought” or “brain drain”? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 4, pp. 24-34.
- About the competition for a grant ALGARYSH. *Website of the grant program of the Government of the Republic of Tatarstan «ALGARYSH»*. URL: <http://alga.tatarstan.ru/rus/konkurs.htm>.
- Torkunov A.V., 2012. Education as a soft power tool in Russian foreign policy. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 4, pp. 85-91.
- Explanation of monitoring work performance. *International program center*. URL: <https://www.bolashak.gov.kz/ru/vypuskniku/poyasnenie-k-monitoringu-trudovoj-otrabotki/2155-poyasnenie-k-monitoringu-trudovoj-otrabotki.html>.
- Artuç E., Docquier F., Özden S., Parsons, C., 2015. A global assessment of human capital mobility: the role of non-OECD destinations. *World Development*, vol. 26, pp. 6-26. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.04.004.
- Becker G.S., 1975. Investment in human capital: effects on earnings. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Second Edition*, pp. 13-44.
- Bin-Taleb A., 2013. *The upcoming oil: Why Saudis invest in higher education and scholarship*. Riyadh, King Fahd National Library. 132 p.
- Campbell A.C., 2017. How international scholarship recipients perceive their contributions to the development of their home countries: Findings from a comparative study of Georgia and Moldova. *International Journal of Educational Development*, vol. 55, pp. 56-62. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2017.05.004.
- Scholarship for postgraduate studies and abroad. Advanced Human Capital Training Program. *CONICYT Website*. URL: <https://www.conicyt.cl/becasconicyt/informes/>.
- Budget and funding bodies. *DAAD Website*. URL: <https://www.daad.de/en/the-daad/what-we-do/education-expertise-services/facts-figures/budget-and-funding-bodies>.
- Dassin J.R., Marsh R.R., Mawer M., 2018. *International scholarships in higher education: Pathways to social change*. New York, Palgrave MacMillan, 407 p. DOI: 10.1007/978-3-319-62734-2.
- Enkhtur A., 2018. Government sponsored Mongolian graduates from Japan: Perceptions of Learning Experience. *Electronic journal of contemporary Japanese studies*, vol. 3, no. 18.
- Hilal K.T., Scott S., Maadad N., 2015. The Political, Socio-Economic and Sociocultural Impacts of the King Abdullah Scholarship Program (KASP) on Saudi Arabia. *International Journal of Higher Education*, vol. 1, no. 4, pp. 254-267. DOI: 10.5430/ijhe.v4n1p254.
- Mcmanus C., Nobre C.A., 2017. Brazilian Scientific Mobility Program-Science without Borders-Preliminary Results and Perspectives. *Anais*

- da Academia Brasileira de Ciências*, vol. 1, no. 89, pp. 773-786. DOI: 10.1590/0001-3765201720160829.
- KASP Scholarship Program. *Ministry of Education Website*. URL: <https://www.saudibureau.org/en/inside.php?ID=16>.
- Nunez-Parra A., Ramos M.P., 2014. Chile's dilemma: how to reinsert scientists trained abroad. *F1000Research*, vol. 3, pp. 1-5. DOI: 10.12688/f1000research.5287.1.
- Education at a Glance 2009: OECD indicators. *OECD Website*. URL: <http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/43636332.pdf>.
- How do OECD countries compare in their attractiveness for talented migrants? *OECD Website*. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-19.pdf>.
- Ozden C., Wagner M., Packard M., 2018. Moving for Prosperity: Global Migration and Labor Markets. *Policy Research Report Overview. World Bank Group*, vol. 15. 289 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1281-1.
- Perna L.W., Orosz K., Jumakulov Z., 2015. Understanding the human capital benefits of a government-funded international scholarship program: An exploration of Kazakhstan's Bolashak program. *International Journal of Educational Development*, vol. 40, pp. 85-97. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2014.12.003.
- The program Science without border. *Science without borders Website*. URL: <http://www.cienciasemfronteiras.gov.br/web/csf-eng/home>.
- Spengler J.J., 1977. Adam Smith on human capital. *The American Economic Review*, vol. 1, no. 67, pp. 32-36.
- Russia 2025: resetting the talent balance. *The Boston Consulting Group Website*. URL: http://image-src.bcg.com/Images/russia-2015-eng_tcm26-187991_tcm9-192725.pdf.
- Bureau of educational and cultural affairs. *The Fulbright Program Website*. URL: <https://eca.state.gov/fulbright/about-fulbright>.
- Global Flow of Tertiary-Level Students. *UNESCO Institute of Statistics*. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.

Information About the Authors

Sergey V. Ryazantsev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, riazan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Galina N. Ochirova, Junior Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, galinaochirova93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2154-9604>

Julia E. Pletneva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, julpletneva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6689-3305>

Информация об авторах

Сергей Васильевич Рязанцев, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, ул. Фотиевой, 6, корпус 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, riazan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Тамара Керимовна Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, ул. Фотиевой, 6, корпус 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Галина Николаевна Очирова, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, ул. Фотиевой, 6, корпус 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, galinaochirova93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2154-9604>

Юлия Эдуардовна Плетнева, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, ул. Фотиевой, 6, корпус 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, julpletneva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6689-3305>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.9>

UDC 303.425.6

LBC 60.524

**SOCIO-ECONOMICAL RISKS OF THE PANDEMIC PERIOD
AND PRACTICES TO OVERCOME THEM:
GOVERNMENTS' POLICIES AND CITIZENS' STRATEGIES**

Nataliya M. Velikaya

Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Natalia I. Belova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the reaction of the societies of four countries (the United States, Great Britain, Italy and Russia) to the global risks and challenges associated with the spread of the coronavirus epidemic, which has grown from a health problem to a global political and economic one. Considering the socio-economic risks of the pandemic as the most significant for the lives of citizens of different countries, the authors operationalize them through the fears of public consciousness. The events of the last year have shown that the increased fear and panic among the population in the face of “new infections” has turned into a global problem. The specifics of the life organization in the context of the spread of the pandemic have contributed to the emergence of new distinct socio-economic and socio-political practices that require analysis. The obvious request to the authorities from the population of different countries to ensure the adoption of timely and effective measures to prevent the spread of infection and minimize its consequences also actualize the study of public attitudes during the pandemic in a comparative context. Based on a comparative international online survey, the main socio-economic risks and fears of residents of the four countries were identified, which included both general threats to well-being (low incomes, unemployment, lack of prospects in life, housing problems, etc.) and threats actualized by the pandemic situation (difficulties in obtaining medical care, the high cost of medicines, the inability to go on vacation, difficulties with obtaining education). The differences in satisfaction with the socio-economic situation in the countries, including the response to the actions of governments and local authorities, were analyzed. The review of individual strategies for coping with crisis situations showed significant differences across countries. At the same time, in assessing the activities of the authorities, respondents demonstrate unanimity, showing dissatisfaction with the measures taken and concern for their well-being in the future. The conclusion is made about the actualization of socio-economic fears during the spread of the pandemic and the widespread deterioration of the social well-being of the population.

Key words: social and political risks, social threats, poverty, state policy, citizen's behavior strategies, pandemic COVID-19.

Citation. Velikaya N.M., Belova N.I. Socio-Economical Risks of the Pandemic Period and Practices to Overcome Them: Governments' Policies and Citizens' Strategies. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 78-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.9>

УДК 303.425.6
ББК 60.524

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ И ПРАКТИКИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ: ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ И СТРАТЕГИИ ГРАЖДАН

Наталья Михайловна Великая

Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Наталья Ильинична Белова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена реакции обществ четырех стран (США, Великобритании, Италии и России) на глобальные риски и вызовы, связанные с распространением эпидемии коронавируса, которая переросла из проблемы здравоохранения в глобальную политическую и экономическую проблему. Рассматривая социально-экономические риски пандемии как наиболее значимые для жизни граждан разных стран, авторы операционализируют их через страхи общественного сознания. События последнего года продемонстрировали, что обострившиеся страх и паника среди населения перед «новыми инфекциями» переросли в глобальную проблему. Специфика организации жизни в условиях распространения пандемии способствовала появлению новых отличных социально-экономических и социально-политических практик, которые требуют анализа. Очевидный запрос к власти со стороны населения разных стран обеспечить принятие своевременных и эффективных мер в распространения инфекции и минимизации ее последствий также актуализируют изучение общественных настроений в период пандемии в сравнительном контексте. На основе сравнительного международного онлайн опроса были выявлены основные социально-экономические риски и страхи жителей четырех стран, которые включали в себя как общие угрозы благополучию (низкие доходы, безработица, отсутствие перспектив в жизни, проблемы с жильем и т. д.), так и угрозы, актуализированные ситуацией пандемии (трудности с получением медицинской помощи, дороговизна лекарственных средств; невозможность уехать в отпуск, сложности с получением образования). Были проанализированы различия в удовлетворенности социально-экономической ситуации в странах, в том числе реакции на действия правительств и местных органов власти. Рассмотрение индивидуальных стратегий преодоления кризисных ситуаций показало существенные различия по странам. При этом в оценках деятельности власти респонденты демонстрируют единодушие, проявляя неудовлетворенность принимаемыми мерами и обеспокоенность своим благополучием в будущем. Сделан вывод об актуализации страхов социально-экономического толка в период распространения пандемии и повсеместном ухудшении социального самочувствия населения.

Ключевые слова: социально-экономические риски, социальные угрозы, бедность, политика государства, стратегии поведения граждан, пандемия COVID-2019.

Цитирование. Великая Н. М., Белова Н. И. Социально-экономические риски периода пандемии и практики их преодоления: политика государств и стратегии граждан // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 78–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.9>

Еще 20 лет назад в одном из докладов Совета безопасности ООН [Доклад Совета Безопасности ООН... web] экспертами было заявлено, что инфекционные болезни из медицинских проблем переросли в разряд глобальных политических проблем. События последнего года, связанные с коронавирусной инфекцией COVID-19 служат тому подтверждением. Пандемия как планетарная международная реаль-

ность в которой живут граждане разных стран, еще раз доказывает, что вирусы, вызывающие инфекционные болезни, не признают границ и суверенность государств.

Как заметил Генеральный директор ВОЗ по прошествии практически года с момента начала пандемия COVID-19, она стала неожиданностью даже для ряда самых богатых и могущественных стран мира. Она застала

их врасплох и выявила коллективную неспособность вкладывать ресурсы в обеспечение готовности к чрезвычайным ситуациям [Вступительное слово... web].

Многие эксперты строят крайне неблагоприятные прогнозы и отмечают, что нынешний кризис имеет кардинальные отличия от предыдущих, он уже повлиял на все сферы и отрасли экономики [Романова, Медведева 2020] и внес существенные изменения в повседневную жизнь обычных людей [Белова, Великая, Фадеева 2020, 187]. При этом, правительства различных стран отмечают, что ни один из механизмов и доступных инструментов, применявшихся во время предыдущих экономических кризисов, в нынешней ситуации не способен устранить риски и угрозы, и служить универсальным средством для уверенного экономического ответа на пандемию [Великая, Ирсетская, Великая 2020, 224]. В поиске наиболее приемлемой модели выхода из общемирового кризиса участвуют правительства всех стран мира. Однако для минимизации его последствий требуется международное сотрудничество нового типа, т.к. «только скоординированный международный ответ позволит противостоять новым рискам и бедствиям» [Шермет 2020, 140].

Выявление социального самочувствия граждан, основанного на оценке социально-экономической и политической ситуации, особенно в кризисные периоды, такие как пандемии, представляется актуальным. Оно позволяет оценить правильность принятия политических решений, а также определить уровень социальной напряженности и социального самочувствия граждан. В свою очередь, очевидный запрос к власти со стороны населения разных стран обеспечить принятие своевременных и эффективных мер в предотвращении и распространения инфекции и минимизации ее последствий также актуализиру-

ют изучение общественных настроений в период пандемии в сравнительном контексте.

В этой связи представляется важным определить не только основные направления антикризисных мер, принимаемых различными государствами, но, прежде всего, выявить оценку гражданами эффективности мер, принимаемых своими правительствами, а также выяснить наиболее распространенные практики преодоления населением социально-экономических проблем в период пандемии.

В основу данной статьи легли результаты онлайн-опроса «Сравнительное социологическое исследование: новые угрозы и практики их преодоления в условиях пандемии» жителей четырех стран (Россия, Великобритания, Италия и США), проведенное в августе-сентябре 2020 г. методом полуструктурированного интервью. Всего было опрошено 1200 жителей, выборочная совокупность строилась квотным-гнездовым методом, где гнездом выступала страна или регион, с соблюдением квоты по полу и возрасту. Опросник для жителей Италии, Великобритании и США был переведен на соответствующий язык¹.

Общая оценка удовлетворенности ситуацией и жизнью в странах показывает, что угрозы благополучия актуализируются и определяются особенностями экономической ситуации в стране и социально-экономическим положением индивидов: дороговизна жизни, безработица, рост цен, разделение общества на богатых и бедных.

Несмотря на это, более половины граждан в целом удовлетворены своей жизнью. Обратим внимание, что каждый десятый житель Великобритании, США и России говорил о полной неудовлетворенности жизнью в стране. Однако наибольшая доля, высказывающих недовольство и неудовлетворенность жизнью, – это жители Италии (скорее не удовлетворен – 39,0% и не удовлетворен – 6,0%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Удовлетворенность жизнью в стране, %

Степень удовлетворенности	Распределение ответов по странам			
	РФ	Великобритания	Италия	США
Полностью удовлетворен(-а)	16,7%	13,0%	7,7%	19,3%
Скорее удовлетворен(-а)	39,3%	49,0%	45,7%	41,3%
Полностью не удовлетворен(-а)	11,0%	11,0%	6,0%	11,7%
Скорее не удовлетворен(-а)	29,7%	27,0%	39,0%	25,3%
Затрудняюсь ответить	3,3%	0,0%	1,7%	2,3%

Среди факторов, которые негативно влияют на социальное самочувствие, осложняют жизнь – проблемы социально-экономического порядка. В первую очередь респондентов беспокоят «низкие доходы, нехватка денег». В максимальной степени проблемой низких доходов обеспокоены россияне (66 % опрошенных). Что касается жителей других стран, то вышеназванной проблемой озабочены чуть более половины жителей Великобритании (54 %) и более $\frac{2}{5}$ граждан Италии и США (45 % и 42 % соответственно). Такие ответы лишний раз свидетельствуют о наличии общемирового кризиса, когда жители абсолютно всех стран испытывают экономические трудности, не имеют должной материальной поддержки, теряют доходы.

Надо сказать, что по самооценкам в Российской Федерации 42 % жителей не имеют «нормальной работы» и более трети заявляют об отсутствии возможности карьерного роста и перспектив в жизни в целом, более того, по сравнению с жителями других стран, россияне испытывают трудности с выплатами кредитов (пятая часть опрошенных). Прямым подтверждением критической ситуации в финансово-экономическом положении наших граждан являются официальные данные Банка России [Задолженность по кредитам... web]. На протяжении нескольких лет наблю-

дается постоянный рост задолженности по банковским кредитам, предоставленным россиянам (физическим лицам – резидентам), однако в период пандемии уровень долга значительно вырос. Так, в сентябре 2020 г., на момент проведения нами опроса, закредитованность населения России была равна 19,2 трлн руб., а годом ранее – 16,9 трлн руб. Обратим внимание, что за пять лет долг граждан перед банками увеличился практически в два раза (сентябрь 2015 г. – 10,4 трлн руб.) [Сведения о задолженности... web]. Возвращаясь к данным нашего опроса отметим, что респонденты из России демонстрируют самый высокий уровень обеспокоенности практически по всем индикаторам: «трудности с получением мед помощи» (39 %), «невозможность дать детям хорошее образование» (22 %) и др. (см. табл. 2).

Оценки социально-экономической ситуации на макроуровне – уровне страны, показывают, что подавляющее большинство жителей четырех стран характеризуют экономическую ситуацию как «напряженную, кризисную», а иной раз и как «критическую, взрывоопасную». Прослеживается корреляция между угрозами социально-экономического характера и более высокой оценкой экономических рисков периода пандемии: возможность сокращения доходов и зарплат, потеря работы, сни-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что особенно осложняет лично Вашу жизнь или жизнь вашей семьи?» (в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	Распределение ответов по странам			
	РФ	Великобритания	Италия	США
Низкие доходы, нехватка денег	66%	54%	45%	42%
Отсутствие перспектив в жизни, невозможность карьерного роста	37%	28%	24%	22%
Отсутствие нормальной работы	42%	23%	20%	19%
Невозможность улучшить жилищные условия	32%	26%	24%	19%
Трудности с получением медицинской помощи, дороговизна лекарственных средств	39%	15%	17%	20%
Невозможность выйти в отпуск, отдохнуть	14%	25%	25%	29%
Отсутствие безопасности на улицах, в общественных местах	21%	20%	18%	17%
Сложности с выплатой кредитов	19%	13%	17%	16%
Очень плохая экология в нашем городе (районе)	18%	15%	13%	10%
Невозможность дать детям хорошее образование	21%	10%	11%	7%
Затрудняюсь ответить	5%	3%	6%	6%

жение уровня и качества жизни. При этом значимость угроз, связанных с экономическим благополучием, наблюдается в большей степени в России и Италии. Что касается результатов опроса жителей других стран, то в Великобритании 85,6 % граждан демонстрируют пессимистические взгляды на состояние дел в экономической сфере (68,3 % – «напряженная, кризисная» и 17,3 % – «критическая, взрывоопасная»). Замыкает четверку результаты ответов граждан Соединенных штатов Америки – 79,3 % (54,3 и 19,0 % соответственно).

Напомним, что пальму первенства в своеобразном антирейтинге занимает Италия, где основная масса опрошенных (92,7 %) дает негативные оценки социально-экономической ситуации в стране («напряженная, кризисная» – 75,0 % и «критическая, взрывоопасная» – 17,7 %). На наш взгляд это связано с тем, что Италия, во-первых, одна из первых стран столкнулась с последствиями пандемии коронавируса, а во-вторых, значительную долю ВВП в стране составляет сфера туризма, которая из-за введения ограничений на передвижение за последний год наиболее пострадала. Добавим, что проблема безработицы для Италии остается одной из самых острых на протяжении уже нескольких лет. На момент проведения опроса уровень безработицы в стране был равен 9,5 %, а годом ранее, в сентябре 2019 г. – 9,7 % [Италия – Общая... web].

В свою очередь ситуация в России выглядит следующим образом: 86,4 % озабочены экономической ситуацией в стране и характеризуют ее, как «напряженную, кризисную» (68,7 %) или «критическую, взрывоопасную» (17,7 %). По данным Сбербанка (лаборатория «СберДанные»), являющегося лидером на рынке зарплатных проектов, в 2020 г. наблюдается снижение фонда оплаты труда (ФОТ) [Изменение объема ФОТ... web] по всем отраслям

экономики. При этом наибольшее сокращение ФОТ фиксируется в первые месяцы введенного Lockdown (март-май 2020). В этот период снижена заработная плата 75 % россиян, работающих в основных отраслях экономики. Эксперты [Гордеев, Старостина... web] обращают внимание, что работодатели использовали различные формы сокращения ФОТ, позволившие сохранить численность работников: урезание стимулирующей и основной части заработной платы, перевод части сотрудников на неполный рабочий день либо в неоплачиваемый отпуск. Тем не менее, к сентябрю 2020 г. практически 4,8 млн россиян (6,3 % всей рабочей силы) [Занятость и безработица... web] оказались безработными. Рост произошел, прежде всего, за счет уволенных в период пандемии. В наиболее уязвимом (прекаризованном) положении оказались неквалифицированные рабочие и люди с невысокими заработками. Поэтому становится понятным, что «увеличение социально-экономической дистанции между богатыми и бедными...на фоне пандемии особенно ярко иллюстрирует ситуация в России» [Шеремет 2020, 140].

Ввиду того, что ухудшение социально-экономической ситуации наблюдается во всех странах, нам представлялось крайне важным выяснить самооценку уровня благополучия отдельных индивидов и семей. Самые низкие оценки, связанные с уверенностью в защищенности от потенциальных экономических кризисов оказалась у респондентов из России (44,3 %). Наиболее уверенно в завтрашний день, с экономической точки зрения, смотрят практически четверть жителей США (23,0 %) и, как ни парадоксально, Италии (24,3 %), которые отметили, что высоко оценивают свою защищенность (см. табл. 3).

Заметим, что управление ситуацией, связанной с распространением коронавирусной инфекции, потребовало от политической власти

Таблица 3

Оценка респондентами степени своей защищенности от возможных экономических потрясений и кризисов, %

Степень защищенности	Распределение ответов по странам				Общий итог
	РФ	Великобритания	Италия	США	
Высокая	6,0%	14,7%	24,3%	23,0%	17,0%
Средняя	45,7%	61,0%	55,3%	51,3%	53,3%
Низкая	44,3%	21,0%	17,7%	19,0%	25,5%
Затрудняюсь ответить	4,0%	3,3%	2,7%	6,7%	4,2%

разработки и принятия целого комплекса мер в самых различных сферах, которые носили как ограничительный, так и поддерживающий, стимулирующий характер. По мнению отдельных экспертов, «...Никто не мог предположить, что государства, как политическая форма организации обществ, способны сформировать новую (хотя и временную) экономическую поведенческую модель... Такое связанное с не экономическими причинами критическое падение спроса и предложения, обусловленное масштабным государственным вмешательством в рыночные механизмы, произошло впервые в новейшей истории мирового хозяйства» [Белов 2020, 5].

Анализ источников позволяет выделить наиболее распространенные социально-экономические меры, которые использовали правительства разных стран (Италия [COVID-19, Misure... web], Великобритания [Coronavirus: UK... web; Chancellor's statement... web] и США [Cochrane, Fandos... web]):

– во-первых, это меры по поддержке национальных систем здравоохранения, а также других субъектов, участвующих в оказании медицинской помощи и борьбе с эпидемией;

– во-вторых, широкий спектр мер, направленных на поддержку уровня жизни и платежеспособности семей (Италия), в том числе в виде прямых выплат гражданам, включая дополнительные выплаты на детей (США);

– в-третьих, это программы государственного кредитования, гарантированные займы (США) и денежные гранты для самозанятых (Великобритания) малым предприятиям и малому бизнесу, а также поддержка компаний с целью предотвращения безработицы, в том числе секторальная поддержка (например, поддержка индустрии туризма (Италия));

– в-четвертых, различные налоговые меры для населения и бизнеса.

Что касается Российской Федерации, то наиболее значимыми и продуктивными мерами поддержки были следующие: финансовая поддержка некоторых отраслей промышленности [Федеральный закон от 08.06.2020... web; Постановление Правительства РФ от 24.04.2020... web], меры в области социальной поддержки врачей, предусматривающие дополнительные выплаты медицинским ра-

ботникам, работающим в красной зоне; меры социальной поддержки детей и родительства. Так, дополнительные меры материального характера для домохозяйств, где проживают дети от 3 до 7 лет должна была начать действовать с июля 2020 г., однако В. Путин распорядился ускорить процесс и начать выплаты семьям с июня 2020 г. [Обращение к гражданам... web].

При этом респонденты проявили удивительное единодушие в плане оценки деятельности своих правительств по поддержке бизнеса и граждан. Практически по всем позициям треть опрошенных дают среднюю оценку «мерам социально-экономической поддержки населения» – «3 – удовлетворительно»: от 28,0 % (поддержка работников и компаний с целью предотвращения безработицы) до 33,0 % (мораторий на налоги для малого и среднего бизнеса). Напомним, что самооценка собственных социально-экономических проблем, намного выше среднего, чем оценки проводимой политики по предоставлению мер поддержки. Косвенно это может свидетельствовать либо о том, что среди наших опрошенных крайне мало тех, кто относится к лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию и нуждающихся в мерах социальной поддержки, либо наблюдается общемировая проблема – невозможность или нежелание правительств решать проблемы своих граждан. Немного, но все-таки большее количество респондентов, оценивают практики конкретных государств мира по поддержке граждан и бизнеса (малого и среднего), в связи с пандемией коронавируса, на «3 (удовлетворительно)».

Учитывая, что меры, принимаемые государственными органами зачастую носили не только стимулирующий и поддерживающий характер, но и ограничительный, общество довольно неоднозначно реагировало на эти инициативы, что подтверждается и данными других исследований [Ashraf web].

Опрос показал, что более половины жителей Великобритании (63,7 %) и США (50,3 %) склоняются к тому, что действия властей страны по борьбе с вирусом недостаточны, а в Италии и России, напротив, значительное количество людей считают, что были приняты все необходимые меры (49,0 и 39,3 %

соответственно), и частично даже избыточные (7,7 и 18,0 % соответственно). Россияне в этом контексте продемонстрировали максимальное неудовольствие в связи с избыточностью мер, что как известно, сопровождалось, повсеместным нарушением масочного режима.

Похожая ситуация наблюдается и в оценках действий властей региона, здесь также результаты демонстрируют определенный раскол. В США и Италии мнения поделились практически поровну: 41,7 % жителей Америки говорят о достаточности принятых мер, что все необходимые меры были приняты, а 42,7 % утверждают, что они были недостаточны. Такая же картина и в Италии: 45 % против 44,7 %. В России же пятая часть придерживается мнения, что региональная и местная власть приняла слишком жесткие и ненужные меры (21,7 %), а вот четвертая часть, напротив, думает, что принятые меры недостаточны.

Имеет смысл остановиться и на международном контексте пандемии, в частности, усилиях международных организаций в плане выработки консолидированных действий и оказания помощи другим странам.

Наш опрос не выявил особой дифференциации в ответах респондентов по странам при

оценке эффективности работы международных организаций по профилактике и минимизации последствия пандемии, что во многом было связано и с запаздывающими стратегиями названных организаций, и с их устойчиво-негативным медиа-образом (см. табл. 4).

Безусловно, «удовлетворенность жизнью в стране» как индикатор социального самочувствия, может свидетельствовать о латентных, но достаточно серьезных дезинтеграционных, порой даже деструктивных процессах. Он тесно связан с другим показателем социального самочувствия – оценкой своего будущего. Так, наименьшую уверенность в завтрашнем дне высказали жители Италии и России. Наиболее уверены в своем будущем, в завтрашнем дне респонденты из США (см. табл. 5).

Очевидно, что нестандартная, кризисная пандемическая ситуация вызывала целую серию «страхов», которые определяли и социально-психологическое самочувствие населения, и выработку определенных стратегий преодоления возможных трудностей. По результатам опроса выделены 3 группы «страхов будущего»: экономические, социально-направленные и связанные со здоровьем.

Таблица 4

Оценка эффективности работы международных организаций по профилактике и минимизации последствий пандемии коронавируса по пятибалльной шкале, средний балл

Перечень Международных организаций	Средний балл по странам			
	РФ	Великобритания	Италия	США
Организация объединенных наций (ООН)	3,0	2,8	2,7	2,8
Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)	3,0	3,0	2,9	3,0
Международный чрезвычайный детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)	2,9	2,8	2,8	2,8
Международная организация труда (МОТ)	2,8	2,7	2,7	2,8

Таблица 5

Уверенность в завтрашнем дне, %

Варианты ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?»	Распределение ответов по странам			
	РФ	Великобритания	Италия	США
Да	3,7%	11,0%	4,3%	22,7%
Скорее да	28,0%	34,3%	18,0%	39,7%
Нет	25,0%	20,0%	19,7%	13,3%
Скорее нет	38,7%	30,3%	49,0%	19,3%
Затрудняюсь ответить	4,7%	4,3%	9,0%	5,0%
<i>Общий итог</i>	<i>100,0%</i>	<i>100,0%</i>	<i>100,0%</i>	<i>100,0%</i>

В контексте нашей статьи обратим внимание лишь на «экономические страхи». Из всего перечня возможных событий и явлений, связанных с пандемией коронавируса и относящихся к экономическим, жителей всех стран больше всего тревожит высокая инфляция (52 %), потеря работы (51 %) и потеря сбережений (50 %). Отметим, что у россиян более выражено проявились экономические страхи, связанные с сокращением заработной платы и потерей работы (по 58 %), однако лидерами являются страх «высокой инфляции, роста цен (65 %) и потери сбережений, накоплений (61 %). На наш взгляд это может быть связано с тем, что многие уже потеряли работу или часть своих доходов, что отображено выше.

При этом в вопросе о действиях респондентов в случае ухудшения материального положения семьи, именно граждане Российской Федерации показали наибольшую готовность к поиску новой работы или подработки (37 %), в то время как в Великобритании и Италии люди более склонны к экономии на продуктах, услугах и удовольствиях. Третьей стратегией выбрана – трата накоплений, сбережений, однако количество россиян, выбравших этот ответ, практически вдвое меньше, чем жителей других стран: Великобритания (21 %), Италия (19 %), США (16,9 %) и Россия (10 %), что вполне закономерно, учитывая объемы накоплений российских граждан и количество населения, имеющего эти накопления (см. табл. 6).

Надо сказать, что россияне вообще более пессимистично настроены и выбирают те

варианты, которые наименее популярны у жителей зарубежных стран. Вот какие стратегии выхода из сложного экономического положения, хоть и не являющиеся топовыми, свойственны именно нашим гражданам: «ничего не будут предпринимать» – 6,7 %, «буду участвовать в митингах, демонстрациях» – 8,0 %, «рассмотрю варианты эмиграции (уеду из страны)» – 10,3 %.

В заключении отметим, что на момент проведения исследования каждый десятый (13,0 %), участвовавший в нашем опросе (сам либо близкие родственники), столкнулся с инфицированием COVID-2019. При этом страх заразиться наиболее актуален был для жителей Италии и США. Что касается россиян, то практически четверть (24 %) были совершенно не обеспокоены возможностью заразиться и заболеть. При этом практически пятая часть граждан, как россиян, так и других стран, указали на сложность с получением медицинской помощи. Но все же половина участников опроса к наиболее значимым проблемам периода пандемии отнесли социально-экономические – низкие доходы и нехватка денежных средств; каждый четвертый указал на отсутствие нормальной работы, а каждый пятый – на сложности с выплатой кредитов.

Хотя уровень тревожности и различается по странам, максимальное беспокойство везде вызывают проблемы социально-экономического плана, связанные с повседневной жизнью семьи, с возможностью благополучного будущего себя и детей, с ухудшением экономической ситуации в условиях пандемии.

Таблица 6

Поведенческие стратегии при ухудшении материального положения, %

Варианты ответов	Распределение ответов по странам			
	РФ	Великобритания	Италия	США
Пытаться искать новую работу, подрабатывать где-то еще	37,0%	17,3%	23,3%	24,3%
Экономить на продуктах, отказывать себе в некоторых удовольствиях	24,0%	34,3%	31,3%	25,0%
Участвовать в митингах, демонстрациях	8,0%	2,0%	3,7%	2,3%
Потихоньку начну тратить свои сбережения (то, что отложил на «черный день»)	10,0%	21,0%	19,0%	17,7%
Ничего предпринимать не буду – это бесполезно	6,7%	4,0%	5,0%	6,7%
Рассмотрю варианты эмиграции (уеду из страны)	10,3%	4,3%	8,3%	5,0%
Затрудняюсь ответить	3,3%	4,3%	4,0%	6,3%
Другое (запишите)	0,7%	1,0%	0,3%	0,7%

Несмотря на существенное ухудшение социально-психологического самочувствия, общество демонстрирует высокую способность адаптации к кризисным ситуациям: появились и закрепились новые социальные практики, оформились новые социальные нормы, выявились разные стратегии преодоления социально-экономических проблем на индивидуальном уровне.

Спустя полгода после начала эпидемии, респонденты невысоко и неоднозначно оценивали усилия органов власти и эффективность принятых мер. Негативные последствия для экономики и социальной жизни проявились и в обострении социального неравенства, и в нарушении социальных взаимодействий, и в повышении уровня социально-политической тревожности.

На фоне сохраняющейся лояльности к власти, более заметным становится запрос обеспечить принятие адекватных мер, чтобы с одной стороны, предотвратить распространение коронавирусной инфекции, исключив ограничения прав и свобод граждан, а с другой, минимизировать экономические риски и социальные последствия пандемии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Инициативный международный опрос «Сравнительное социологическое исследование: новые угрозы и практики их преодоления в условиях пандемии» Авторский коллектив под научным руководством проф. Н.М. Великой (Центр социологических исследований РГГУ). Межстрановый полуформализованный онлайн-опрос проведен в августе – сентябре 2020 года. Было опрошено 1200 жителей четырех стран: Великобритании, Италии, РФ и США. Выборочная совокупность строилась квотно-гнездовым методом, где гнездом выступала страна или регион, с соблюдением квоты по полу и возрасту. Опросник для жителей Италии, Великобритании и США был переведен на соответствующий язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов 2020 – *Белов В.Б.* COVID-19 – Game Changer европейской экономики? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 3. С. 4–12.
- Белова, Великая, Фадеева 2020 – *Белова Н.И., Великая Н.М., Фадеева Е.В.* Социальные страхи россиян в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // I Российско-Иранский социологический форум: сб. тез. докл. участников форума (г. Москва, 16–18 ноября 2020 г.) / отв. ред. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская; ФНИСЦРАН. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА». 2020. С. 186–196.
- Великая, Ирсетская, Великая 2020 – *Великая Н.М., Ирсетская Е.А., Великая Т.В.* Особенности политического дискурса в период пандемии / I Российско-Иранский социологический форум: сб. тез. докл. участников форума (г. Москва, 16–18 ноября 2020 г.) / отв. ред. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская; ФНИСЦРАН. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА». 2020. С. 224–236.
- Вступительное слово... web – Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на 148-й сессии Исполнительного комитета. 18.01.2021 // <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-148th-session-of-the-executive-board>
- Гордеев, Старостина... web – *Гордеев В., Старостина Ю.* Сбербанк зафиксировал падение зарплат у половины работающих россиян. Фонд оплаты труда резко сократился из-за последствий пандемии COVID-19. 10.07.2020 // <https://www.rbc.ru/economics/10/07/2020/5f085bc89a794796d50c3017>.
- Доклад Совета Безопасности ООН 16 июня 2000 года... web – Доклад Совета Безопасности 16 июня 2000 года – 15 июня 2001 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят шестая сессия Дополнение No 2 (A/56/2) // [https://undocs.org/ru/A/56/2\(SUPP\)](https://undocs.org/ru/A/56/2(SUPP)).
- Задолженность по кредитам... web – Задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам. Официальный сайт банка России // <https://cbr.ru/statistics/table/?dt=20190101&tableid=4-5>.
- Занятость и безработица... web – Занятость и безработица в Российской Федерации в сентябре 2020 года. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/200.htm.
- Изменение объема ФОТ... web – Изменение объема ФОТ. Сайт СберИндекс // <https://www.sberindex.ru/ru/dashboards/izmenenie-obema-fot?partition=6>.
- Италия – Общая... web – Италия – Общая численность безработных. Trading Economics // <https://ru.tradingeconomics.com/italy/unemployed-persons>.
- Обращение к гражданам... web – Обращение к гражданам России президента РФ (23.06.2020).

- Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63548>.
- Постановление Правительства РФ... web – Постановление Правительства РФ от 24.04.2020 № 576 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, ведущим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73855337>.
- Романова, Медведева 2020 – Романова Г.Г., Медведева П.И. Состояние различных сфер экономики в период всемирной пандемии // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 5. С. 219–227.
- Сведения о задолженности... web – Сведения о задолженности по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам-резидентам [ЕМИСС Государственная статистика] // <https://www.fedstat.ru/indicator/42861#>.
- Федеральный закон от 08.06.2020... web – Федеральный закон от 08.06.2020 № 172-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354470.
- Шеремет 2020 – Шеремет А.Н. Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 4. С. 136–141.
- Ashraf web – Ashraf B.N. Economic impact of government interventions during the COVID-19 pandemic: International evidence from financial markets [Journal of behavioral and experimental finance. 2020. Vol. 27] // <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2214635020302422> <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2020.100371>.
- Cochrane, Fandos web – Cochrane E., Fandos T. Senate Approves \$2 Trillion Stimulus After Bipartisan Deal // The New York Times, 05.05.2020 // <https://www.nytimes.com/2020/03/25/us/politics/coronavirus-senate-deal.html>.
- Coronavirus: UK... web – Coronavirus: UK government unveils aid for self-employed // BBC News. 26.03.2020 // <https://www.bbc.com/news/uk-52053914>.
- COVID-19, Misura... web – COVID-19, Misura Straordinarie Per La Tutela Della Salute E Il Sostegno All'economia. Governo Italiano Presidenza del Consiglio dei Ministri // <http://www.governo.it/it/articolo/comunicato-stampadel-consiglio-dei-ministri-n-37/14324>.
- Chancellor's statement... web – Chancellor's statement on coronavirus (COVID-19). 26 March 2020. Coronavirus press conference 26 March 2020 // <https://www.gov.uk/government/speeches/chancellor-outlines-new-coronavirus-support-measures-for-the-self-employed>.

REFERENCES

- Belov V.B., 2020. COVID-19 – Game Changer of European economy. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN*, no. 3. pp. 4-12.
- Belova N.I., Velikaya N.M., Fadeeva E.V., 2020. Social fears of Russians in the conditions of the pandemic COVID-19. Ryazantsev S.V. (ed.), Rostovskaya T.K. (ed.). *I Rossiysko-Iranskiy sotsiologicheskiy forum: sb. tez. dokl. uchastnikov foruma (g. Moskva, 16–18 noyabrya 2020 g.)*. FNISTS RAN. Moscow, ITD «PERSPEKTIVA», 2020, pp. 186-196.
- Velikaya N.M., Irsetskaya E.A., Velikaya T.V., 2020. Features of political discourse during the Pandemic. Ryazantsev S.V. (ed.), Rostovskaya T.K. (ed.). *I Rossiysko-Iranskiy sotsiologicheskiy forum. Sbornik tezisov dokladov uchastnikov foruma (g. Moskva, 16–18 noyabrya 2020 g.)*. FNISTS RAN. Moscow, ITD «PERSPEKTIVA», 2020, pp. 224-236.
- WHO Director-General's opening remarks at 148th session of the Executive Board. 18.01.2021. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-148th-session-of-the-executive-board>.
- Gordeev V., Starostina U. *Sberbank committed salaries declining of the half of employing Russians. Wages Fund was reduced because of consequences of COVID-19 Pandemic 10.07.2020*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/07/2020/5f085bc89a794796d50c3017>.
- Report of the Security Council 16 June 2000-15 June 2001 General Assembly Official Records Fifty-sixth Session Supplement no. 2 (A/56/2). URL: [https://undocs.org/en/A/56/2\(SUPP\)](https://undocs.org/en/A/56/2(SUPP)).
- Credit indebtedness granted to resident individuals. Official Website of Bank of Russia. URL: <https://cbr.ru/statistics/table/?dt=20190101&tableid=4-5>.
- Employment and unemployment in the Russian Federation in September 2020. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/200.htm.
- Changing of Wage Fund. Official Web-site of Sberbank. URL: <https://www.sberindex.ru/ru/dashboards/izmenenie-obema-fot?partition=6>.

- Total unemployment in Italy. Trading Economics.* URL: <https://ru.tradingeconomics.com/italy/unemployed-persons>.
- President's address to the citizens (23.06.2020) Official website of the President of Russia.* URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63548>.
- Resolution of the Government of the Russian Federation from 24.04.2020 No. 576 "On approval of Rules of granting subsidies from the Federal budget to small and medium-sized businesses, leading operations in sectors of the Russian economy, the worst affected in the deteriorating situation with the spread of a new coronavirus infection in 2020".* URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73855337>.
- Romanova G.G., Medvedeva P.I., 2020. State of different spheres of economy during world pandemic. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki*, no. 5, pp. 219-227.
- Information about credit indebtedness granted to resident individuals by credit organization. EMISS. Federal Statistics.* URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42861#юEmployment and unemployment in the Russian Federation in September 2020. Official website of the Federal State Statistics Service>. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/200.htm.
- Federal law of 08.06.2020 № 172-FZ (ed. from 29.12.2020) "On amendments to part two of the Tax code of the Russian Federation".* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354470.
- Sheremet A.N., 2020. Pandemic of inequality. Socio-economical aspects and consequences of COVID-19. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya*, no 4, pp. 136-141.
- Ashraf B.N., 2020. Economic impact of government interventions during the COVID-19 pandemic: International evidence from financial markets. *Journal of behavioral and experimental finance*, 2020, vol. 27. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2214635020302422>.
- Cochrane E., Fandos T., 2020. Senate Approves \$2 Trillion Stimulus After Bipartisan Deal. *The New York Times*, 05.05.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/25/us/politics/coronavirus-senate-deal.html>.
- Coronavirus: UK government unveils aid for self-employed. *BBC News*, 26.03.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-52053914>.
- COVID-19, Misure Straordinarie Per La Tutela Della Salute E Il Sostegno All'economia. Governo Italiano Presidenza del Consiglio dei Ministri.* URL: <http://www.governo.it/it/articolo/comunicato-stampa-del-consiglio-dei-ministri-n-37/14324>.
- Chancellor's statement on coronavirus (COVID-19): 26 March 2020. Coronavirus press conference 26 March 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/chancellor-outlines-new-coronavirus-support-measures-for-the-self-employed>.

Information About the Authors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Deputy Director for Science, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation; Dean, Sociology Faculty, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, GSP-3, 125993 Moscow, Russian Federation, natalivelikaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>

Natalia I. Belova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, GSP-3, 125993 Moscow, Russian Federation, n.i.belova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0336-7145>

Информация об авторах

Наталия Михайловна Великая, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по науке, Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, ул. Фотиевой, 6, корпус 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация; декан социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125993, ГСП-3 г. Москва, Российская Федерация, natalivelikaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>

Наталья Ильинична Белова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125993, ГСП-3 г. Москва, Российская Федерация, n.i.belova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0336-7145>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.10>

UDC 316.4

LBC 60.54

TO A QUESTION OF SOCIAL DYNAMICS OF MIGRATION PROCESSES: WORLD AND RUSSIAN TRANSFORMATIONS

Naide S. Chernysheva

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Annotation. The conceptual basis of the article is based on the following position: in modern conditions of innovative development of social systems (both international and national), the structure of migration processes loses the quality of the first position, migration becomes an integral part of its everyday life. The analysis of the social dynamics of migration processes, the strategies of migrants against the background of intensified risks and uncertainty in the receiving side is of particular relevance. The article presents statistical data of the Population Division of the UN international organization – a member of the Global Group on Migration, on the ratio of the number of migrants and the total population on a global scale, as well as the number and share of immigrants in gender and geographic context, a review of scientific foreign and domestic literature is carried out. which reflects the assessments of the features of horizontal movements in recent decades, describes the behavioral strategies of migrants, representatives of a foreign cultural environment. The author's theoretical multifactor model is presented, aimed at identifying promising areas for further research, reflecting the escalation of the impact of migration flows and the increase in the confrontational component as a counter strategy on the part of local, local communities in the course of intergroup interaction. The paper also provides statistical information on migration growth in the Russian Federation, interprets data from all-Russian research projects collected by a survey method, and a sociological survey of residents of the Yaroslavl region, characterizing the situation of migrants, their involvement in the functioning of economic sectors in the views of Russian residents (at the regional level), as well as revealing the content of relations between local communities with visiting representatives of a foreign cultural environment. An empirical study made it possible to draw a conclusion about the ambivalent response of the residents of the receiving country to the volumes of migration flows and the strategies of migrants. The author substantiated that multiple scaling of the probability of the conflict component in the socio-cultural interaction of the receiving party and arriving representatives of a foreign cultural environment requires a comprehensive implementation of programs for mutual adaptation of the above-named entities, agreed by government agencies and non-profit organizations as parity partners.

Key words: migration processes, intensification, dynamics, intergroup interactions, local community, representative of a foreign cultural environment, behavioral strategies.

Citation. Chernysheva N.S. To a Question of Social Dynamics of Migration Processes: World and Russian Transformations. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 89-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.10>

УДК 316.4

ББК 60.54

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: МИРОВЫЕ И ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Наиде Сефтеровна Чернышева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. Концептуальная основа статьи базируется на следующем положении: на современном этапе инновационного развития общественных систем (как международных, так и национальных) структура миграционных процессов утрачивает качество исключительности, миграция становится неотъемлемым свойством повседневности. Особую актуальность приобретает анализ социальной динамики миграционных процессов, стратегий мигрантов на фоне интенсификации рисков и неопределенности в принимающей стороне. В статье

представлены статистические данные Отдела народонаселения международной организации ООН – члена Глобальной группы по вопросам миграции, позволяющие судить о соотношении количества мигрантов и общей численности населения в мире, а также численности и доли иммигрантов в гендерном и региональном разрезе, проведен обзор научной зарубежной и отечественной литературы, в которой отражены особенности горизонтальных перемещений в последние десятилетия, охарактеризованы поведенческие стратегии мигрантов-представителей инокультурной среды. В работе приведена авторская теоретическая многофакторная модель, имеющая целью обозначить перспективные направления дальнейших исследований, отражающая эскалацию воздействия миграционных потоков на рост конфронтации как встречной стратегии со стороны локальных, местных сообществ в ходе межгруппового взаимодействия. В работе приводится статистическая информация о миграционном приросте в РФ, интерпретированы данные общероссийских исследовательских проектов, собранные методом опроса российских жителей, и социологического опроса жителей Ярославской области, характеризующие положение мигрантов, их вовлеченность в функционирование отраслей экономики, а также раскрывающие содержание отношений локального сообщества с приезжими-представителями инокультурной среды. Эмпирическое исследование позволило сделать вывод об амбивалентном реагировании жителей принимающей стороны на объемы миграционных потоков, стратегии мигрантов. Автором обосновано, что многократное масштабирование вероятности реализации конфликтной составляющей в социокультурном взаимодействии принимающей стороны и прибывающих представителей инокультурной среды требует комплексной реализации программ взаимной адаптации вышеназванных субъектов, согласованные государственными структурами и некоммерческими организациями в качестве паритетных партнеров.

Ключевые слова: миграционные процессы, интенсификация, динамика, межгрупповые взаимодействия, локальное сообщество, представитель инокультурной среды, поведенческие стратегии.

Цитирование. Чернышева Н. С. К вопросу о социальной динамике миграционных процессов: мировые и общероссийские трансформации // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 89–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.10>

Введение. Исторически воздействие миграционных процессов на жизнедеятельность граждан, социум, национальные государственные системы, мировое развитие является многофакторным. В текущий момент социальные, в том числе миграционные, процессы находятся под влиянием пандемии COVID-19, комплексно социально-экономические, политические, культурные, духовные и правовые последствия оценивать преждевременно, однако на данный момент сформировалось понимание, что посткоронавирусный мировой порядок будет иным, также существенно меняются внутренние процессы национальных государств и миграционные потоки. Указанные обстоятельства детерминируют потребность осмысления миграционных процессов на различных этапах общественной жизни, тем более, что кардинальные трансформации в характере индивидуальных и групповых миграционных перемещений начали преобразовываться с начала XXI века.

Перечислим основные задачи настоящей работы, во-первых, анализ статистических данных, характеризующих динамику международной миграции по отношению к общей численности населения мира, а также структуру и направления миграционных перемеще-

ний на межстрановом уровне (гендерный и региональный аспекты). Во-вторых, систематизация теоретических подходов о влиянии миграционных процессов на состояние современного социума. В-третьих, разработка авторской теоретической многофункциональной модели оценки перспектив международной миграции. В-четвертых, обсуждение результатов общероссийского и регионального эмпирических исследований, раскрывающих особенности взаимоотношений местных жителей (принимающего сообщества) с мигрантами (представителями инокультурной среды).

Реализация первой задачи данного исследования начиналась с сопоставления следующих данных: в 2019 г. численность международных мигрантов достигла 271,6 млн человек, что составило 3,5 % от общей численности населения мира на середину 2019 г. [Total number of international... web]. По сравнению с началом XXI в., доля международных мигрантов от общей численности населения в мире возросла на 0,7% (так как в 2000 г. показатель был на уровне 173,6 млн – 2,8 %) (табл. 1) [International migrant stock 2019... web].

При этом, в общей численности международных мигрантов количество женщин-мигрантов в 2019 г. составило 130,1 млн (в до-

лях – 47,9 %), что на 44,6 млн больше по сравнению с данными за 2000 г. (табл. 2).

Фиксируется интересная тенденция – увеличение в абсолютных показателях числа женщин-мигрантов не совпадает с пропорциональными соотношениями в структуре миграционных перемещений по признаку «пол», так как доля женщин от общего количества международных мигрантов в 2019 г. достигла значения, которое на 1,3 п.п. ниже по сравнению с данными за 1990, 2000 гг. Число мужчин в структуре международной миграции к 2019 г., напротив, существенно выросло в абсолютных значениях на 53,5 млн по сравнению с 2000 г. и незначительно (на 1,3 п.п.) в относительных показателях.

Анализ межстрановых статистических данных позволяет зафиксировать возрастную структуру мигрантов в 2019 г.: 11,8 % – доля международных мигрантов в возрасте от 65 лет и выше, 13,9 % – количество международных мигрантов в возрасте 19 лет и младше. Соответственно, большинство мигрантов – люди трудоспособного возраста (20–64 лет) – 74,3 % [Total number of international... web].

Практически треть всех мигрантов в 2019 г. едут в Азию (30,7 % – 83,6 млн) либо в Европу (30,2 % – 82,3 млн), четверть всех переселенцев отправляется в Америку (25,9 % – 70,3 млн), тогда как практически каждый десятый мигрант выбирает Африку (9,8 % – 26,5 млн) и только 8,9 млн переселенцев – остановили выбор на Океании (3,3 %) (табл. 3).

Вместе с тем структура миграционных перемещений в мире (1990, 2000, 2019 гг.) отражает рост/снижение динамики доли мигрантов на рынке труда и капитала в азиатском, африканском и латиноамериканском регионах (от 2,2 % до 0,5 %). Доля въезжающих в страны Европы и Северной Америки в 2019 г. сократилась по сравнению с 2000 г. (с 2,4 % до 1,6 %). В период с 1990 г. по 2000 г. численность международных мигрантов в европейских государствах оставалась стабильной (более 32,0 %), тем временем – количество выезжающих в североамериканские страны за аналогичный период увеличивалось – с 18,0 % до 23,2 %. При этом, в анализируемом периоде устойчивы параметры доли присутствующих международных мигрантов в Океании (на уровне не менее 3,0 %) (табл. 3) [International migrant stock 2019... web].

Таким образом, обращение к открытым данным Отдела народонаселения ООН позволило нам обобщить статистическую информацию, отражающую масштабы, направления, структуру миграционных процессов в мире.

Обзор научной литературы и теоретическая модель исследования. В настоящее время отечественные и иностранные специалисты, принимая во внимание информацию по статистике миграционных потоков (в том числе в ретроспективе) ООН, дополняют проблематику переселений содержательным анализом социальной динамики как

Таблица 1

Соотношение количества иммигрантов и общей численности населения в мире на середину года, 1990, 2000, 2019 гг.

	1990 г.	2000 г.	2019 г.
Общая численности населения в мире	5 327 231 061	6 143 493 823	7 713 468 100
Общее количество международных мигрантов на середину года	153 011 473	173 588 441	271 642 105
Доля мигрантов на середину года в % от общей численности населения мира	2,9	2,8	3,5

Таблица 2

Численность и доля международных мигрантов на середину года в разбивке по полу, 1990, 2000, 2019 гг.

Год	Общее количество мигрантов на середину года, млн чел.	Мужчины-мигранты		Женщины-мигранты	
		Общее количество на середину года, млн чел.	Доля на середину года от общего количества мигрантов, %	Общее количество на середину года, млн чел.	Доля на середину года от общего количества мигрантов, %
1990	153 011 473	77 661 689	50,8	75 349 784	49,2
2000	173 588 441	88 029 221	50,7	85 559 220	49,3
2019	271 642 105	141 488 004	52,1	130 154 101	47,9

собственно процесса миграции, так и поведенческих стратегий мигрантов.

Роль международной миграции, тенденции развития и влияния миграционных процессов в условиях глобализации приведены в работах Багреева Е.Г., Богданова А.В., Егорова С.А., Малюченко А.А., Мартыненко В.В., Мартыненко С.В., Минича Д.С., Нехороших И.Н., Катыхина А.И., Хазова Е.Н. [Багреева, Минич 2018; Богданов, Егоров, Хазов 2020; Мартыненко, Мартыненко 2015; Нехороших, Катыхин 2020]. Анализ перемещений мигрантов в качестве детерминанты конфликтогенности представлен в исследованиях Бенхабиб С., Закалюкина Е.В. [Бенхабиб 2003; Закалюкина 2012]. Вопросы управления международной миграцией поднимаются Алешковским И.А., Ионцевым В.А., тогда как Малюченко А.А. акцентирует исследовательский интерес на состоянии миграционной проблематики в России [Алешковский, Ионцев 2015; Малюченко 2015]. Росту неопределенности среды и вызванной в связи с этим активизацией адаптационных процессов уделено внимание в статьях Мозговой А.В., Поповой И.В. и их соавторов [Мозговая, Шлыкова 2019; Попова, Гаджигасанова, Дудина 2020]. Тенденции и критерии, влияющие на представления принимающего общества о мигрантах в общероссийском и региональном аспектах (Ярославской обла-

сти) охарактеризованы в издании Аналитического центра Ю. Левады, исследовании Гаджигасановой Н.С. [Общественное мнение... web; Гаджигасанова, Дудина 2014].

Мартыненко В.В., Мартыненко С.В. рассматривают миграционные процессы как одно из проявлений глобализации, которая способствует в определенной степени росту уровня интеграции человечества, и одновременно – содержит риск и вероятность неуправляемой социально-политической дезинтеграции [Мартыненко, Мартыненко 2015, 48]. Вместе с тем, глобализация миграции в течение ряда десятилетий сопровождается нарастающей эскалацией миграционной взаимозависимости трудноизбыточных и трудонедостаточных регионов [Цапенко web].

Таким образом, государства могут быть одновременно представлены с двух сторон – выступать и как страна-донор, и как страна-реципиент (например, США – донор для Канады и реципиент из стран Южной Америки). Исторически районы притяжения мигрантов поэтапно сменяются ранее неизвестными миграционными «коридорами», а усиливающаяся миграционная активность обусловлена глобализацией торговли, увеличением транспортных потоков и трансформацией коммуникационных технологий. Высоквалифицированные специалисты принимают решение о переезде (зачастую с семьей) в ответ на предложение о

Таблица 3

Численность международных мигрантов на середину года в разбивке по основным регионам, 1990, 2000, 2019 гг.

Регионы	1990 г.		2000 г.		2019 г.	
	Численность международных мигрантов на середину года, млн чел.	Доля мигрантов на середину года в % от общей численности международных мигрантов	Численность международных мигрантов на середину года, млн чел.	Доля мигрантов на середину года в % от общей численности международных мигрантов	Численность международных мигрантов на середину года, млн чел.	Доля мигрантов на середину года в % от общей численности международных мигрантов
Африка	15 689 666	10,3	15 051 677	8,7	26 529 334	9,8
Азия	48 209 949	31,5	49 394 322	28,5	83 559 197	30,7
Европа	49 608 231	32,4	56 858 788	32,7	82 304 539	30,3
Латинская Америка и Карибский бассейн	7 161 371	4,7	6 570 729	3,8	11 673 288	4,3
Северная Америка	27 610 408	18,0	40 351 694	23,2	58 647 822	21,6
Океания (Австралия)	4 731 848	3,1	5 361 231	3,1	8 927 925	3,3
Итого	153 011 473	100,0	173 588 441	100,0	271 642 105	100,0

повышении по должности в рамках деятельности транснациональных корпораций. В тоже время представители рабочих профессий мотивированы на миграцию для получения более высоких доходов и использования результатов благоприятной социальной политики принимающей страны.

В целом трудовые ресурсы вне зависимости от того, о высококвалифицированных специалистах либо рабочих кадрах идет речь, действительно оказывают влияние на интенсификацию экономики страны-приема мигрантов. Наряду с этим, как отмечают Нехороших И.Н. и Катыхин А.И., вложение инвестиций на фоне прироста совокупной численности населения приводит к мультипликативному эффекту в части формирования национальной экономики [Нехороших, Катыхин 2020, 93].

Миграция выступает катализатором не только экономических, но и преобразований, имеющих институциональный социокультурный характер (Хофстад Г. и Коэн А.). В частности, Багреева Е.Г., Минич Д.С. отмечают, что людям сложно разорвать связи со своей исконной культурой, а потому формируется конфронтация культур, что приводит к открытым столкновениям [Багреева, Минич 2018, 109]. В этом же ключе рассуждает о феномене разнообразия в глобальную эру Бенхабиб С., отмечая эффект *«обратной глобализации»*, в ходе которой итогом масштабных миграций являются мультиэтнические и мультикультурные сообщества. В интересах достижения экономических целей в указанные сообщества желают быть включенными и представители мировой «периферии» [Бенхабиб 2003, 217].

Иноземцев В.А., последовательно анализируя работу Бенхабиб С., формулирует прогноз развития современной ситуации по следующим траекториям: ход культурной эволюции в одном случае характеризуется усилением мультикультурного взаимовлияния, а в другом – посредством стремления к институционализации, провоцирующее эскалацию разногласий в сфере межнационального общения, что становится объективным и в определенной степени неизбежным следствием интенсификации взаимодействий между представителями различных культур.

Вместе с тем, фиксируется и встречная амбивалентная ответная реакция в целом ряде

стран-реципиентов - коренные жители защищают самобытную идентичность. Так, Багреева Е.Г., Минич Д.С. описывают кейсы в Гамбурге (Германия): негативный отклик общественности на контент плаката детского дошкольного учреждения, привлекательной особенностью которого позиционировалось *«малое число детей из семей мигрантов»*, обязал руководство переиздать рекламный буклет. После принятых мер, в числе преимуществ появилась фраза: *«Наш детский сад открыт для девочек и мальчиков, ...больных и здоровых, – независимо от того, немецкого они происхождения или из семей мигрантов»* [Багреева, Минич 2018, 110]. Данный наглядный пример отступления от стратегии дискриминации в стране-приема иммигрантов – зачастую единичный случай, а не закономерность.

Принимая во внимание многообразие оценок специалистов, нами разработана теоретическая многофункциональная модель оценки перспектив международной миграции. Перспективы дальнейших разработок автор видит в более детальном изучении положения и ценностных ориентаций мигрантов разных поколений (в том числе на национальных рынках труда), а также специфику их взаимодействия с представителями принимающих сообществ с учетом не только глобализационных процессов, но под влиянием регионализации и определенного стремления к сохранению национальной идентичности. При этом, совершенно новой переменной в принимающем сообществе выступает оценка состояния неопределенности и наличие суженного горизонта планирования (рис. 1).

Вместе с тем, угроза реализации конфликтогенной ситуации в социокультурном взаимодействии принимающей стороны и прибывающих иностранных граждан (как представителей инокультурной среды) требует комплексной реализации программ взаимной адаптации вышеназванных акторов, а в качестве равноправных партнеров необходимо согласованное участие государственных структур и некоммерческих организаций. Тем самым, в адаптационные процессы должны быть вовлечены не только те, кто сменяет место жительства, но и те, кто принимает новых участников в свои локальные сообщества (то есть

коренное население) [Гаджигасанова, Дудина 2014, 210]. Более того, представители принимающего сообщества также нуждаются в адаптации, особенно в ситуациях, характеризующихся как неопределенные, которые повсеместно утрачивают свойства чрезвычайности и становятся неотъемлемым явлением повседневности [Мозговая, Шлыкова 2019, 125; Попова, Гаджигасанова, Дудина 2020, 29].

Эмпирическая база: результаты и обсуждения. Поведенческие стратегии принимающей стороны и процесс взаимодействия принимающего сообщества с мигрантами можно смоделировать по результатам общероссийских и регионального эмпирических исследований, раскрывающих особенности взаимоотношений местных жителей (в стране приема) с мигрантами представителями инокультурной среды. Согласно общероссийскому исследованию общественного мнения Аналитического центра Ю. Левады (N = 1600, 2019 г.), в числе первоочередных задач в социальной сфере наряду с такими задачами как введение мер по нивелированию резкого расщепления богатых и бедных (30,0 % ответов), осуществление деятельности по повышению доступности медицинского обслуживания (30,0 %), сглаживание роста платного образования (22,0 %) отмечается необходимость

мер, направленных на сдерживание роста притока внешних мигрантов (18,0 %). Это свидетельствует о недоброжелательном отношении части россиян к трудовым мигрантам. Также наблюдается увеличение сторонников тезиса «Нужно ограничивать приток трудовых мигрантов» – с 58,0 % в июле 2017 г. до 72,0 % – в августе 2019 г. [Общественное мнение... web].

На этом фоне, сравнительный анализ социологических данных всероссийских исследований за период с 2013 по 2019 гг., показывает направленность взаимодействий местного сообщества с мигрантами, позволяет отметить двойственные проявления характера межгрупповых взаимоотношений. Так, среди россиян доля сторонников суждения «*работа мигрантов вносит конструктивный вклад в развитие страны-приема и общества*» остается стабильной – на уровне не менее 1/3 (трети) ответов (40,0 %). Вместе с тем, существенно преобладают в российской среде и две принципиально противоположные установки: с одной стороны – 2/3 участников опроса, поддерживают тезис о том, что родные и знакомые не откажутся выполнять работу, которую в данный момент выполняют иностранные граждане (64,0 %), а с другой – выделяется 63,0 % сторонников идеи «*при-*

Рис. 1. Теоретическая многофункциональная модель оценки перспектив международной миграции

существование мигрантов на локальном уровне в количественном выражении избыточно». Таким образом, фактором, который активизирует неконструктивные оценки во взаимодействиях между местными локальными сообществами и внешними группами приезжих может быть конструкт «угрозы», вызванный конкуренцией за ограниченные ресурсы. В этой связи, довольно предсказуема реакция, что чем более неустойчива, неопределенна экономическая ситуация в стране, чем ниже уровень заработной платы, тем чаще коренные жители будут рассматривать представителей внешней инокультурной среды как угрозу на рынке труда (табл. 4).

При этом, в ходе опросов 2013–2019 гг. каждый третий либо четвертый среднестатистический россиянин отмечает, что существенного прироста по миграционному потоку в течении последних лет в России не фиксируется. Подтверждением этому являются и общероссийские статистические данные, представленные в «Информации о социально-экономическом положении России в 2020 г.», из которой следует, что за январь – август 2020 г. миграционный прирост населения России сократился на 97,6 тыс. человек (на 58,5 %), что произошло в результате уменьшения числа прибывших в РФ и приумножения количества выбывших за пределы страны. Число прибывших в страну сократилось на 50,4 тыс. человек (на 11,7 %) в том числе за счет иммигрантов из государств-участни-

ков СНГ на 39,7 тыс. человек (на 10,3 %). Число выбывших за пределы России выросло на 47,2 тыс. человек (на 17,9 %), в том числе в страны государства-участники СНГ – на 37,3 тыс. человек (на 15,8 %). В январе – августе 2020 г. в обмене населением со всеми государствами-участниками СНГ, кроме как с гражданами Украины, отмечается сокращение миграционного прироста [Информация о социально-экономическом... web].

Протестный контекст в отношении приема иммигрантов в нашей стране сохраняется и в результатах региональных исследований, проводимых под руководством автора данной статьи. Так, согласно научно-исследовательскому проекту «Отношение к мигрантам со стороны принимающего населения» (Ярославская область, $N = 614$, 2020 г.), среди участников опроса 44,0 % не согласны с суждением, что иммиграция оказывает положительное воздействие на экономическую сферу, тогда как 30,0 % респондентов выбирают вариант «мне все равно». Амбивалентное отношение сформировалось к присутствию мигрантов на российском рынке труда: с одной стороны, более половины опрошенных отмечают, что иммигранты «лишают» рабочих мест местных жителей, в какой-то степени оказывая влияние на снижение средней заработной платы (64,0 % ответов), а с другой – более $\frac{1}{3}$ жителей региона склонны согласиться, что иностранные приезжие компенсируют недостаточное количество трудовых ресурсов

Таблица 4

Данные общероссийских исследований общественного мнения Аналитического центра Ю. Левады ($n = 1600$, июнь 2013 г. – август 2019 г.) в 2013 г.

Суждение	Градация переменной					
	определенно, да / скорее да		определенно, нет / скорее нет		затрудняюсь ответить	
	06.2013	08.2019	06.2013	08.2019	06.2013	08.2019
Работа мигрантов полезна для страны и общества	41,0 %	47,0 %	51,0 %	46,0 %	8,0 %	7,0 %
Присутствие иммигрантов в нашем населенном пункте / регионе чрезмерно	69,0 %	63,0 %	26,0 %	32,0 %	5,0 %	5,0 %
Мои родные и знакомые не откажутся выполнять работу, которую сейчас выполняют иностранные граждане	57,0 %	64,0 %	27,0 %	29,0 %	16,0 %	7,0 %
Большинство мигрантов живет лучше и богаче, чем я и моя семья *	–	44,0 %	–	41,0 %	–	15,0 %

Примечание. * – данное суждение респондентам не предлагалось.

в слабоквалифицированных, малооплачиваемых отраслях экономики (44,0 %). Также сохраняются устойчивые стереотипные установки: подавляющее большинство убеждены, что поведенческие стратегии иммигрантов в той либо иной степени оказывает влияние на ухудшение статистических показателей по криминогенной обстановке, коррупции (70,0 %) (табл. 5).

Вместе с тем, отвечая на вопрос о содержании взаимоотношений между приезжими (представителями инокультурной среды) и местными жителями в населенном пункте их проживания, практически 2/3 респондентов характеризуют взаимодействия данных социальных групп как «спокойные» (68,4 %), тогда как 1/5 жителей Ярославской области отмечают, что атмосфера отношений в локальном социальном пространстве напряженная

(21,8 %). При этом, участники опроса фиксируют, что практика привлечения внешних мигрантов распространена в сферах торговли и жилищно-коммунального хозяйства – 91,8% и 78,3 % соответственно, а также в строительстве (70,3%) и в общественном питании (69,2 %). В тоже время, частичное присутствие внешних мигрантов жители региона отмечают в области здравоохранения (35,7 % ответов) и в сфере обслуживания общественного транспорта (33,6 %), тогда как в большинстве своем отсутствует привлечение приезжих в обеспечение деятельности органов местного самоуправления (73,6 % ответов «практически не распространена»), системы образования (68,3 %), финансового сектора экономики (68,0 %) либо на службу в правоохранительные органы (53,8 %) (табл. 6).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Какова степень Вашего согласия либо не согласия с предложенными утверждениями?» (Ярославская область, N = 614, 2020 г.)

Суждение	Градация переменной		
	абсолютно согласен / скорее согласен	мне все равно	абсолютно не согласен / скорее не согласен
Иммиграция оказывает положительное воздействие на экономическую сферу	26,0 %	30,0 %	44,0 %
Иммигранты влияют на ухудшение показателей по криминогенной обстановке, коррупции	70,0 %	22,0 %	8,0 %
Иммигранты «лишают» рабочих мест местных жителей, «сбивают» среднюю заработную плату	64,0 %	30,0 %	6,0 %
Иммигранты компенсируют дефицит трудовых ресурсов в слабоквалифицированных, малооплачиваемых отраслях экономики	44,0 %	40,0 %	16,0 %

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «По Вашему опыту, в каких сферах экономики Ярославской области в наибольшей степени распространена практика привлечения внешних мигрантов?»

Сферы экономики	Градация переменной			
	широко распространена	распространена частично	практически не распространена	затрудняюсь ответить
Рынок, сфера торговли	91,8 %	8,2 %	–	–
Общественное питание	69,2 %	21,7 %	9,1 %	–
Общественный транспорт	49,1 %	33,6 %	17,0 %	–
Бизнес, финансы	10,3 %	11,5 %	68,0 %	10,2 %
Жилищно-коммунальное хозяйство	78,3 %	19,8 %	–	1,9 %
Органы местной власти, самоуправления	2,2 %	6,2 %	73,6 %	18,0 %
Правоохранительные органы	3,9 %	16,2 %	53,8 %	26,1 %
Строительство, промышленность	70,3 %	20,4 %	5,7 %	3,6 %
Медицина	–	35,7 %	44,5 %	19,8 %
Образование, наука	–	9,6 %	68,3 %	22,1 %

Выводы и заключение. В процессе работы выявлено, что в мире отчетливо фиксируется тенденция к увеличению доли международных мигрантов (с 2,8 % до 3,5 %); трансформируется структура миграционных перемещений в региональном разрезе: доля присутствия иностранных приезжих в азиатском, африканском и латиноамериканском регионах характеризуется неустойчивыми колебаниями в направлении прироста либо сокращения, в то время как доля въезжающих в страны Европы и Северной Америки сократилась в 2019 г. по сравнению с 2000 г. В целом, имеет место интенсивная горизонтальная мобильность, в результате которой происходит непропорциональная миграция населения из одних регионов в другие, при этом без привязки к уровню развития стран.

Миграционные процессы являются несомненным атрибутом современной глобализации, имеют как объединяющие, так и разъединяющие последствия. Международные перемещения сопряжены с существенным ростом транспортных потоков, интенсификацией коммуникационных технологий, на фоне которых изменяются регионы, первоначально испытывавшие недостаток трудовых ресурсов, и регионы с избытком рабочей силы. Вместе с тем, в конкуренцию за кадры, обладающие высокой квалификацией все активнее включаются транснациональные корпорации, тогда как мигранты рабочих специальностей делают выбор страны-реципиента на основе данных о политике социальной защиты и обеспечения (преимущественно в пользу западноевропейских, скандинавских стран). Исходя из этого, в демократических государствах наблюдается диверсификация механизма социальной защиты, проявляющееся в формировании запроса на обеспечение гарантированной коллективной защиты в отношении обладателей статуса «гражданина» и «негражданина».

Наряду с этим, масштабные миграции сопровождается формирование мультиэтнических сообществ, в число которых включаются и представители мировой «периферии». В самих мультикультурных сообществах параллельно отмечается наличие двух составляющих: с одной стороны – усиление межкультурного взаимодействия, с другой – кон-

фликтные стороны взаимодействия. Указанные тренды в ряде исследовательских работ анализируются в качестве эффекта «*обратной глобализации*». Востребованность разработки двусторонних адаптационных программ продиктована повышенной вероятностью реализации конфликтной составляющей в социокультурном взаимодействии граждан принимающей страны с внешними мигрантами.

Амбивалентное реагирование на современные миграционные процессы со стороны правительства, жителей страны-приема становится повседневной практикой. Результаты общероссийских и региональных исследований (проведенных в том числе и автором) зафиксировали активизацию защитной реакции со стороны локальных сообществ в ответ на приток иностранных граждан. В связи с этим, растут риски, связанные с формированием непреодолимых, трудноразрешимых противоречий и неравенства, дифференцирующие статусы гражданина и негражданина в рыночной экономической системе. Таким образом, с одной стороны – государственные границы интенсивно раздвигаются, а с другой – мигранты часто локализируются и минимально взаимодействуют с местным сообществом, поэтому возрастает актуальность изучения специфики межгрупповых отношений и взаимодействий, особенностей формирования запросов и потребностей не только принимающих сообществ, но и мигрантов в конкретных регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский, Ионцев 2015 – *Алешковский И.А., Ионцев В.А.* Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 75–87.
- Багреева, Минич 2018 – *Багреева Е.Г., Минич Д.С.* Институциональные тенденции влияния миграционных процессов // Политика и экономика Евразии. 2018. № 6 (37). С. 107–112.
- Бенхабиб 2003 – *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003.
- Богданов, Егоров, Хазов 2020 – *Богданов А.В., Егоров С.А., Хазов Е.Н.* Миграционные процес-

- сы и их роль глобализации общества // Международный журнал конституционного и государственного права. № 1/2020. С. 12–19.
- Гаджигасанова, Дудина 2014 – *Гаджигасанова Н.С., Дудина И.М.* Тенденции и критерии, влияющие на представления принимающего сообщества о мигрантах на региональном уровне // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сб. науч. ст. по итогам всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.) / отв. ред. В.В. Поддубиков. Кемерово: Практика, 2014. С. 209–214.
- Закалюкина 2012 – *Закалюкина Е.В.* Миграция как фактор конфликтогенности в условиях глобализации // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2012. № 3. С. 90–92.
- Информация о социально-экономическом... web – Информация о социально-экономическом положении России: Январь – сентябрь 2020 г. Демография. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50800>.
- Малюченко 2015 – *Малюченко А.А.* Проблема миграции населения в России в условиях глобализации // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. Т. 2. С. 579–581.
- Мартыненко, Мартыненко 2015 – *Мартыненко В.В., Мартыненко С.В.* Международная миграция, миграционная политика и глобальное развитие // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12, Политические науки. 2015. № 3. С. 44–55.
- Мозговая, Шлыкова 2019 – *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Адаптация к неопределенности среды: ресурсы жителей больших городов // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 3. С. 124–130.
- Нехороших, Катыхин 2020 – *Нехороших И.Н., Катыхин А.И.* Международная/миграция/тенденции/развития // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 2 (49). С. 90–96.
- Общественное мнение... web – Общественное мнение – 2019 (сборник). М.: Левада-Центр, 2020 // <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2019>.
- Попова, Гаджигасанова, Дудина 2020 – *Попова И.В., Гаджигасанова Н.С., Дудина И.М.* Влияние уровня неопределенности и трансформации социальной среды на формирование кредитного поведения населения // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020. № 1. С. 24–31.
- Цапенко web – *Цапенко И.П.* Регионализация миграционных процессов // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya-migratsionnyh-protssosov>.
- International migrant stock 2019... web – International migrant stock 2019 / United Nations; Department of Economic and Social Affairs Population Division; International Migration // <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp>.
- Total number of international... web – Total number of international migrants at mid-year 2019 / MIGRATION DATA PORTAL. The bigger picture // <https://migrationdataportal.org>.

REFERENCES

- Aleshkovsky I.A., Iontsev V.A., 2015. Management of international migration in the context of globalization. *Vek globalizatsii*, no 1, pp. 75-87.
- Bagreeva E.G., Minich D.S., 2018. Institutional trends of migration processes influence. *Politika i ekonomika Yevrazii*, no. 6 (37), pp. 107-112.
- Benhabib S., 2003. The claims of culture. Equality and Diversity in the Global Era. V.I. Inozemtsev (ed.) Moscow, Logos.
- Bogdanov A.V., Egorov S.A., Khazov E.N., 2020. Migration processes and their role in the globalization of society. *Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava*, no. 1, pp. 12-19.
- Gadzhigasanova N.S., Dudina I.M., 2014. Trends and Criteria Influencing Host Community Perceptions of Migrants at the Regional Level. Poddubikov V.V. (ed.) *Malochislennyye etnosy v prostranstve dominiruyushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnyye instrumenty etnicheskoy politiki: sb. nauch. st. po itogam vseros. s mezhdunar. uchastiyem nauch.-prakt. konf., Kemerovo, 17–18 oktyabrya 2014*. Kemerovo, Praktika Publ., pp. 209-214.
- Zakalyukina E.V., 2012. Migration as a factor of conflict in the context of globalization. *Regional'noye obrazovaniye XXI veka: problemy i perspektivy*, no. 3. pp. 90-92.
- Informatsiya o sotsial'no-ekonomicheskoy polozenii Rossii, 2020. Yanvar' – sentyabr'. Demografiya. Moscow, Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki.* URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50800> (accessed 21 October 2020).
- Malyuchenko A.A., 2015. The problem of population migration in Russia in the context of globalization. *Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavtiki*, vol. 2, pp. 579-581.

- Martynenko V.V., Martynenko S.V., 2015. International migration, migration policy and global development. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskiye nauki*, no 3, pp. 44-55.
- Mozgovaya A.V., Shlykova E.V., 2019. Adaptation to the uncertainty of the environment: the resources of residents of large cities. *Logos et Praxis*, vol. 18, no. 3, pp. 124-130.
- Nekhoroshikh I.N., Katykhin A.I. 2020. International migration, development trends. *Region: sistemy, ekonomika, upravleniye*, no. 2 (49), pp. 90-96. *Public Opinion – 2019 (sbornik)*. Moscow, Levada-Center. URL: <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/> (accessed 28 October 2020).
- Popova I.V., Gadzhiganova N.S., Dudina I.M., 2020. The influence of the level of uncertainty and transformation of the social environment on the formation of credit behavior of the population. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, no. 1, pp. 24-31.
- Tsapenko I.P., 2017. Regionalization of migration processes. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, vol. 10, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya-migratsionnyh-protsessov> (accessed 14 August 2020).
- International migrant stock 2019*. United Nations. Department of Economic and Social Affairs Population Division. International Migration. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (accessed 20 October 2020).
- Total number of international migrants by mid-2019, 2019*. MIGRATION DATA PORTAL. The bigger picture. URL: <https://migrationdataportal.org/> (accessed 25 September 2020).

Information About the Author

Naide S. Chernysheva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Social Policy, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 10, 150000 Yaroslavl, Russian Federation, naide27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7112-8760>

Информация об авторе

Наиде Сефтеровна Чернышева, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной политики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская, 10, 150000 г. Ярославль, Российская Федерация, naide27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7112-8760>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.11>

UDC 316.776:159.923:331.548

LBC 60.53

FRAMING OF THE SUBJECTIVE ATTITUDE TO THE ACQUIRED COMPETENCIES OF HELPING PROFESSIONS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

Olga I. Shutova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Annotation. This article presents the research results of the dynamic of the formation of a person subjective attitude to supporting specialists' competencies in the educational environment of a university. The relevance of the study is due, on the one hand, to insufficient knowledge of the concept of "educational environment", its structure, correlation with other concepts, such as a multicultural environment, professional competencies. On the other hand, the study of the psychology of competencies and their structure, specificity (on the example of a specific group of professions), diagnostics, psychological and pedagogical conditions of formation. The practical significance of the study lies in examining professional competencies through the personal components of students, which are the subjective attitude of the individual. Empirical research was based on the use of quantitative data collection methods that reveal the concept of a person's subjective attitude. The sample consisted of 140 students of the faculties of "General Medicine" and "Social Work and Clinical Psychology" of The Volgograd State Medical University, who were trained in the second (2016) and fourth year (2018). The assessment of the attitude of students to the content of professional competencies of supporting specialists was measured using the author's methodology based on a list of general cultural and professional competencies declared in educational standards and selected by the subjects in accordance with the basic principles and rules of conducting a diagnostic study. The data obtained is processed through descriptive statistics. As a result, the structure and content of the subjective attitude of the individual was described, which includes the motivational ("important"), operational ("own") and pragmatic ("use") aspects of competencies. The course of study, the emerging "motivational stress", the organized conditions of the educational environment, involvement in practical professional activity determine the structure of the subjective attitude of students to the competencies being mastered: the structure of the second course of study is presented as "the motivational aspect – the operational aspect – the pragmatic aspect" of competencies, the structure of the fourth course of study – "pragmatic aspect – operational aspect – motivational aspect" of competencies. The choice of various psychological and pedagogical technologies in the training of specialists in helping professions as one of the effective conditions of the educational environment is aimed at manifesting, on the one hand, the cognitive activity of students, on the other, the formation of a positive attitude towards mastering a set of competencies. Information technologies and technologies for the development of critical thinking are aimed at developing research competencies. Interactive technologies of imitation and discussion types contribute to the development of a communicative group of competencies of supporting specialists, as well as conducting joint classes of Russian and foreign students, implementing patronage cooperation, etc. The results obtained can be taken into account in the practice of psychological, professional and socio-cultural support and adaptation of foreign and Russian students to supporting professions.

Key words: competencies, subjective attitude, educational environment, supporting professions, tolerance, conflict, communication.

Citation. Shutova O.I. Framing of the Subjective Attitude to the Acquired Competencies of Helping Professions in the Educational Environment of the University. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 100-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.11>

ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ОСВАИВАЕМЫМ КОМПЕТЕНЦИЯМ ПРОФЕССИЙ ПОМОГАЮЩЕГО ТИПА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Ольга Игоревна Шутова

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования динамики формирования субъективного отношения личности к осваиваемым компетенциям помогающих специалистов в образовательной среде вуза. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью понятия «образовательная среда», ее структурой, соотношением с другими понятиями, такими как поликультурная среда, профессиональные компетенции. С другой стороны, изучением психологии компетенций и их структуры, специфики (на примере конкретной группы профессий), диагностики, психолого-педагогических условий формирования. Практическая значимость исследования заключается в рассмотрении профессиональных компетенций посредством личностных компонент обучающихся, в качестве которых выступает субъективное отношение личности. Эмпирическое исследование базировалось на применении количественных методов сбора данных, раскрывающих понятие субъективное отношение личности. Выборка составила 140 обучающихся факультетов «Лечебное дело» и «Социальная работа и клиническая психология» ВолгГМУ, прошедших обучение на втором (2016 г.) и четвертом курсе (2018 г.). Оценка отношения обучающихся к содержанию профессиональных компетенций помогающих специалистов была измерена с помощью авторской методики, основанной на списке общекультурных и профессиональных компетенций, заявленных в образовательных стандартах и отобранных испытуемыми в соответствии с основными принципами и правилами проведения диагностического исследования. Полученные данные обработаны посредством описательной статистики. В результате была описана структура и содержание субъективного отношения личности, которая включает мотивационный («важно»), операциональный («владею») и прагматический («использую») аспекты компетенций. Курс обучения, возникающее «мотивационное напряжение», организованные условия образовательные среды, приобщенность к практической профессиональной деятельности определяют структуру субъективного отношения обучающихся к осваиваемым компетенциям: структура второго курса обучения представлена как «мотивационный аспект – операциональный аспект – прагматический аспект» компетенций, структура четвертого курса обучения – «прагматический аспект – операциональный аспект – мотивационный аспект» компетенций. Выбор различных психолого-педагогических технологий при обучении специалистов помогающих профессий как одно из эффективных условий образовательной среды направлен на проявление, с одной стороны, познавательной активности обучающихся, с другой, формирование позитивного отношения к освоению набора компетенций. Информационные технологии и технологии развития критического мышления направлены на освоение научно-исследовательских компетенций. Интерактивные технологии имитационного и дискуссионного типов способствуют развитию коммуникативной группы компетенций помогающих специалистов, а также проведение совместных занятий российских и иностранных обучающихся, осуществление патронажного сотрудничества и др. Полученные результаты могут быть учтены в практике психологического, профессионального и социокультурного сопровождения и адаптации иностранных и российских обучающихся помогающим профессиям.

Ключевые слова: компетенции, субъективное отношение, образовательная среда, помогающие профессии, толерантность, конфликт, коммуникация.

Цитирование. Шутова О. И. Формирование субъективного отношения личности к осваиваемым компетенциям профессий помогающего типа в образовательной среде вуза // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 100–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.11>

Одной из важных тем обсуждения в сфере науки и технологий является изучение понятия образовательной среды (Г.Ю. Беляев, О.В. Гукаленко, В.Н. Пустовойтов, В.И. Сло-

бодчиков, В.А. Ясвин и др.) [Гукаленко, Пустовойтов 2017]. Согласно В.А. Адольф, Ю.В. Ананьиной, В.И. Блинову, Е.В. Васильевой, образовательная среда понимается как

система условий, которая обеспечивает наиболее оптимальные параметры образовательной деятельности в различных ее аспектах (целевом, процессуальном, содержательном, результативном, ресурсном) и выступающая эффективным средством формирования профессиональной компетентности в процессе обучения в профессиональном образовательном учреждении [Слепцова 2017]. Она способствует формированию «...политолерантности личности...» [Михайлова web], повышению коммуникативной компетентности (М. Имай, Дж. Канеро, Д. Коестер, Д. Лью, М.В. Лустиг, Т. Масуда, Ф. Фанг) [Imai, Kanero, Masuda 2016; Koester, Lusting 2015; Liu, Fang 2017], ее профессионального саморазвития [Сibaева, Тлявсина web] и идентификации с выбранной профессией (Ф. Аташзадеш-Шуридех, С. Годсей, М.А. Галеноз, Ф. Фаргинфард, Д. Мохташами, Х. Рахмама, А. Талеби) [Mohtashami et al. 2015; Godsey 2011], освоению профессиональных умений, навыков, качеств и ценностей профессии с учетом регионального компонента. В.В. Гладких в контексте поликультурной среды описывает внутренние компоненты образовательной среды, такие как обучающий, воспитывающий, развивающий [Гладких 2011]. Автор также отмечает важность формирования открытости личности к иным культурным ценностям, уважительное и толерантное отношение к представителям иного образа жизни и поведения, видение в культурном многообразии источника для взаимообогащения и взаиморазвития, готовность участвовать в разрешении конфликтов [Гладких web]. Схожие требования можно проследить в наборе профессиональных компетенций представителей профессии помогающего типа, представленных в ФГОС ВО 3++.

При более детальном их рассмотрении возникают вопросы отсутствия единой теоретической базы для разработки научных проблем компетенций (Т.В. Черникова) [Черникова 2013], а именно их реализации с учетом содержания образовательных стандартов (Э.Ф. Зеер) [Зеер, Сыманюк 2005], разработки лаконичного и понятного набора компетенций (А.В. Хуторской) [Хуторской 2020], отсутствия валидных диагностических методов измерения компетенций (Е.А. Климов,

А.К. Маркова) [Климов 2014], подбора эффективных технологий и средств обучения (А.И. Артюхина, Э.Ф. Зеер, Т.В. Черникова, В.И. Чумаков) [Куликов, Артюхина, Чумаков 2016; Климов 2014; Черникова 2019], учет личностной составляющей компетенций обучающихся (Т.Ю. Базаров) [Ерофеев, Базаров 2014]. Особое внимание хотелось бы уделить личностному фактору освоения компетенций, так как именно он обуславливает процесс освоения компетенций, определяет наличие учебной активности обучающихся, формирует субъективное отношение к усваиваемым знаниям и социокультурного контекста. Изучение особенностей освоения профессиональных компетенций представителей профессий помогающего типа сферы здравоохранения раскрывается в специфике профессий данной группы (врачи, психологи, клинические психологи, специалисты социальной работы и т. д.). Помогаящий специалист выступает одновременно «инструментом» и «средством» оказания помогающей помощи. К нему предъявляются высокие требования личностного (стремление к самосовершенствованию, саморазвитию, реализации своего личностного потенциала, наличие эмпатии, развитые коммуникативные навыки, толерантность и т. д.) и профессионального характера (стремление к реализации своего профессионального потенциала, постоянный рост и развитие, наличие критичности к себе, умение координировать деятельность различных специалистов и учреждений, знание иностранных языков и т. д.).

Таким образом, целью исследования является выявление особенностей формирования субъективного отношения личности к осваиваемым компетенциям профессий помогающего типа на различных этапах обучения в вузе. Базой исследования выступил ВолгГМУ. Выборка составила 140 человек, обучающиеся на факультетах «Лечебное дело», «Социальная работа и клиническая психология», которые участвовали в опросе дважды, проходя обучение на втором (2016 г.) и четвертых (2018 г.) курсах. Отметим, что под эффективными условиями образовательной среды медицинского вуза в настоящем исследовании понимаются психолого-педагогические технологии обучения, воспитания и развития личности.

Нами была разработана методика оценки отношения обучающихся к содержанию профессиональных компетенций представителей помогающих профессий. Был составлен список из 30 общекультурных и профессиональных компетенций, таких как «быть толерантным к людям», «способность к разрешению конфликтов в коллективе», «быть готовым к координации деятельности различных организаций, учреждений и предприятий, специалистов в решении задач оказания помощи», «быть способным учитывать специфику различных национальных, половозрастных и социально-классовых групп в своей работе» и др. В качестве теоретических положений разработки инструментария выступали идеи об активности (Ю.П. Поваренков) и ее внутренней организации (Дж. Келли, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский), субъективных представлениях личности как результате ее активности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, М.М. Кашапов); в качестве методологических положений: принцип целенаправленности и цикличности исследования (А.Ю. Чернов), принцип репрезентативности выборки, принцип «предельного насыщения»; диагностический инструментарий включал опрос.

Во время проведения опроса респондентам предоставлялась одинаковая инструкция, согласно которой необходимо было выразить свое отношение к предъявленному набору компетенций по семибалльной шкале (от 1 до 7) три раза. Во время первого заполнения необходимо было оценить, насколько компетенции важны для респондентов, во время второго – насколько они владеют ими, в третий раз – как часто они их используют. Соответственно, чем важнее компетенция и чем в большей мере респонденты ею владеют по своим собственным субъективным ощущениям, тем выше должен быть балл.

Методика соответствует требованиям валидного и надежного инструмента, что было подтверждено в результате проведения пилотажного исследования (выборка составила 60 человек, исследование проводилось в 2015 г). Надежность опросника подтверждалась путем расщепления выборки на две равные части, коэффициент Кронбаха составлял $\alpha = 0,83$. Внутренняя валидность опросника определялась как согласованность оценок, ко-

торые были получены для всех трех шкал в результате проведенного корреляционного анализа (мотивационный аспект – операциональный аспект $r = 0,021$ (при $p > 0,1$), мотивационный аспект – прагматический аспект $r = 0,043$ (при $p > 0,1$), операциональный аспект – прагматический аспект $r = -0,011$ (при $p > 0,1$)). Отсутствие статистически достоверной и сильной связи между значениями переменных позволяет утверждать о наличии согласованности шкал и о внутренней валидности опросника.

Охарактеризуем подробнее различные аспекты субъективного отношения респондентов к осваиваемым компетенциям профессий помогающего типа:

Мотивационный аспект (или насколько «важно») субъективного отношения респондентов к осваиваемым компетенциям включает компоненты познавательной активности личности, которые проявляются в осознанном и целенаправленном саморегулировании учебной или профессиональной деятельности.

Операциональный аспект (или насколько «владею») субъективного отношения респондентов к осваиваемым компетенциям характеризуется осознанием целей, средств и задач, которые будут способствовать эффективной профессионализации.

Прагматический аспект (или как часто «использую») субъективного отношения респондентов к осваиваемым компетенциям раскрывает смысловую нагрузку учебной или профессиональной активности личности, а также выявляет причины, по которым студент затрачивает усилия, соотносящиеся с поиском и использованием необходимой информации.

В результате для каждого изучаемого параметра была рассчитана суммарная оценка отношения отобранных респондентами компетенций к общему количеству отобранных в методике компетенций. Так, в целом по выборке обучающихся на втором курсе были получены следующие результаты, представленные в таблице 1.

Для подтверждения статистически достоверных различий между полученными значениями был применен Т-критерий Стьюдента для независимых выборок, результаты представлены в таблице 2.

Данные свидетельствуют о наличии статистически достоверных различий в средних оценках респондентами второго курса обучения различных аспектов изучаемых компетенций.

Наибольшие средние значения были получены у параметра «мотивационный аспект компетенций» («важно»), значение которого $x = 8,99$. Далее параметры «операциональный аспект компетенций» («владею») и «прагматический аспект компетенций» («использую») имеют значения $x = 8,06$ и $x = 7,09$ соответственно. Полученные различия между переменными являются статистически достоверными и значимыми. На основании этого можно полагать, что субъективное отношение к различным аспектам осваиваемых компетенций можно представить в виде определенной иерархии, которая будет представлена следующим образом: «важно» – «владею» – «использую». По нашему мнению, полученная в результате исследования иерархия в содержательном плане будет отражать внутреннюю согласованность различных аспектов осваиваемых компетенций (мотивационный, операциональный и прагматический).

При этом стоит отметить, как достоверные на статистическом уровне значимости различия средних значений, так и достоверные различия с их относительной величиной. Среди средних значений показателей пары «мотивационный аспект компетенций – прагматический аспект компетенций» ($T = 9,89$) выявлен значимый «разрыв», что дает основание полагать, что положительная мотива-

ционная значимость компетенции не обязательно будет совпадать с ее прагматической оценкой. Между переменными пары «операциональный аспект компетенций – мотивационный аспект компетенций» также был отмечен определенный «дисбаланс» ($T = -5,08$), где положительная мотивационная значимость компетенции не соответствует ее операциональной оценке, то есть важность освоения компетенции не означает факт того, насколько ею владеет личность. Схожие выводы можно проследить при рассмотрении пары переменных «операциональный аспект компетенций – прагматический аспект компетенций», где достоверность различий средних значений составляет $T = 4,86$.

На четвертом курсе обучения респонденты повторно приняли участие в опросе. Результаты суммарной оценки отношения к отобранным компетенциям представлены в таблице 3.

С целью подтверждения статистически достоверных различий между полученными значениями был применен T-критерий для независимых выборок, результаты представлены в таблице 4.

Приведенные данные свидетельствуют об изменении структуры субъективного отношения личности к осваиваемым компетенциям в зависимости от курса обучения. Наибольшие средние значения были получены у параметра «прагматический аспект компетенций» («использую»), значение которого $x = 9,56$. Далее параметры «операциональный аспект компетенций» («владею») и «мотива-

Таблица 1

Средние значения и дисперсия результатов оценки компетенций по параметрам «владею», «важно», «использую» (2-й курс обучения)

Параметры оценки аспектов компетенций	Среднее значение	Дисперсия
Операциональный аспект компетенций	8,0628	,98565
Мотивационный аспект компетенций	8,9856	,80785
Прагматический аспект компетенций	7,0923	,83589

Таблица 2

Достоверность различий средних значений параметров «владею», «использую» и «важно» (2-й курс обучения) (при $p = 0,000$)

Параметры оценки компетенций	T
Мотивационный аспект компетенций – Прагматический аспект компетенций	9,888
Операциональный аспект компетенций – Прагматический аспект компетенций	4,865
Операциональный аспект компетенций – Мотивационный аспект компетенций	- 5,082

ционный аспект компетенций» («важно») имеют значения $x = 8,05$ и $x = 6,96$ соответственно. Субъективное отношение к различным аспектам осваиваемых компетенций на старших курсах обучения имеет следующую иерархию: «использую» – «владею» – «важно», что отражает значимость для обучающихся на старших курсах обучения того, на сколько часто они могут использовать осваиваемую компетенцию. Полученная иерархия противоположна структуре субъективного отношения обучающихся на втором курсе.

На основании результатов опроса респондентов различных этапов обучения в вузе, можно сделать следующие выводы: на первичных этапах обучения различная оценка сторон компетенций обучающимися помогающим профессиям свидетельствует о наличии необходимого в данном случае мотивационного напряжения. Полагаем, что вектор выявленного мотивационного напряжения направлен от осознания важности компетенции через осознанное владение ей к осознанию ее конкретной практической ценности. В данном случае возникающее мотивационное напряжение выступает основой формирования отношения к осваиваемым компетенциям. Как следствие выявленного обстоятельства, сближение оценок или их совпадение, произойдет в ходе осуществления практической профессиональной деятельности, в процессе которой помогающий специалист будет совершенствовать умения, навыки и видеть конкретные результаты своих усилий. Позитивное формальное отношение к компетенции со стороны обу-

чающегося не будет означать принятия и использования им ее как важного условия эффективного осуществления профессиональной деятельности. Полагаем, что различные психолого-педагогические технологии будут способствовать наиболее эффективному овладению обучающимися различными компетенциями. Например, применение интерактивных технологий эвристического типа, технологий развития критического мышления, исследовательские и информационные технологии, по нашему мнению, будут способствовать освоению научно-исследовательских компетенций и проявлению активности, самостоятельности личности. Под интерактивными технологиями обучения эвристического типа мы понимаем те образовательные технологии, которые направлены на познание, профессионально-личностное развитие обучающегося, поиск им истины посредством ее открытия в процессе сотрудничества. Реализации данных задач соответствуют синектические методы, выполнение различных проектов и в том числе междисциплинарных, овладение и внедрение в деятельность методов и методик других наук. Развитию коммуникативных компетенций как одних из основополагающих компетенций и детерминирующих эффективность помогающей деятельности будут способствовать интерактивные технологии обучения имитационного (мозговой штурм, решение различных ситуационных задач или обсуждение конкретных кейсов) и дискуссионного типов (проведение тематических круглых столов, побуждение обучающихся к участию в учебной дис-

Таблица 3

Средние значения и дисперсия результатов оценки компетенций по параметрам «владею», «важно», «использую» (4-й курс обучения)

Параметры оценки аспектов компетенций	Среднее значение	Дисперсия
Прагматический аспект компетенций	9,5648	,79566
Операциональный аспект компетенций	8,0586	,78085
Мотивационный аспект компетенций	6,9623	,63549

Таблица 4

Достоверность различий средних значений параметров «владею», «использую» и «важно» (4-й курс обучения) (при $p = 0,000$)

Параметры оценки компетенций	T
Прагматический аспект компетенций – Мотивационный аспект компетенций	8,783
Операциональный аспект компетенций – Прагматический аспект компетенций	7,685
Операциональный аспект компетенций – Мотивационный аспект компетенций	4,899

куссии с преподавателем-ведущим, со студентом-ведущим, без ведущего, в форме «судебных заседаний», «форума», «заседания экспертной группы», парной, звеньевой, бригадной и др.). Наиболее актуальными технологиями в контексте активизации образовательной среды вуза являются: проведение совместных занятий с обучающимися российских и иностранных отделений, осуществление патронажного сотрудничества, а также участие обучающихся в международных праздниках. Данные технологии также направлены на формирование позитивного отношения к освоению компетенций, связанных с оказанием помощи людям различных национальностей и социальных групп, проявление толерантности в работе. Такие технологии способствуют формированию зрелой, осознанной профессиональной позиции будущего специалиста помогающей профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гладких 2011 – *Гладких В.В.* Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в поликультурной среде вуза: системно-деятельностный подход: дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2011. 436 с.
- Гладких web – *Гладких В.В.* Сущность и особенности формирования поликультурной информационной среды учреждения образования // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (92). С. 41–46 // <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-osobennosti-formirovaniya-polikulturnoy-informatsionnoy-sredy-uchrezhdeniya-obrazovaniya> (дата обращения: 21.03.2020).
- Гукаленко, Пустовойтов 2017 – *Гукаленко О.В., Пустовойтов В.Н.* Поликультурное образовательное пространство как среда обеспечения социально-педагогической безопасности молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6 // <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27331> (дата обращения: 09.03.2020).
- Ерофеев, Базаров 2014 – *Ерофеев А.К., Базаров Т.Ю.* Авторские технологии разработки моделей компетенций // Организационная психология. 2014. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskie-tehnologii-razrabotki-modeley-kompetentsiy> (дата обращения: 21.03.2020).
- Зеер, Сыманюк 2005 – *Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э.* Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 23–30.
- Климов 2014 – *Климов Е.А.* Трудности и перспективы становления профессионала // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2014. № 3. С. 48–53.
- Куликов, Арпюхина, Чумаков 2016 – *Куликов В.С., Арпюхина А.И., Чумаков В.И.* Диагностика результативности педагогической технологии в непрерывном профессиональном образовании // Проблемы непрерывного профессионального образования в России: состояние и перспективы: материалы докл. VI Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Ростов н/Д: Изд-во РостГМУ. 2016. С. 100–113.
- Михайлова web – *Михайлова Т.В.* Поликультурная среда вуза: к вопросу о содержании понятия // [Материалы всероссийских педагогических чтений «Педагогическое наследие Степана Павловича Титова». Барнаул: АлтГПА. 2010. С. 320–322] // <https://old.altspu.ru/titov/sourcebook>.
- Сибяева, Тлявзина web – *Сибяева Г.М., Тлявзина Г.А.* Роль поликультурной образовательной среды в формировании профессиональных ценностей будущих педагогов-психологов // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 7 (ч. 1). С. 38–39 // <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=5443> (дата обращения: 26.08.2019).
- Слепцова 2017 – *Слепцова М.В.* Анализ содержания понятия «Поликультурная образовательная среда» // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 3 (27) // <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-polikulturnaya-obrazovatel'naya-sreda> (дата обращения: 12.08.2020).
- Хуторской 2020 – *Хуторской А.В.* Структура и содержание компетентностного учебника для вуза // Высшее образование сегодня. 2020. № 1. Педагогика. С. 8–13.
- Черникова 2019 – *Черникова Т.В.* Креативность и творчество: феномен и проблемы исследования // Теория и практика реализации творческого потенциала: монография / А.Б. Паныкин (ред.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 9–25.
- Черникова 2013 – *Черникова Т.В.* От квалитметрии к развитию компетентности: динамика современных подходов к управлению качеством образования в вузе // Управление качеством образования в вузе: проблемы, перспективные идеи и технологии: материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1 / Исламгулова С.К. (ред.). Алматы: Университет «Туран», 2013. С. 18–38.

- Godsey 2011 – *Godsey S.* Student perceptions of professional identity and cultural competence : in partial fulfillment ... doctor of education Duluth, 2011.
- Imai, Kanero, Masuda 2016 – *Imai M., Kanero J., Masuda T.* The relation between language, culture, and thought // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 8. P. 70–77.
- Koester, Lusting 2015 – *Koester J., Lusting M.W.* Intercultural communication competence: Theory, measurement, and application // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 48. P. 20–21.
- Liu, Fang 2017 – *Liu J., Fang F.* Perceptions, awareness and perceived effects of home culture on intercultural communication: Perspectives of university students in China // *System*. 2017. Vol. 67. P. 25–37.
- Mohtashami et al. 2015 – *Mohtashami J., Rahnama H., Farzinfard F., Talebi A., Atashzadeh-Shoorideh F., Ghalenoee M.A.* Survey of Correlation between Professional Identity and Clinical Competency of Psychiatric Nurses // *Open Journal of Nursing*. 2015. № 5. P. 765–772.
- technology in continuing professional education. *Problems of continuing professional education in Russia: state and prospects Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. Rostov-on-Don, Publishing house RostGMU. P. 100-113.
- Mikhaylova T.V. Multicultural environment of the university: to the question of the content of the concept. *Materials of all-Russian pedagogical readings «Pedagogical heritage of Stepan Pavlovich Titov»*. Barnaul, AltGPA, 2010, pp. 320-322. URL: <https://old.altspu.ru/titov/sourcebook>.
- Sibayeva G.M., Tlyavsina G.A., 2014. The role of multicultural educational environment in the formation of professional values of future teachers-psychologists. *International Journal of Experimental Education*, no. 7-1, pp. 38-39. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=5443> (accessed 26 August 2019).
- Sleptsova M.V., 2017. Analysis of the content of the concept «Multicultural educational environment». *Professional education in Russia and abroad*, no. 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-polikulturnaya-obrazovatel'naya-sreda> (date accessed: 12.08.2020).
- Khutorskoj A.V., 2020. Structure and Content of the Competent Textbook for the University. *Higher Education Today*, no. 1. Pedagogy, pp. 8-13.
- Chernikova T.V., 2019. Creativity and creativity: the phenomenon and problems of research. Pan'kin A.B. (ed.). *Theory and practice of realizing creative potential: monograph*. Elista, Izd-vo Kalm. un-ta, pp. 9-25.
- Chernikova T.V., 2013. From qualimetry to the development of competence: the dynamics of modern approaches to managing the quality of education at a university. Islamgulova S.K. (ed.). *Management of the quality of education at the university: problems, promising ideas and technologies: Materials of the Intern. scientific conf.* Part 1. Almaty, Turan University, pp. 18-38.
- Godsey S., 2011. *Student perceptions of professional identity and cultural competence: in partial fulfillment ... doctor of education*. Duluth. 99 p.
- Imai M., Kanero J., Masuda T., 2016. The relation between language, culture, and thought. *Current Opinion in Psychology*, vol. 8, pp. 70-77.
- Koester J., Lusting M.W., 2015. Intercultural communication competence: Theory, measurement, and application. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 48, pp. 20-21.
- Liu J., Fang F., 2017. Perceptions, awareness and perceived effects of home culture on intercultural communication: Perspectives of

REFERENCES

- Gladkikh V.V., 2011. *Civil-patriotic education of youth in the multicultural environment of a university: a system-activity approach: dis. ... dr ped. sciences*. Tambov. 436 p.
- Gladkikh V.V., 2010. The essence and features of the formation of a multicultural information environment of an educational institution. *Vestnik TGU. Series: Humanities*, no. 12, pp. 41-46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-osobennosti-formirovaniya-polikulturnoy-informatsionnoy-sredy-uchrezhdeniya-obrazovaniya>.
- Gukalenko O.V., Pustovoytov V.N., 2017. Multicultural educational space as a medium for ensuring the socio-pedagogical safety of youth. *Modern problems of science and education. Section: Pedagogical sciences*, no. 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27331> (accessed 09 March 2020).
- Zeyer E.F., Symanyuk E.E., 2005. Competency-based approach to the modernization of vocational education. *Higher education in Russia*, 2005, no. 4, pp. 23-30.
- Klimov Ye.A., 2014. Difficulties and prospects of becoming a professional. *Municipal education: innovation and experiment*, no. 3, pp. 48-53.
- Kulikov V.S., Artyukhina A.I., Chumakov V.I., 2016. Diagnostics of the effectiveness of pedagogical

university students in China. *System*, vol. 67, pp. 25–37.
Mohtashami J., Rahnama H., Farzinfard F., Talebi A.,
Atashzadeh-Shoorideh F., Ghalenoee M.A.,

2015. Survey of Correlation between Professional Identity and Clinical Competency of Psychiatric Nurses. *Open Journal of Nursing*, no. 5, pp. 765-772.

Information About the Author

Olga I. Shutova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of General and Clinical Psychology, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, post@volgmed.ru, <https://www.volgmed.ru>, <https://orcid.org/0000-0003-4907-9584>

Информация об авторе

Ольга Игоревна Шутова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, Волгоградский государственный медицинский университет, площадь Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, post@volgmed.ru, <https://www.volgmed.ru>, <https://orcid.org/0000-0003-4907-9584>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.12>

UDC 179:[101.1+101.3]

LBC 87.223.4

PHILOSOPHICAL PRACTICE IN THE HISTORICAL-CULTURAL AND EPISTEMOLOGICAL CONTEXT

Anna V. Yaroslavtseva

Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article offers a possible interpretation of the “philosophical practice” concept, examines the nature and closeness of the relationship between philosophy and philosophical practice, outlines the activities of the philosopher-practice in the light of this interpretation. Ethics has traditionally been considered as a practical part of philosophy. Since the inception of philosophy until the end of Early Modern Times, ethics is regarded as a top of philosophical knowledge. In addition to the well-established, common at this time period, understanding of ethics as part of philosophy, A. A. Huseynov proposed to consider “ethics” as the moral pathos of philosophy in toto. In this case, the whole philosophy acquires an ethical function (the subject of entire philosophy becomes, among other things, the human behavior determined by free will and the reality that this behavior establishes); it becomes possible to assert that ethics and philosophy are inseparable by the nature of philosophical knowledge and its practical part; to assume that the position of philosophical practice in modern philosophy structure may be similar to the position of ethics in classical philosophy as a top of philosophical knowledge, the ultimate goal of philosophical reasoning. It is argued that the project of philosophical practice, understood as a way of life and the actions of philosophers, explicitly returns philosophy to its origins, to the historical context in which philosophy, its practical applications and meanings arose. In the ancient world, philosophy was an ethical project, a spiritual practice close to religious, a way of being and a way of enhancement. Lack of knowledge, lack of moral guidelines, and the imperfection of existing social, cultural, scientific, economic, political practices prompted philosophers to reason. Philosophy which dealt only with itself, removed itself from solving “non-philosophical” problems, lost relevance. The same can be unhesitatingly said about medieval, Renaissance, modern philosophy. Modern philosophy has retained a native interest in what is happening in the world around it; shares the desire to influence human practices inherent in philosophy, science and religion; in some cases there is no alternative. This allows us to conclude that modernity, no less than antiquity, reveals to those who practice a philosophical way of life and action opportunities for the broadest application of philosophical knowledge in various areas of people’s practical life.

Key words: philosophical practice, history of philosophy, ethics, axiology, practical philosophy, the structure of philosophy, philosophizing.

Citation. Yaroslavtseva A.V. Philosophical Practice in the Historical-Cultural and Epistemological Context. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 109-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.12>

УДК 179:[101.1+101.3]

ББК 87.223.4

ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Анна Владимировна Ярославцева

Новосибирский государственный медицинский университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается одна из возможных интерпретаций понятия «философская практика», рассматривается характер связи между философией и философской практикой, очерчивается круг деятельности философа-практика в свете данной интерпретации. К практической части философии традиционно относят этику. С момента зарождения философии до конца эпохи модерна этика считалась вершиной философского знания. Помимо устоявшегося, распространенного в указанный временной период, понимания этики как части философии А.А. Гусейнов предложил рассматривать моральный пафос философии в целом. В этом случае вся философия приобретает этическую функцию (предметом всей философии становится, в том числе, определяемое свободным выбором человеческое поведение и реальность, которая этим поведением учреждается); становится возможным утверждать, что этика и философия неразделимы по природе философского знания и его практической части; предполагать, что положение философской практики в структуре современной философии может быть сходным с положением этики как вершины философского знания, конечной цели философских рассуждений в классической философии. Утверждается, что проект философской практики, понимаемой как образ жизни и действия философов, в явной форме возвращает философию к истокам, к историческому контексту, в котором возникла философия и ее практические приложения и смыслы. В античном мире философия была этическим проектом, духовной практикой, близкой к религиозной, способом существования и путем развития; к размышлениям философов побуждал недостаток знаний, отсутствие нравственных ориентиров, несовершенство существующих социальных, культурных, научных, экономических, политических практик. Философия, которая занималась только собой, самоустранилась от решения «нефилософских» проблем, утрачивала актуальность. То же самое можно уверенно сказать о средневековой, ренессансной, нововременной философии. Современная философия сохранила неподдельный интерес к происходящему в окружающем мире, разделяет общее для философии, науки и религии стремление оказывать влияние на человеческие практики, в отдельных случаях ей нет альтернативы. Это позволяет сделать вывод о том, что современность в не меньшей степени, чем древность, раскрывает перед теми, кто практикует философский образ жизни и действия, возможности для широчайшего приложения философского знания к различным областям практической жизни людей.

Ключевые слова: философская практика, история философии, этика, аксиология, практическая философия, структура философии, философствование.

Цитирование. Ярославцева А. В. Философская практика в историко-культурном и эпистемологическом контексте // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 109–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.12>

Целью работы является получение предварительных ответов на немногочисленные тесно связанные между собой вопросы: предполагает ли философское знание практику – «жизнь, действительность как область применения и проверки каких-либо выводов, положений», «применение каких-либо знаний, навыков на деле» [Словарь русского языка 1999, 358] с вытекающими отсюда последствиями в виде накопленного опыта и усовершенствованных методов практического приложения философских знаний? Если да, то в чем она состоит? Это позволит хотя бы вообразить ответ на вопрос «что значит практиковать философию», «что значит быть философом-практиком», который, как представляется, важен, – как внутренняя задача движения философов-практиков, а также как предмет, затрагивающий место, статус философии в современном мире.

В работе А.А. Гусейнова «Без этики нет философии», посвященной проблеме, сформулированной журналом «Логос»: почему фило-

софы до конца Нового времени рассматривали этику (практическую философию, отвечающую на вопрос как жить и что делать) как вершину философии, а в современности все изменилось: философия не может предложить новую этику, – выдвигается несколько тезисов, относящихся к предмету нашего разговора, достойных самого пристального внимания. Поскольку одно из предлагаемых значений этики – моральный пафос философии в целом, отличный от этики как части философии; а предмет этики как части философии очерчивается, с одной стороны, как «человеческое поведение в той части, в которой оно определяется его свободным выбором», с другой, – реальность, которая этим поведением учреждается [Гусейнов 2008, 240], этика (практическая философия) оказывается близка к философской практике по смыслу. Предложенная А.А. Гусейновым формулировка вопроса, обозначающая его «другую сторону»: почему этика не может эмансипироваться от философии и «почему философия обязатель-

но должна завершаться этикой, включать в себя этику, почему она немислима без этики» [Гусейнов 2008, 240], может быть обращена на философскую практику: почему философская практика не может быть эмансипирована от философии, почему философия непременно должна завершаться философской практикой, немислима без нее.

Предположим, что философия никогда не уходила от интерпретации этики (практического смысла философии) как вершины философского знания, конечной цели философских рассуждений. Проект философской практики в явной форме возвращает философию к истокам, к историческому контексту, в котором возникла философия и ее практические приложения и смыслы, является продолжением традиции философствования в том случае, если мы станем понимать философскую практику (или практическую философию) в самом прямом и буквальном значении – как основанную на сознательном целеполагании, направленную на преобразование действительности работу философов, одним из следствий которой является социокультурный статус философии, место (положение) философии в мире. Тогда для того, чтобы узнать, в чем состояла философская практика ранее, следует обратить внимание на образ жизни и действия философов, обратиться к истокам философского знания, охарактеризовать различные исторические формы философской практики.

Истоки – это этические максимы древнегреческих мудрецов [Фрагменты... 1989, 91–94], которые отвечали на последние и поэтому самые главные философские вопросы (как жить и что делать); были сообществом людей, объединенных особым образом жизни, участниками общественного движения этико-религиозной направленности, носителями древних жреческих знаний, духовными практиками, вследствие чего обретали славу пророков и чудотворцев; оказывали помощь народу предсказаниями и мудрыми советами [Фрагменты... 1989], включая врачебные [Жмудь 1994] и подобные «по коже ясно» Ферекида, относящиеся к областям эпистемологии и медицины одновременно [Фрагменты... 1989, 84]; принимали самое активное участие в формировании нового этического стандарта, нравственных ориентиров для об-

щества; принимали участие в социальной жизни [Антология кинизма 1984], государственных делах, что способствовало накоплению морального и иного практического опыта. Этика была сердцем философского знания, а философия в целом – способом сформировать образ жизни и образ действия, поэтому именно необходимость практиковать можно считать ключевым мотивом, побуждавшим ранних греческих философов размышлять о природе (о начале всего сущего), и конечной целью размышления – ведь знание «места», в котором мы пребываем, его «устройства», позволяет сделать выводы относительно того, каким образом мы можем действовать, на какие результаты мы можем рассчитывать; в древней Греции занятие «изучение устройства мироздания» имело именно такой смысл [Гусейнов 2008, 242].

В таком случае философия действительно представляет из себя этический проект «возникает и существует в рамках идеальных устремлений человека, ...она есть не то, что изучают по несколько часов в неделю в течение одного года, а то, чем постоянно живут» [Гусейнов 2008, 242], а также духовную практику, очень близкую к религиозной.

А.А. Гусейнов отмечает, что если рассматривать философию как род моральной или духовной практики, становится понятен изначально свойственный философии плюрализм философских систем. Различные философские учения не совместимы между собой по критерию истины; если рассматривать философию просто как род познания, то это противоречивое знание. Однако, если рассматривать философские доктрины как этические учения, способы существования различающихся между собой видов индивидуально сущего, каждое пребывающее в собственной уникальной ситуации, обладающее неповторимым опытом познания и действия, бытия-в-мире – философия существует в единственно возможной для себя форме [Гусейнов 2008, 243].

Следующий аргумент: никто не говорит слов без причины и цели, включая философов [Гусейнов 2008, 244]. Что же является причиной и целью высказываний философов? Причина – недостаток познаний, отсутствие нравственных ориентиров, выражающееся в существующих социальных, культурных, научных,

экономических, политических и т.п. практиках, цель – совершенствование человека, улучшение существующих социальных, культурных, научных, экономических, политических и т.п. практик, которое невозможно без усовершенствования человека, способом осуществления которого является, в том числе, философия.

Даже лучшим зачастую хотелось сохранить нейтралитет, молчаливо согласиться, не вмешиваться в происходящее под солнцем, уйти в чистое философское созерцание [Гусейнов 2008, 245–246], однако этот проект повсеместно оказывался неудачным, философы регулярно оказывались вынужденными принимать участие в социальной жизни общества, подобно Сократу или Бозэцию; организовываться в общественные движения, вдохновлять общественные движения с целью добиться перемен, подобно киникам.

Если желание укрыться от бурь и невзгод, уклониться от решения актуальных жизненных проблем время от времени начинало преобладать, философию ждало неизбежное сворачивание актуальных философских проектов: «тенденция к духовному аристократизму, к замкнутости на саму себя явилась одной из несомненных внутренних причин конца античной философии»; философия, которая «не смогла вписать себя в широкую практику моральной жизни» общества, оказывалась обречена [Гусейнов 2008, 246].

В средние века философия укореняла христианское мировоззрение и картину мира; здесь мы также наблюдаем участников общественного движения этико-религиозной направленности (раннехристианские общины, выдвинувшие из своих рядов апологетов и отцов церкви), сообщества людей, объединенных особым образом жизни (средневековые философы – члены монашеских орденов), носителей религиозных знаний, духовных практиков (как вследствие участия в религиозной жизни и религиозных организациях, так и вследствие обретаемого в силу особой одаренности мистического опыта).

Лица, принимающие самое активное участие в формировании нового этического стандарта, включавшего в себя, в частности, идеи того, что каждое естественное существо хорошо, обладает общими с другими существами хорошими качествами [Schaefer 2009, 18];

восприятие живых организмов, водоемов, ландшафтов и т.д. как хора голосов, которые славят Бога [Schaefer 2009, 103]; представление о целостности творения, в котором все живые и неодушевленные создания действуют совместно из желания сотрудничать с Богом [Schaefer 2009, 121]; концепция родства человека со всем живым и неживым творением, которая находила выражение в практическом положительном отношении к животным и природному окружению [Schaefer 2009, 149] – все это заложило прочные философско-религиозные основания, как минимум, для образования прочных социальных связей между людьми, нравственных ориентиров для общества, а также в социальной жизни и государственных делах. Так, философы-схоласты принимали участие в упорядочивании общественной жизни, формировании новых социальных институтов путем оправдания частной собственности и торговли (учение Ф. Аквинского о «справедливой цене» и др.), войны (феномен военно-религиозных орденов и философского оправдания религиозных войн), что способствовало накоплению опыта, как минимум, в сфере ценностей, их практической значимости и воплощения.

Философия (точнее, преимущественно религиозная вера, неотъемлемой частью которой была теология) была для средневековых философов способом сформировать образ жизни и образ действия, что, в свою очередь было для них ключевым мотивом, побуждавшим к размышлениям о бытии и познании, ведь подобного рода размышления в средние века так же, как и в античности, позволяли делать выводы относительно того, каким образом мы можем действовать, на какие результаты в случае тех или иных поступков можем рассчитывать.

Ренессансное мышление, мировоззрение, философия формировались в отрицании Средневековья и возрождении античного наследия. Свойственное Ренессансу «полемическое самосознание» характеризовало «программу разрыва со старым миром с целью утвердить иные формы воспитания и общения, иное общество и иные взаимоотношения между человеком и природой» [Гарэн 1986, 34]. Основанием для рождения другой (новой) культуры и другого (научного) зна-

ния послужил, не в последнюю очередь, переворот в системе ценностей, в оценке всего сущего и отношении к нему – то есть мировоззренческие изменения.

Важнейшей движущей силой мировоззренческих изменений выступили гуманисты – преподаватели и знатоки гуманитарных дисциплин, которые были активными поклонниками древней греческой и римской литературы, поэзии, искусства, философии; собирали античные рукописи; вводили в оборот неизвестные ранее в латиноязычном мире произведения. В этом отношении социо-культурно-эпистемический проект гуманистов был подобен проекту просветителей Нового времени, содействовавших продвижению нового знания, разновидностью философской практики. Одновременно представляя новый (по сравнению со средневековьем) тип мышления и мировоззрения, согласно которому «для человека важны его способность к самовоспитанию и деятельности» [Гарэн 1986, 58], философия должна быть сосредоточена на проблемах человеческой жизни и социальности [Гарэн 1986, 45, 47, 50], открыта для иных форм знания [Гарэн 1986, 51], прагматически ориентирована: «что может быть полезнее и плодотворнее, чем склонить своими речами сограждан к свершению дел, необходимых для государства и избавляющих их от гибели?» [Полициано, цит. по: Гарэн 1986, 92]; примирена с философией природы, заниматься изучением действительности, «основаниями дел человеческих и божественных» [Гарэн 1986, 96, 99, 134]. Гуманистическая философия была практически, эмпирически ориентирована в своих самых существенных интенциях.

В сочинениях европейских философов того периода были поддержаны практически все основные идеи и цели античного пифагореизма и неоплатонизма, в частности, идея математики как истинного знания. Также обрели популярность другие античные философско-религиозные системы, положительно коррелировавшие с неоплатонизмом: герметизм, магия, иные оккультные учения. Увлечения гуманистов – философов-практиков Ренессанса – имели глубочайшие последствия для человеческого знания и культуры: возрождение пифагорейско-неоплатонических представлений о роли математики в познании привело к мате-

матизации естествознания, интерес участников гуманистического общественного движения к мистико-религиозно-философским учениям о природе (другие знания о природе, опиравшиеся на какой-либо опыт и имеющие практические цели, были недоступны), обусловил само возникновение эмпирического естествознания как важнейшей отрасли человеческого познания [Симаков 2005; Головин web].

Математика в эпоху Возрождения многими ассоциировалась с магией [Applebaum 2005, 89]. Она была поставлена на службу нумерологии [Heninger 1974, 235], связана с искусством предсказания, другими оккультными науками, а также с популярными философско-религиозными системами [Heninger 1974, 236–250]. Оккультные науки в целом рассматривались как путь постижения божества и исполнения его воли, способ трансцендирования смертной сферы и «расширения в совершенстве монады» [Heninger 1974, 235]. Неразрывность связи между религией, философией, математикой и их практической частью (мистицизмом, оккультизмом) свидетельствует о том, что занятия как естественнонаучными, так и гуманитарными дисциплинами, в том числе философией, были разновидностью духовной практики.

Важнейшие события европейского Возрождения совпадали не только по времени, но и по действующим лицам: эллинисты-гуманитарии активно участвовали в политической, религиозной жизни современного общества (занятия философией допускали и требовали социальной практики).

Важнейшей практической целью было формирование идеала «достойного человека», возвышение человеческого достоинства, чему служили многие труды гуманистов в соответствии с их представлениями о том, какими путями формируется в человеке «человечность». Гуманистическая философия предполагала экзистенциальную практику.

Философии, науке, религии в той или иной степени было свойственно стремление к истине, благу, утверждению в жизни собственного духовно-нравственного стандарта. В контексте нашего разговора важнее иное, обозначенное другими словами, общее философии, религии и науке стремление оказывать влияние на человеческие познавательные, соци-

альные, экономические, политические и другие практики.

Нововременная философия изобилует яркими примерами. По мнению Ф. Бэкона «лучше положить начало тому, что может привести к выходу, чем вечными усилиями и стараниями связывать себя с тем, что никакого выхода не имеет... мы хотим предостеречь всех вообще, чтобы они помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы и могущества или тому подобных низших целей; но ради пользы для жизни и практики; и чтобы они совершали и направляли ее в любви. Ибо от стремления к могуществу пали ангелы, в любви же нет избытка, и никогда чрез нее ни ангел ни человек не был в опасности» [Бэкон 1935, 72, 85].

Жан-Жак Руссо писал: «Я хочу исследовать, возможен ли в гражданском состоянии какой-либо принцип управления, основанного на законах и надежного, если принимать людей такими, каковы они, а законы – такими, какими они могут быть... Меня могут спросить: разве я государь или законодатель, что пишу о политике. Будь я государь или законодатель, я не стал бы терять время на разговоры о том, что нужно делать, – я либо делал бы это, либо молчал», но «поскольку я рожден гражданином свободного Государства и членом суверена, то, как бы мало ни значил мой голос в общественных делах, права подавать его при обсуждении этих дел достаточно, чтобы обязать меня уяснить себе их сущность». Политические следствия: «одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» и далее по тексту [Руссо web].

И. Кант требовал для каждого члена общества свободы публично пользоваться своим разумом [Кант 1966, 27–35].

Вопреки тому, что утверждается в формулировке проблемы в рассматриваемой статье [Гусейнов 2008], современная философия, обретая возможность автономного от религии и существования, не перестала заниматься тем же, что и в период своего возникновения: ценностями, смыслами, практикой. Говоря о выдающихся философах-практиках, отстаива-

ющих связь философии и жизни, необходимо отметить Ф. Ницше и его сочинение «О пользе и вреде философии для жизни». Философские учения прошлого – часть исторического наследия. Учения настоящего станут таковым, но этого мало: «содержание, которое, согласно предположению, не проявляется ни в чем вонне, может при случае совершенно улечься, а между тем снаружи отсутствие его совершенно не было бы заметно, как незаметно было раньше его присутствие» [Ницше 2013, 115]. Высказывая и распространяя убеждения, можно «взрастить известную потребность, а сильная потребность когда-нибудь породит мощное дело» [Ницше 2013, 117]. Философия в качестве «ученого монолога одинокого скитальца», «случайной добычи отдельного охотника» [за истиной], «скрытой кабинетной тайны» или «неопасной болтовни между академическими старцами и детьми» пребывает в неестественном и недостойном положении. Когда «никто не осмеливается применить к самому себе закон философии, никто не решается жить как философ, обнаруживая ту простую верность мужа, которая заставляла античного мыслителя вести себя, как приличествовало стоику, где бы он ни находился и что бы ни делал, если только он однажды присягнул на верность стоической философии», философия теряет свой смысл – по крайней мере, если она хочет быть чем-то большим, нежели «ушедшим в себя пассивным знанием без воздействия на жизнь». Но она ведь хочет разговаривать, а не молчать, и действовать, вместо того, чтобы ограничиваться разговорами? Если разрешено «думать, писать, говорить, учить философски», а действовать философски запрещено, то остается ли философ философом и человеком? «Люди ли это действительно, спрашиваешь себя тогда, или, может быть, только думающие, пишущие и говорящие машины?» [Ницше 2013, 121].

У Ницше не только философия, но и истина, – предмет стремления и любви философов, – приобретает практический смысл. «По истине, никто не имеет больших прав на наше уважение, чем тот, кто хочет и может быть справедливым», кто «пытается от поверхностного сомнения подняться к строгой достоверности, от мягкой терпимости к императи-

ву «ты должен», от редкой добродетели великодушия к редчайшей добродетели справедливости», кто желает истины «не как холодного, самодовлеющего познания, а как упорядочивающего и карающего судьи... стремиться к истине не как к эгоистическому предмету обладания для отдельного лица, но как к священному праву передвигать все грани эгоистических владений» [Ницше 2013, 125–126], к истине как справедливости, то есть к тому, что находит выражение в праксисе и состоит в соответствии деяния и воздаяния за него.

«Мало кто воистину служит истине, ибо лишь немногие обладают чистою волей быть справедливыми, и из числа последних лишь совсем немногие достаточно сильны, чтобы на деле быть справедливыми... Существует масса безразличных истин; существуют проблемы, для правильного решения которых не нужно никакого усилия над собой, не говоря уже о самопожертвовании. В этой безвредной области безразличия человеку, пожалуй, и удастся иногда делаться холодным демоном познания; и все-таки, даже когда, в особенности в самые счастливые эпохи, целые когорты ученых и исследователей превращаются в таких демонов, не исключена, к сожалению, возможность, что эта эпоха будет страдать недостатком строгой и возвышенной справедливости, короче – отсутствием благороднейшей сердцевинны так называемого инстинкта истины...» [Ницше 2013, 126–127]. Поскольку для того, чтобы быть справедливым недостаточно одной воли к истине и стремления к справедливости, но необходима также «достаточная сила суждения», – чтобы «отличить фанатика от судьи и слепую страсть творить суд от сознательной уверенности в праве судить» [Ницше 2013, 126], – теоретическая философская работа незаменима, неизбежна, необходима для полной реализации самых глубинных и сущностных философских стремлений.

К. Поппер говорил о практическом смысле воли, а также направляющих волно принципов, критики и скептицизма – в том числе и даже в первую очередь философских – в плане определения возможных исходов нашего существования и насущного, актуального бытия: «Начиная с сегодняшнего дня мы сами, наша воля, наши этические убеждения, – вот что может влиять (хотя, конечно, лишь отчас-

ти) на то, что случится в будущем. Мы способны влиять на будущее, и не только посредством наших этических убеждений и верований, но и с помощью нашей готовности принять на себя ответственность, с помощью критического к себе отношения, благодаря способности учиться и разучиваться, благодаря нашему скептицизму в оценке идеологий, особенно идеологий исторического характера» [Поппер 1993, III]. Р. Рорти не только отстаивал понимание философии как разговора человечества, интеллектуальной игры, в которой нет ограничений на вход, он лично был чужд «профессиональной клановости и провинциальной замкнутости», пытался объединить философское сообщество [Юлина 1998, 5] – его жизнь соответствовала его философии.

Этику, следовательно, философию, нельзя отделить от политики, экономики и других сфер человеческого праксиса. Ярким примером является сравнительно недавно основанное новое направление прикладной этики – экологическая этика. Сейчас над воплощением в жизнь принципов экологической этики работает ЮНЕСКО, Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам, различные государственные структуры и общественные организации. Если этические принципы, выработанные в рамках одного из направлений прикладной этики, становятся основой для принятия политических решений, то что может быть практичнее хорошей философии? И может ли человечество предложить альтернативу разумной, здоровой, философской экологической этике в качестве «площадки» достижения консенсусов относительно нормативных принципов и практических решений в области взаимоотношения человека и природы? Экологическая этика призвана устранить экологические дисбалансы [Yang web], которые ставят под угрозу существование вида *Homo sapiens* в будущем и изменяют жизнь отдельных представителей к худшему в настоящем.

Заключение

Вопросы о том, как мы понимаем философию, место этики в системе философии, философскую практику взаимосвязаны, неразделимы. Современность, как и древность, – вре-

мя широчайшего приложения философского учения о ценностях к различным областям практической жизни людей. Поскольку философия оказывается чужда веяниям времени, перестает отвечать на актуальные запросы, лишь постольку она лишена процветания и возможности влияния на происходящее. Несомненные достоинства философии – взгляд на окружающую среду в очень широком контексте, наличие способов обоснования прескриптивных высказываний, способность видеть отдаленные последствия и усматривать сущность происходящего – незаменимы в любом деле.

Благодаря своей уникальности философия от момента возникновения до наших дней неразрывно связана с практикой человечества: философы участвовали в оформлении содержания религиозных учений, формировании и воплощении новых этических и эпистемических стандартов, в общественных движениях, в создании течений и жанров в искусстве, в организации коммуникации между представителями различных социальных групп. Делать это, реализовывать философские принципы в своей собственной жизни и означает быть философом-практиком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология кинизма 1984 – Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.: Наука, 1984.
- Бэкон 1935 – *Бэкон Ф.* Новый Органон. Л.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1935.
- Гарэн 1986 – *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. Избранные работы. М.: Прогресс, 1986.
- Головин web – *Головин Е.* Джон Ди и конец магического мира // <http://golovinfond.ru/content/dzhon-di-i-konec-magicheskogo-mira>.
- Гусейнов 2008 – *Гусейнов А.А.* Без этики нет философии (Ответы на вопросы журнала «Логос») // Логос. 2008. № 1 (64). С. 239–262.
- Жмудь 1994 – *Жмудь Л.Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: ВГК, Алетейя, 1994.
- Кант 1966 – *Кант И.* Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
- Ницше 2013 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М.: Культурная революция, 2013.

- Поппер 1993 – *Поппер К.* Ницета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс» –VIA, 1993.
- Руссо web – *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или принципы политического права // https://www.civisbook.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf.
- Симаков 2005 – *Симаков М.* Пифагореизм в эпоху Возрождения. М.: Самообразование, 2005.
- Словарь русского языка 1999 – Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
- Фрагменты... 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.
- Юлина 1998 – *Юлина Н.С.* Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Долгопрудный: Вестком, 1998.
- Applebaum 2005 – *Applebaum W.* The Scientific Revolution and the Foundations of Modern Science. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 2005.
- Heninger 1974 – *Heninger S.K.* Touches of Sweet Harmony: Pythagorean Mythology and Renaissance Poetics. San Marino: Kingsport Press, 1974.
- Schaefer 2009 – *Schaefer J.* Theological foundations for environmental ethics: reconstructing patristic and medieval concepts. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2009.
- Yang web – *Yang T.* Towards an egalitarian global environmental ethics (chi) // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000148676_chi?posInSet=6&queryId=d06dbd34-b30c-49ffa3d6-1108908bfdfe.

REFERENCES

- Anthology of Kinism, 1984. *Anthology of Kinism. Fragments of Works by Cynical Thinkers.* Moscow, Nauka Publ.
- Bacon F., 1935. *Novum Organum.* Leningrad, OGISSOCEGIZ.
- Garin E., 1986. *Italian Renaissance Problems. Selected works.* Moscow, Progress Publ.
- Golovin E. *John Dee and the End of the World of Magic.* URL: <http://golovinfond.ru/content/dzhon-di-i-konec-magicheskogo-mira> (accessed 15 May 2020).
- Gusejnov A.A., 2008. There is no Philosophy without Ethics (Answers to Questions from Logos Journal). *Logos*, no. 1 (64), pp. 239-262.
- Zhmud' L.Ya., 1994. *Science, Philosophy, and Religion in Early Pythagoreanism.* Saint Petersburg, VGK, Aletheia Publ.

- Kant I., 1966. *Collected works in 6 volumes*. Vol. 6. Moscow, Mysl' Publ.
- Nietzsche F., 2013. *Complete Works: In 13 Volumes*. Vol.1/2: *Untimely Meditations. From the heritage of 1872-1873*. Moscow, Cultural revolution.
- Popper K., 1993. *The Poverty of Historicism*. Moscow, Publishing group «Progress» – VIA.
- Rousseau J.-J. *The Social Contract, or Principles of Political Right*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf (accessed 15 May 2020).
- Simakov M., 2005. *Pythagoreanism in the Renaissance*. Moscow, Self-education.
- Dictionary of the Russian language, 1999. *Dictionary of the Russian language: In 4 vols*. Moscow, Rus. lang., Poligrafresursy, vol. 3.
- Fragments of early Greek philosophers, 1989. *Fragments of the early Greek philosophers*. Part I. *From the epic teokosmogony before the atomic theory*. Moscow, Nauka Publ.
- Yulina N.S., 1998. *Postmodern Pragmatism of Richard Rorty*. Dolgoprudny, Westcom.
- Applebaum W., 2005. *The Scientific Revolution and the Foundations of Modern Science*. Westport, Connecticut, London, Greenwood Press.
- Heninger S.K., 1974. *Touches of Sweet Harmony: Pythagorean Mythology and Renaissance Poetics*. San Marino, Kingsport Press.
- Schaefer J., 2009. *Theological foundations for environmental ethics: reconstructing patristic and medieval concepts*. Washington, D.C: Georgetown University Press.
- Yang T. *Towards an egalitarian global environmental ethics*. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000148676_chi?posInSet=6&queryId=d06dbd34-b30c-49ff-a3d6-1108908bfdfe (accessed 18 June 2020).

Information About the Author

Anna V. Yaroslavtseva, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Novosibirsk State Medical University, Prosp. Krasnyy, 52, 630091 Novosibirsk, Russian Federation, almarlis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1733-4771>

Информация об авторе

Анна Владимировна Ярославцева, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Новосибирский государственный медицинский университет, просп. Красный, 52, 630091 г. Новосибирск, Российская Федерация, almarlis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1733-4771>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.13>

UDC 316.334.2

LBC 60.561.2

ECONOMY AND CULTURE: IS IT POSSIBLE TO DECODE THE ECONOMY?

[Book Review: “Because We Decided So”:

**Behavioral Economy of Belarus and its Decoding / K. V. Rudy [et al.] ;
under the Scientific Ed. of K. V. Rudy. – Minsk : Zvezda, 2017. – 368 p.]**

Nadezhda V. Dulina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Darya V. Moiseeva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Slowing economic growth, failures of a number of reforms, and rising social tensions are problems encountered in many countries. K.V. Rudy, assistant to the President of the Republic of Belarus for economic issues (2013–2016), brought together a number of leading scientists of the Republic of Belarus and attempted to analyze the failure of the economic policy implemented by him during his public service. As one of the main reasons that the reform of the Belarusian economy could not be carried out according to the planned plan, he calls the culture of Belarusians and offers his view on the cultural matrix of Belarus. The monograph also offers a solution to the identified problem through decoding the economy by changing the cultural matrix, which should proceed in three directions: economic, institutional and socio-logical. The authors see economic decoding in improving the investment climate in order to attract foreign investment; institutional decoding – in changing existing economic, social and innovative development institutions; socio-logical decoding – in using educational paternalism through improving the education system, socio-political transformation by means of nudge (“nudge”) and the renewal of the political system, which implies a multi-party system. Discussing the experience of a particular country, the authors of the monograph touch on an important topic of studying the influence of culture on the economy. The history of research on the relationship between economy and culture is rich, but the materials of the post-Soviet countries are of an isolated nature. The review discusses methodological issues that are fundamentally important in the organization of such research and substantiates the relevance of scientific analysis of this topic on the example of Russia.

Key words: behavioral economics, economy, culture, cultural matrix, cultural code, reforms, values.

Citation. Dulina N.V., Moiseeva D.V. Economy and Culture: is it Possible to Decode the Economy? [Book Review: “Because We Decided So”: Behavioral Economy of Belarus and its Decoding / K. V. Rudy [et al.] ; under the Scientific Ed. of K. V. Rudy. – Minsk : Zvezda, 2017. – 368 p.]. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 118-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.13>

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

**ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА:
ВОЗМОЖНО ЛИ РАСКОДИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ?**

[Рец. на кн.: «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск : Звезда, 2017. – 368 с.]

Надежда Васильевна Дулина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Дарья Викторовна Моисеева

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Замедление экономического роста, неудачи ряда реформ, рост социальной напряженности – проблемы, встречающиеся во многих странах. К.В. Рудый – помощник Президента Республики Беларусь по экономическим вопросам (2013–2016 гг.), объединив ряд ведущих ученых Республики Беларусь, предпринял попытку анализа провала экономической политики, реализуемой им во время своей государственной службы. В качестве одной из главных причин того, что реформирование белорусской экономики не удалось провести по задуманному плану, он называет культуру белорусов и предлагает свой взгляд на культурную матрицу Беларуси. Также в монографии предлагается решение выявленной проблемы через раскодирование экономики путем изменения культурной матрицы, которое должно происходить в трех направлениях: экономическом, институциональном и социологическом. Экономическое раскодирование авторы видят в улучшении инвестиционного климата с целью привлечения иностранных инвестиций; институциональное раскодирование – в изменении существующих экономических, социальных институтов и институтов инновационного развития; социологическое раскодирование – в использовании просветительского патернализма через совершенствование системы образования, общественно-политическое трансформирование посредством подталкивания («nudge») и обновления политической системы, предполагающее многопартийность. Обсуждая опыт конкретной страны, авторы монографии затрагивают важную тему изучения влияния культуры на экономику. История изучения взаимосвязей экономики и культуры богата, но исследования на материалах стран постсоветского пространства носят единичный характер. В рецензии обсуждаются принципиально важные при организации подобных исследований методологические вопросы и обосновывается актуальность научного анализа обозначенной темы на примере России.

Ключевые слова: поведенческая экономика, экономика, культура, культурная матрица, культурный код, реформы, ценности.

Цитирование. Дулина Н. В., Моисеева Д. В. Экономика и культура: возможно ли раскодирование экономики? [Рец. на кн.: «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск : Звезда, 2017. 368 с.] // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 118–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.13>

Исследование взаимосвязей культуры и экономики имеет богатую научную традицию. Представители различных научных дисциплин ставят вопросы о влиянии культуры на развитие экономики, о влиянии экономики на формирование культуры, о взаимосвязи культурных ценностей населения страны и темпов ее экономического развития (М. Вебер, Т. Веблен, М. Грановеттер, К. Маркс, В. И. Ленин, Ф. Хайек и др.). Угол зрения при изучении обозначенной проблематики во многом опре-

деляется той научной дисциплиной, в рамках которой работает ученый, что исходно ограничивает получаемый результат. Социологи упускают из виду экономические показатели, экономисты, наоборот, делают акцент на экономическом результате, не всегда оценивая социальные риски принимаемых экономических решений. В данной статье мы хотели бы обсудить основные идеи, изложенные в коллективной монографии «“Потому что так решили мы”»: поведенческая экономика Беларуси

и ее раскодирование», которая представляет собой междисциплинарную работу белорусских экономистов, социологов, историков и юристов по изучению влияния культурной матрицы на экономику Беларуси. На наш взгляд, несмотря на дискуссионность полученных результатов, книга заслуживает внимания и может служить ценным источником для рассуждения о том, какие ценности, разделяемые россиянами, способствуют, а какие препятствуют успешному экономическому развитию нашей страны.

Научным редактором и автором идеи создания книги стал белорусский государственный деятель, дипломат, доктор экономических наук, профессор Кирилл Валентинович Рудый (1978 г. р.). Полагаем важным обратить внимание на тот факт, что его карьерные передвижения тесно связаны с решением проблем, представленных в обсуждаемой монографии. В 2007–2012 гг. он был советником по торгово-экономическим вопросам Посольства Республики Беларусь в Китайской Народной Республике, в 2013–2016 гг. – помощником Президента Республики Беларусь по экономическим вопросам, в 2014–2016 гг. – начальником Главного экономического управления Администрации Президента Республики Беларусь, а с августа 2016 г. по январь 2020 г. – Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь в КНР. Затем, изменив свою карьерную траекторию, он покинул государственную службу и ушел в бизнес. Занимая руководящие посты, К.В. Рудый во многом определял экономическую политику страны, и именно анализу текущей ситуации и складывающихся долгосрочных тенденций в национальной экономике Республики Беларусь была посвящена другая его монография «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси» [Финансовая диета... 2016]. По сути, в упомянутой монографии представлены основные положения реализуемой политики в области государственных финансов в период его руководства, а монография «Потому что так решили мы» – это анализ проделанной работы. Как пишет сам К.В. Рудый, «“Потому что так решили мы” – это продолжение “Финансовой диеты”, “Заключение” в которой оказалось “Введением” для этой книги. Продолжать заставила очевидность

сложившихся в той книге заблуждений <...> Все эти заблуждения заставили расширить взгляд и посмотреть на белорусскую экономику не только с точки зрения экономиста. Также и перед белорусским читателем открывается возможность под другим углом взглянуть на себя и свое экономическое поведение» [«Потому что так решили мы»... 2017, 16–17]. К.В. Рудый, пытаясь найти причину неудач предложенных им преобразований, обратился к изучению белорусского менталитета и поведенческой модели белорусов в экономике.

Надо отметить, что монография вызвала волну негативной реакции среди белорусских ученых [Борнукова, Годес, Щерба 2020; Воробьев, Майборода 2017; Долинина 2017; Злотников 2018]. Линия критики пролегает как в теоретическом, так и в идеологическом русле. При этом в основном критика адресована непосредственно научному редактору, что вполне может объясняться непопулярностью тех мер финансовой политики, которые были реализованы К.В. Рудым. Не будем погружаться в идеологические споры, а обратимся к конструктивной части критики. Так, например, А.Г. Злотников, В.А. Воробьев и Т. Л. Майборода отмечают, что научный редактор монографии К.В. Рудый чрезмерно вольно перерабатывает теоретические основания, заложенные в новой поведенческой экономике Р. Талера, которая обозначена как основной методологический ресурс. Итак, постараемся представить основные идеи книги.

Первая глава монографии «Культурная матрица: немного теории и практики» построена на богатой библиографии и содержит анализ использования термина «культурная матрица» в разных науках (нейронауке, психологии, социологии, социальной психологии, культурологии, этнологии, антропологии, политологии, экономике и математике). В итоге К.В. Рудый дает собственное определение: «культурная матрица представляет собой сложную, открытую, гибкую и динамичную систему ценностей, определяющих национальные черты» и отмечает, что «национальная матрица складывается под влиянием многообразия природно-географических, исторических, культурных, религиозных, расовых, возрастных, лингвистических, политических, экономических и

иных факторов [«Потому что так решили мы»... 2017, 32–33]. Далее по тексту он уточняет: «Включая в себя совокупность ценностей, поведенческих практик, стереотипов и т. п., культурная матрица в каком-то смысле может рассматриваться как нечто в целом иррациональное, бессознательное и неустойчивое, что можно изменить» [«Потому что так решили мы»... 2017, 35]. Дополняя содержание культурной матрицы, К. В. Рудый, по сути, расширяет это понятие до понятия культуры в социологическом ее измерении: «культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, выражающая определенный уровень исторического развития данного общества и человека» [Социологический энциклопедический словарь 1998, 151]. Возникает вопрос: так чем же культурная матрица отличается от культуры в целом? Тем, что она определяет национальные черты? Каков критерий выделения тех ценностей, которые их определяют, а которые нет?

Надо отметить предельную честность К.В. Рудого, который, предвзято критикуя оппонентов (например: [Тамбовцев 2015]), задается вопросом: а есть ли вообще культурная матрица? И ответу посвящает целый параграф. Интересен вывод, сделанный им: «Таким образом, вопрос, есть ли вообще культурная матрица, обоснован и уместен в рамках данного исследования. Он важен сам по себе для понимания относительности, несовершенства и неуниверсальности отдельных культурных матриц. Этот вопрос подтверждает важную идею данной книги: отдельная национальная культурная матрица не может претендовать на истину, она служит лишь инструментом ее познания» [«Потому что так решили мы»... 2017, 38]. По нашему мнению, автор несколько смешивает уровни познания: культурная матрица – это исследовательский инструмент, необходимый для понимания основ функционирования общества в целом и экономики в частности, и ставить вопрос о его существовании в другом контексте не вполне корректно. Размышляя над книгой, нам представляется важным поставить вопрос о существовании ценностей, которые способствуют или препятствуют развитию экономики страны.

Определившись с понятием культурной матрицы, К.В. Рудый представляет свой лич-

ный взгляд на белорусскую культурную матрицу: «В рамках данного исследования главными чертами современной белорусской матрицы, которые будут далее эмпирически обоснованы, более подробно рассмотрены в своем влиянии на экономику и подвергнуты раскодированию, являются двоемыслие, ориентация на советское прошлое и патернализм» [«Потому что так решили мы»... 2017, 46]. Автор логическим путем сформулировал основные характеристики культурной матрицы Беларуси. Еще раз повторимся, что наша рецензия в большей степени ставит вопрос о возможности использования предложенного подхода к анализу влияния культуры и экономики, чем направлена на обсуждение полученных результатов. С этих позиций автор ставит правильные методические вопросы: возможно ли изучение культурной матрицы изнутри или оно будет искажено и необходим внешний взгляд, при этом не будет ли внешняя оценка – «взгляд из другой культурной матрицы» – так же искажен? Требуется ли изучение культурных матриц межстранового сравнения? Еще один важный методический вопрос: что первично культура или экономика? Автор в решении этого вопроса прямолинеен: «экономика может и является лишь частью нашей жизни, но определяющей частью» [«Потому что так решили мы»... 2017, 56]. Думаем, подобные утверждения сильно сужают угол исследовательского зрения, тогда как для понимания экономической ситуации необходимо погружение экономики как объекта исследования в более широкий социокультурный контекст.

Обозначив методологическую рамку изучения культурной матрицы вообще и Беларуси в частности, авторы приступают к более тщательному ее представлению. Как отмечает К.В. Рудый, «Исследование культурной матрицы и ее влияния на экономику проводится с двух сторон. С одной стороны – экспертная оценка. Мнение, основанное на теории, белорусской и международной практике, исторических примерах, собственной оценке, впечатлениях, интуициях, личном опыте нахождения внутри и вне белорусской матрицы. С другой – социологический замер. Попытка разобраться в признаниях белорусов, их видении, приукрашивании, желаниях, стра-

хах и лжи» [«Потому что так решили мы»... 2017, 60]. Таким образом, появляются две следующие главы: глава 2 «Поведенческая экономика Беларуси» и глава 3 «Социологическое измерение белорусских кодов». Глава 2 содержит экономические характеристики белорусов и факторы поведенческой экономики Беларуси. Эта часть книги, видимо, и вызвала негативную реакцию белорусских ученых. Здесь хотелось бы поставить вопрос о возможности употребления словосочетания «Поведенческая экономика Беларуси».

Поведенческая экономика – сравнительно новое направление экономических исследований, родившееся как попытка психологов объяснить несостоятельность экономических моделей, построенных на рациональности экономических объектов [Тайлер 2017]. Как научное направление методически оно основывается на экспериментальных наблюдениях, опросах и полевых исследованиях. Исследователей не интересует принадлежность к той или иной культурной матрице, они, основываясь на поведенческих экспериментах, изучают экономическую нерациональность агентов и предлагают модели, ее описывающие. Поведенческой экономикой можно назвать модель управления экономикой страны, где широко используются стратегии «nudge» [Талер, Санстейн 2018]. Заголовок второй главы не отражает ее содержание, возможно, уместнее было бы дать стандартный анализ экономических показателей страны, выделив наиболее слабые стороны, или результаты поведенческих экспериментов, которые бы наглядно доказывали, что белорусы ведут себя иначе. И еще один важный момент: поведенческая экономика – это не про ценности и культурные матрицы, но и психология принятия экономических решений.

Глава 3, по задумке научного редактора, должна содержать социологический замер культурной матрицы, однако без логичного перехода начинается анализ культурного, экономического и финансового кодов Беларуси. За рамками монографии остается соотношение понятий «культурная матрица» и «культурный (экономический, финансовый) код». Первый параграф третьей главы построен по логике, отличной от изложения предыдущей части книги: вводится понятие «цивилизацион-

но-культурный код», представляется концепция его исследования [«Потому что так решили мы»... 2017, 110] и результаты выполненного в 2016 г. социологического исследования. Белорусские социологи, подготовившие данную главу, последовательно представляют структуру базовых ценностей белорусского общества, социологическое измерение отношения белорусов к таким ценностям, как работа, деньги, равенство, частная собственность, конкуренция, инновации, а также оценку практик и мотивов финансового поведения. Они приходят к выводу, что «в экономическом коде Беларуси можно выделить как ориентиры на рыночную экономику, так и культурные барьеры для ее развития» [«Потому что так решили мы»... 2017, 120]. Ученые сдержаны в своих оценках и отмечают, что для подтверждения полученных ими выводов требуется мониторинг и межстрановое сравнение. Социологическое измерение экономического и финансового поведения белорусов выполнено грамотно и позволяет составить представление об изучаемых феноменах. Знакомство с текстом этого параграфа вызывает вопрос: а как обстоят дела в России? Каковы культурный, экономический и финансовый коды россиян? Поиск аналогичных исследований, реализованных на территории России, не увенчался успехом, единого комплексного исследования авторы рецензии не обнаружили, но есть ряд отдельных интересных замеров [ВЦИОМ 2020; Магун, Руднев 2019; Макарова, Фомичёва 2019].

Второй параграф третьей главы написан уже белорусскими экономистами и содержит описание представлений населения ряда стран (Беларусь, Россия, Польша) о наиболее значимых приоритетах развития страны (по данным исследований Всемирного обзора ценностей) в разные периоды (1989–1990 гг., 1995–1997 гг., 2011–2012 гг.), а также данные опроса населения Беларуси в 2014 г. В этом параграфе представлен анализ вероятных социальных проблем и рисков в Беларуси через 10–15 лет и перспектив белорусской экономики в 2030 г. Авторы отмечают, что у белорусов существует запрос не только на изменение бизнес-климата, но и на изменение культурной матрицы. Они считают, что эволюционных изменений культурной матрицы можно

ждать очень долго, необходимо повышение скорости раскодирования экономики Беларуси через культурную, социальную и экономическую открытость: «Только открытость трансформирует национальную матрицу и ее влияние на экономику» [«Потому что так решили мы»... 2017, 152]. Таким образом, если в первом параграфе авторы ставили вопрос и о наличии самой культурной матрицы и об ее влиянии на экономику, то в середине книги они снимают эти вопросы, дав положительный ответ на вопрос о ее существовании, и начинают предлагать решения по раскодированию экономики и изменению культурной матрицы белорусов.

По мнению авторов монографии, раскодирование или изменение культурной матрицы должно происходить в трех направлениях: экономическом, институциональном и социологическом. Суть экономического раскодирования – это улучшение инвестиционного климата с целью привлечения иностранных инвестиций. Институциональное раскодирование заключается в изменении существующих экономических, социальных институтов и институтов инновационного развития с целью повышения доверия к ним. Под социологическим раскодированием авторы понимают использование просветительского патернализма через совершенствование системы образования, общественно-политическое трансформирование посредством подталкивания («nudge») и обновления политической системы, предполагающее многопартийность. «Рецепты лечения» давно знакомы, сложности возникают на этапе реализации их в реальной жизни.

Интересна последняя глава монографии «Раскодированная экономика Беларуси», в которой представлена футуристическая картина будущего Беларуси глазами научного редактора монографии. В свободной форме К.В. Рудый представляет читателю то, как будет выглядеть будущее и что необходимо сделать, чтобы быть максимально готовым к грядущим изменениям. Не будем давать оценочных суждений нарисованной картине, важно, что она есть, есть некое видение направления развития, анализ которого тоже может стать ценным источником для будущих научных исследований.

В заключение хотелось бы вернуться к исходному вопросу, который мы поставили: воз-

можно ли раскодирование экономики? Наш ответ однозначен: возможно, и возможно именно на основе понимания экономики через те ценности, которые разделяет и воспроизводит конкретное общество. Книга, на которую написана данная рецензия, может, и не является самым удачным примером исследования, направленного на изучение взаимосвязи экономики и культуры; не в полной мере научному редактору удалось организовать действительно междисциплинарное исследование, но анализ чужих ошибок порой может стать ценным источником новых исследований, лишенных части недостатков предыдущих. Закончить бы хотелось цитатой из работы Ш. Бёгельсдейка и Р. Маселанд «Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности»: «Мы видим, как экономисты постепенно уходят от откровенно узких интерпретаций в рамках методологического индивидуализма и проявляют все больший интерес к социальному взаимодействию и межсубъектным смыслам и убеждениям. Мы верим, что эти изменения могут придать экономической науке новые силы и сделать область исследований культуры в экономике критически важным направлением работы в грядущие десятилетия» [Бёгельсдейк, Маселанд 2016, 382–383]. Можно лишь присоединиться к высказанному выше тезису, признавая, что наиболее важные открытия, объясняющие экономическое поведение, лежат на стыке нескольких научных дисциплин, но в первую очередь все-таки экономики и социологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бёгельсдейк, Маселанд 2016 – *Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р.* Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. В.С. Автономов. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 464 с.
- Борнукова, Годес, Щерба 2020 – *Борнукова К., Годес Н., Щерба Е.* Доверие в экономике: что это, как работает и для чего нужно? // Банковский вестник. № 3. С. 95–99.

- ВЦИОМ web – ВЦИОМ, 2000. Здоровье, семья и безопасность // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10318>.
- Воробьев, Майборода 2017 – *Воробьев В.А., Майборода Т.Л.* Либертарианский патернализм Р. Талера: основания, возможности, концептуальные провалы // *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 4–22.
- Долинина 2017 – *Долинина Т.Н.* Беларусь в кругу сопредельных стран: институциональные основы национальной конкурентоспособности // *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 114–128.
- Злотников 2018 – *Злотников А.Г.* От заблуждений «Финансовой диеты» к заблуждениям «Раскодирования» Беларуси // *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. № 3. С. 347–359.
- Магун, Руднев 2019 – *Магун В.С., Руднев М.Г.* Динамика базовых ценностей российского населения: 2006–2018 // *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова): Междунар. науч. конф. (Москва, 28–30 ноября 2019 г.): сб. материалов / отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. С. 651–653.*
- Макарова, Фомичёва 2019 – *Макарова И.В., Фомичёва Л.М.* К вопросу о роли культуры в развитии экономики // *Самоуправление*. Т. 2, № 1 (114). С. 91–94.
- «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование: монография, 2017 / К.В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К.В. Рудого. Минск: Звезда. 368 с.
- Социологический энциклопедический словарь 1998. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: ИНФРА-М, 1998. 488 с.
- Тайлер 2017 – *Тайлер Р.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать М.: Эксмо. 368 с.
- Талер, Санстейн 2018 – *Талер Р., Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора. М.: Манн: Иванов и Фербер. 240 с.
- Тамбовцев 2015 – *Тамбовцев В.Л.* Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // *Вопросы экономики*. № 12. С. 85–106. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-12-85-106>.
- Финансовая диета... 2016 – Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси: монография / К.В. Рудый [и др.]; под ред. К.В. Рудого. Минск: Звезда. 464 с.
- areas of practical application in modern times.* Trans. N.V. Avtonomova; V.S. Avtonomov (ed.). Moscow, Izd-vo In-ta Gajdara; Izd-vo «Mezhdunarodnye otnosheniya»; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU. 464 p.
- Borukova K., Godes N., Shcherba E., 2020. Trust in the economy: what is it, how does it work, and what is it for? *Bankovskij vestnik*, no. 3, pp. 95-99.
- ВЦИОМ, 2020. *Health, family, and safety*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10318>.
- Vorobyov V.A., Mayboroda T.L., 2017. R. Thaler's Libertarian Paternalism: Foundations, Opportunities, and Conceptual Failures. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 4-22.
- Dolinina T.N., 2017. Belarus in the circle of neighboring countries: institutional foundations of national competitiveness. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 114-128.
- Zlotnikov A.G., 2018. From the delusions of the “Financial Diet” to the delusions of the” Decoding “ of Belarus. *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika*, no. 3, pp. 347-359.
- Magun V.S., Rudnev M.G., 2019. Dynamics of basic values of the Russian population: 2006-2018. *Budushchee sociologicheskogo znaniya i vyzovy social'nyh transformacij (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Yadova): Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 28–30 noyabrya 2019 g.): sb. materialov.* Gorshkov M.K. (ed.); FNISC RAN. Moscow, FNIC wounds, pp. 651-653.
- Makarova I.V., Fomicheva L.M., 2019. On the question of the role of culture in the development of the economy. *Samoupravlenie*, vol. 2, no. 1 (114), pp. 91-94.
- “Because we decided so”: behavioral economy of Belarus and its decoding: monograph, 2017. K.V. Rudy [et al.]; Rudy K.V. (ed.). Minsk, Zvezda Publ. 368 p.
- Sociological encyclopedic dictionary.* Osipov G.V. (ed.). Moscow, INFRA-M, 1998. 488 p.
- Tyler R., 2017. *The new behavioral economy. Why do people break the rules of the traditional economy and how to make money on it?* 368 p.
- Thaler R., Sunstein K., 2018. *Nudge. Architecture of choice.* Moscow, Mann, Ivanov and Ferber. 240 p.
- Tambovtsev V.L., 2015. The myth of the “cultural code” in economic research. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 85-106. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-12-85-106>.
- Financial diet: reforms of the state finances of Belarus*, 2016. K.V. Rudy [et al.]; Rudy K.V. (ed.). Minsk, Zvezda Publ. 464 p.

REFERENCES

Information About the Authors

Nadezhda V. Dulina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nv-dulina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>

Darya V. Moiseeva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Management and Finance of Production Systems and Technological Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, moiseeva-d@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2044-3418>

Информация об авторах

Надежда Васильевна Дулина, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, nv-dulina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>

Дарья Викторовна Моисеева, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и финансов производственных систем и технологического предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, moiseeva-d@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2044-3418>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре.

Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания.

В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Рубрика журнала «Философия» соответствует отрасли науки 09.00.00 Философские науки, рубрика журнала «Социология и социальные технологии» соответствует отрасли науки 22.00.00 Социологические науки.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20989.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 1 291 руб. 98 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the field of Human, Social and Cultural

Sciences. The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the

basis of peer review system.

The journal heading “Philosophy” corresponds to academic branch 09.00.00 Philosophical Sciences, the journal heading “Sociology and Social Technologies” corresponds to academic branch 22.00.00 Sociological Sciences.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20989.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 1291.98 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала «Logos et Praxis» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://psst.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

**CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LOGOS ET PRAXIS***

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.
  2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
  3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
  4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
  5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
  6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
  7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
  8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
  9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
  10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical. The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail. The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly. The review usually takes 8 weeks.
For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
-
-

ISSN 2587-9715

9 772587 971004

